

Т. А. Ильина

Школа Максимовича

Министерство образования и науки
Российской Федерации

Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Тверской государственный университет»

Т. А. ИЛЬИНА

Школа Максимовича

Исследование и материалы

Тверь, 2010

УДК 377.8(470.331)(091)
ББК Ч474(2Рос-4Тве)737.18
И46

Ильина Т. А.

И46 Школа Максимовича: исследование и материалы / Науч. ред. М. В. Строганов; ред. О. В. Вершинина. — Тверь: ТО «Книжный клуб», 2010. — 184 с., 16 с. цв. ил.

ISBN 978-5-903830-26-8

Настоящее издание представляет собой сборник материалов, посвященных истории одной из ведущих российских земских женских учительских школ конца XIX — начала XX в., ставшей основой Тверского государственного университета. Значительную часть издания занимает исследование о бытовании художественной литературы в школьной среде рубежа веков, роли отечественной словесности в дореволюционном образовании. Остальные материалы посвящены истории школы Максимовича, судьбам ее основателя, педагогов и воспитанниц. Издание приурочено к 140-летию учебного заведения.

Научный редактор: доктор филологических наук, профессор М. В. Строганов.

УДК 377.8(470.331)(091)
ББК Ч474(2Рос-4Тве)737.18

ISBN 978-5-903830-26-8

© Т. А. Ильина, 2010
© Е. Н. Строганова, раздел о Е. П. Свешниковой, 2010
© Тверской государственный университет, 2010
© ТО «Книжный клуб», издательство, 2010

СТРАНИЦА В ИСТОРИИ СТРАНЫ

Всегда приятно, когда начатый на твоих глазах и при твоём участии труд осуществляется в большом законченном виде. В данном случае чувство удовлетворения усиливается от того, что тема этого труда близка и дорога тебе лично.

Конечно, не правы те, кто, стремясь поднять авторитет современного Тверского государственного университета, считают его возраст от 1870 г., от основания школы П. П. Максимовича. Это преувеличение никого не обманет и только понизит солидность наших слов. Но фактом является то, что школа Максимовича была первым в Тверской губернии средним специальным учебным заведением, сориентированным на подготовку кадров народного образования. И в этом отношении Тверской госуниверситет является преемником школы П. П. Максимовича, преемником и самих образовательных традиций, и тесной связи с родным краем, и уровня подготовки кадров.

Своей alma mater принято гордиться. Но школой Максимовича мы гордимся потому, что имена, знакомые нам по истории школы, известны вообще как имена крупных деятелей науки и культуры: А. П. Павлов, Ф. Ф. Ольденбург, Е. П. Свешникова, М. М. Клеветский, Ф. О. Лашек, Н. А. Кун, Л. В. Кандауров. Мы гордимся школой Максимовича потому, что имена ее педагогов навсегда вписаны в историю России, так же как и имя самого П. П. Максимовича. И школу Максимовича нельзя отделить не только от истории Твери, но и от истории страны в целом.

Конечно кто-то эту книгу быстро прочитает и пролистает. Но преподаватели, выпускники и студенты Тверского государственного университета будут с любовью читать и перечитывать ее, потому что это и их история. Поэтому у этой книги большая и счастливая жизнь.

Читатель легко заметит, что основное внимание в книге уделено преподаванию дисциплин гуманитарного цикла. Причина этого не в том, что автор книги сама филолог. Просто для филолога (и шире — гуманитария) народное образование дореволюционной России дает огромный и богатый материал. Гуманитарные дисциплины стояли в центре образовательных усилий, поскольку педагоги хорошо понимали, что именно они формируют гуманную личность. Если естественные и точные науки дают знания, то гуманитарные науки формируют человека.

И данная книга напоминает нам о тех традициях, которые оказались в современном обществе в забвении. Ни мало не отрицая значения естественных и точных дисциплин для образования человека, нельзя не признать того, что гуманитарные предметы в процессе образования играют более важную роль. Они не профес-

сионализируют знание, а делают личность более разносторонней, духовно богатой и яркой. Гуманитарные дисциплины очень важны для молодых людей, которым всегда кажется, что они смогут многое сделать и в этой области, и в другой; молодости свойственно разбрасываться. Но мы были бы не правы, если бы считали это свойство недостатком; это достоинство молодости, которое проходит с годами, когда жизнь входит в строго определенные рамки, а специальные интересы всё больше и больше специализируются.

Сохранившиеся материалы школы Максимовича обращают нас к опыту прошлого, и мы понимаем, что мы потеряли, к чему стоило бы вернуться. И в этом также очень большое значение предлагаемой книги.

Я не сомневаюсь, что книгу ждет заслуженный успех. Я хотел бы, чтобы и ее автор Татьяна Анатольевна Ильина вполне пережила свой заслуженный успех. Без специальных заданий, без понуждения она приготовила нам к юбилею школы Максимовича самый важный, самый нужный подарок. И за это ей большое спасибо.

М. В. Строганов

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предшественницей Тверского государственного университета по праву считается Тверская земская женская учительская школа имени П. П. Максимовича, основанная в 1870 г. едва ли не первой в России среди подобных учебных заведений. Школа просуществовала почти пятьдесят лет и за этот период сумела завоевать большой авторитет по всей России. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что сведения о Павле Павловиче Максимовиче и его школе вошли в крупные энциклопедии XIX и XX вв.¹ К 1917 г. в России было всего 6 подобных школ, из них «лучшими были <...> Санкт-Петербургская земская учительская школа <...> и Тверская женская учительская школа имени П. П. Максимовича»².

В 1919 г. вся материальная база школы была передана институту народного образования (с 1921 г. — педагогический институт, с 1971 г. — университет). Здесь остались работать видные педагоги школы: физик и астроном Леонид Васильевич Кандауров, химик Мария Федоровна Савина и др.; выпускницы: Анна Степановна Кудряшова, более тридцати лет руководившая библиотекой института, библиотекари Серафима Александровна Соколова, Александра Петровна Зеленева и др.

В гербе, флаге и знаке Тверского государственного университета увековечена память о школе в виде монограммы «ШМ» и даты ее основания «1870». Очень хочется верить, что университет останется наследником не только материального, но и духовного богатства школы Максимовича, чей опыт, педагогические и научные традиции, переданные потомкам при помощи архивных и печатных документов, устных воспоминаний, заслуживают самого пристального внимания.

Изучение истории школы в советский период началось после Великой Отечественной войны, особенно много было сделано кандидатом педагогических наук, доцентом Калининского педагогического института В. У. Сланевским³, а с 1990-х гг. и по сегодняшний день этим активно занимается Научная библиотека Тверского государственного университета (НБ ТвГУ), поскольку большая часть

¹ См.: Максимович Павел Павлович // Энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1896. Т. 18. С. 443; Сланевский В. У. Тверская женская учительская школа им. П. П. Максимовича // Педагогическая энциклопедия. М., 1968. Т. 4. С. 215.

² Константинов Н. А., Медынский Е. Н., Шабаетова М. Ф. История педагогики. М., 1982. С. 255.

³ См.: Сланевский В. У. Тверская женская учительская школа П. П. Максимовича // Ученые записки Калининского гос. пед. ин-та. Калинин, 1946. Т. 10, вып. 2. С. 3–32; Он же. К истории Тверской учительской школы П. П. Максимовича // Советская педагогика. 1946. № 4/5. С. 75–83; Он же. Тверская женская учительская школа П. П. Максимовича // Педагогическая энциклопедия. Т. 4. С. 215; Он же. Тверская женская учительская школа П. П. Максимовича: (К 100-летию со дня ее основания) // Из истории дореволюционной школы и педагогики. Калинин, 1971. С. 118–121.

школьного архива хранится именно здесь. В 1992 г. была издана небольшая книга «Школа Максимовича»⁴, с 1995 г. каждые пять лет библиотека проводит юбилейные научные чтения, материалы которых публикуются в сборниках⁵. В 1998 г. автором данного издания по материалам школы была защищена кандидатская диссертация⁶, в 2007 г. выпущен компакт-диск⁷, который содержит полные тексты книг и статей, очерк по истории школы, список всех преподавателей, опись архивных документов и их копии, фотоматериалы.

На сегодняшний день архив школы насчитывает около 200 документов: фотографии, рабочие тетради педагогов, рукописные журналы воспитанниц, альбомы стихов и рисунков, афиши и программки спектаклей, воспоминания выпускниц. Сформированы личные архивы преподавателей: Л. В. Кандаурова (150 документов) и М. М. Клевенского (45 документов), собираются документы Н. А. Куна.

Среди документов большой интерес представляет рабочая тетрадь начальницы школы 1874–1887 гг. Н. П. Дьяконовой⁸, содержащая лекции по психологии, педагогике, методике отдельных предметов. Надежда Павловна стояла у истоков школы, а следовательно, закладывала ее традиции. Содержание записей позволяет сделать вывод о глубоко гуманистической и демократической направленности работы школы по воспитанию будущих учительниц.

Воспоминания ученицы школы 1909–1914 гг. М. И. Грифцовой⁹ содержат богатый фактический материал, заслуживающий самого пристального внимания.

Рукописные журналы воспитанниц¹⁰ позволяют судить о круге интересов молодежи начала XX в., литературных пристрастиях, словесном и художественном творчестве, свидетельствуют о хорошем владении словом. Сочинения девочек 2-го класса, собранные в большую тетрадь (1906)¹¹, показывают, что художественную литературу в начале XX в. часто воспринимали как пособие по психологии. Темы сочинений — психолого-педагогические, но написаны они по литературным произведениям.

Тетрадь преподавателя пения Ф. О. Лашека¹² содержит ноты гласов тверского распева для женского хора.

⁴ Школа Максимовича / Сост. Т. А. Ильина. Тверь, 1992.

⁵ См.: 125-летие школы Максимовича: Юбилейные чтения. Тверь, 1997; Традиции российской школы: История и современность. Тверь, 2002; То же. Тверь, 2006.

⁶ Ильина Т. А. Русская литературная классика в школьной среде начала XX в. По материалам Тверской земской женской учительской школы им. П. П. Максимовича: Дис. ...канд. филол. наук. Тверь, 1998.

⁷ Школа Максимовича [Электронный ресурс] / Твер. гос. ун-т, Науч. б-ка. Тверь, 2007. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

⁸ Дьяконова Н. П. Курс педагогики, преподававшейся в школе П. П. Максимовича до осени 1887 г. [Рукопись]. Документ является архивным, но оформлен как книга, поэтому его можно найти в каталоге.

⁹ Архив школы Максимовича в Научной библиотеке ТвГУ (далее: Архив ШМ НБ ТвГУ). Ед. хр. 21.

¹⁰ Там же. Ед. хр. 2–5.

¹¹ Там же. Ед. хр. 1.

¹² Там же. Ед. хр. 38.

Сохранившиеся рисунки учениц говорят о хорошо поставленном художественном воспитании, при котором каждая ученица свободно владела кистью и красками, а самодельные альбомы с репродукциями известных картин свидетельствуют о теоретическом изучении истории искусства.

Афиши и программки спектаклей, литературно-музыкальных вечеров¹³ позволяют узнать о литературных и музыкальных пристрастиях молодежи демократического круга начала XX в.

Личные архивы преподавателей очень важны для изучения их биографий, роли в развитии той отрасли знания, которой они занимались. За последние годы архив пополнился интересными документами из семейных архивов преподавателей: А. Н. Робера, Н. А. Куна, М. И. Модестовой, Л. В. Кандаурова, М. М. Клевенского, а также выпускниц школы: Н. В. Вагаевой (выпуск 1893), А. Ф. Малыгиной (1902), Г. К. Соколовой (1904), А. К. Соколовой (1907), М. И. Тютинной, А. Ф. Чернышевой (1915), А. В. Рысевой (1918). Эти документы любезно передали библиотеке потомки учителей и учениц: К. С. Семенов, И. И. Кун-Немировская, А. Е. Иллюминарская, К. А. и Т. А. Кандауровы, Т. М. Клевенская, И. А. Попов, Г. Н. Балакирева, В. С. Папин, Т. А. Соколова и Л. М. Иванова. Всё это — богатый источник для изучения истории школы, а значит — педагогики и культуры в целом.

Книжная коллекция школы стала основой библиотеки пединститута. Ее изучение продолжается и сегодня. К сожалению, каталогов школьной библиотеки не сохранилось, поэтому выявлять книги приходится путем фронтального просмотра фонда. Среди документов архива сохранился краткий, не законченный, рукописный «Путеводитель по библиотеке школы Максимовича», составленный после 1910 г. учителем русского языка М. И. Вышинской¹⁴. Из него известно, что в основном библиотека включала в себя учебники и книги по педагогике, психологии, естествоведению, истории, словесности, русскую и иностранную художественную литературу. Много педагогических журналов, а также книг краеведческих, выпускавшихся тверским земством. Анализ библиотеки очень важен для характеристики читательских приоритетов, определения содержания преподаваемых предметов, глубины их изучения и освоения. Физическое состояние и маргиналии на книгах дают богатый материал для анализа бытования литературы и ее восприятия.

Среди интересных экземпляров есть и полиграфические шедевры, например, книга В. В. Стасова «„Византийские эмали“ А. В. Звенигородского» (СПб., 1898), и собрание непрезентабельных с виду, но очень ценных книг для народного чтения, переданных школе ее начальницей Е. П. Свешниковой в 1905 г., и коллекция книг видного педагога, заведующего всей учебно-воспитательной работой школы в 1887–1914 гг. Ф. Ф. Ольденбурга, среди которых экземпляры с автографами известных деятелей народного образования: В. П. Вахтерова, Г. А. Фальборка, В. И. Чарнолуского и др.

В предлагаемое издание вошел очерк, посвященный биографии П. П. Максимовича и истории школы, вторая глава включает материалы диссертации по проблеме бы-

¹³ Там же. Ед. хр. 15, 27.

¹⁴ Там же. Ед. хр. 11.

тования художественной литературы в демократической школьной среде начала XX в., третья рассказывает о педагогах школы. Раздел третьей главы, посвященный Е. П. Свешниковой, написан доктором филологических наук, профессором кафедры истории русской литературы ТвГУ Е. Н. Строгановой, которая в 2007 г. осуществила издание ее произведений¹⁵. В приложении помещены воспоминания М. И. Грифцовой (в девичестве Ивановой)¹⁶ и список преподавателей и воспитателей.

Автор книги выражает искреннюю благодарность всем людям, без которых данное издание никогда бы не состоялось: А. Г. Малой, директору библиотеки, которая в 1990 г. обратила внимание автора на архив школы, хранившийся в то время в ее кабинете; Е. И. Березкиной, тоже директору, по инициативе которой была издана первая брошюра 1992 г.; О. В. Вершининой, нынешнему директору библиотеки, которая поддерживала автора в развитии данной темы и приложила немало усилий для издания книги; руководителям и сотрудникам отдела редких книг Л. Е. Козловской, И. И. Феоктистовой, О. Н. Овен, С. Г. Кашарновой, В. К. Дауи. Особая признательность научному руководителю диссертационного исследования и редактору данного издания доктору наук, профессору, заведующему кафедрой истории русской литературы Тверского университета М. В. Строганову, который много содействовал тому, чтобы материалы диссертации наконец-то были опубликованы, а книга состоялась. Большое спасибо семье и друзьям, которые понимали, что школа Максимовича стала частью моей жизни и оказывали всяческую поддержку.

¹⁵ См.: Свешникова Е. П. О детях и взрослых: Статьи. Рассказы. Библиография / Науч. ред. Е. Н. Строганова. Тверь, 2007.

¹⁶ Воспоминания Грифцовой были опубликованы в юбилейном издании Тверского университета «Мои университеты» (Тверь, 2006), но без комментариев, поэтому мы сочли уместным опубликовать их еще раз с необходимыми пояснениями.

Глава 1

П. П. МАКСИМОВИЧ И ЕГО ШКОЛА

Основными источниками для биографии П. П. Максимовича является монография члена Тверской ученой архивной комиссии А. Ф. Селиванова¹, воспоминания директора Кубанской учительской школы Д. Д. Семенова², некролог, написанный известным земским историком и статистиком В. И. Покровским³, немногочисленные документы Государственного архива Тверской области (ГАТО) и архива школы Максимовича в Научной библиотеке Тверского госуниверситета. В 1999 г. была переиздана обширная статья о Максимовиче, написанная в начале XX в. А. Ельницким⁴. Публикации советского времени практически не внесли ничего нового в изучение жизни основателя школы⁵. До настоящего времени подробного жизнеописания П. П. Максимовича не существует.

Источниками по истории самой школы являются документы ГАТО, архива школы в НБ ТвГУ, изданные Тверским губернским земством журналы и протоколы заседаний, ежегодные отчеты по народному образованию в целом и отдельно по школе Максимовича⁶, работы В. У. Сланевского⁷.

Во всех дореволюционных печатных источниках сказано, что Павел Павлович Максимович родился в 1817 г. в Астрахани, но, по данным Государственного архива Астраханской области, «Максимович Павел Павлович родился 26 ноября 1816 г. в Кавказской губернии крепости Константиногорской и крещен в полковой церкви Суздальского пехотного полка, где проходил в это время службу его отец Максимович П. И. Отец — Максимович Павел Иванович, дворянин, 1780 года рождения, был

¹ Селиванов А. Ф. П. П. Максимович, основатель Тверской женской учительской школы: Биографический очерк с портретом. СПб., 1901.

² Семенов Д. Из моих воспоминаний о П. П. Максимовиче // Образование. 1892. № 11. С. 175–179.

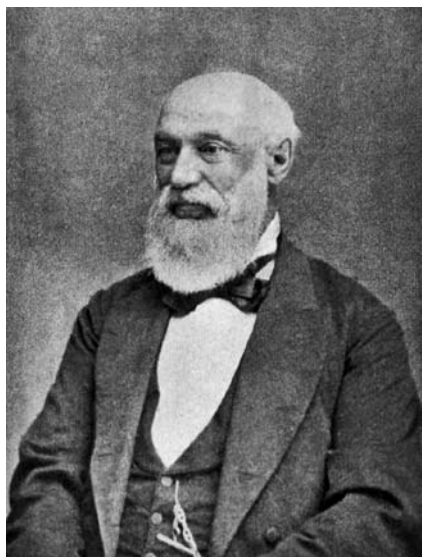
³ Покровский В. Павел Павлович Максимович: (Некролог) // Русская школа. 1892. № 9. С. 68–75. Сокращенно перепечатан в: Исторический вестник. 1893. Т. 51. С. 649–650.

⁴ Ельницкий Ал. Максимович // Русский биографический словарь: Т. [Маак–Мятлева]. М., 1999. С. 57–58.

⁵ См. прим. 3 предисловия.

⁶ Подробная библиография по истории школы имеется в издании: Школа Максимовича [Электронный ресурс] / Твер. гос. ун-т, Науч. б-ка. Тверь, 2007. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

⁷ См. прим. 3 предисловия.

П. П. Максимович.

Из кн.: Селиванов А. Ф.

*П. П. Максимович, основатель
Тверской женской учительской
школы. СПб., 1901.*

женат на Александре Кирилловой. Имел детей: сыновей — Николая, Ивана, Кирилла и Павла, дочерей — Марфу, Александру, Надежду. Вступил в военную службу рядовым в 1799⁸ г., уволен полковником в 1811 г., затем вновь вступил на военную службу в 1813 г. Умер в конце 40-х годов XIX столетия в Астрахани. Когда семья Максимовичей приехала в Астрахань — неизвестно⁹. В Астрахани отец Максимовича был предводителем дворянства.

В детстве Павел несколько лет провел в семье своего дяди, профессора, а потом и ректора Казанского университета И. М. Симонова, который в качестве астронома-наблюдателя в 1819—1821 гг. участвовал в кругосветной экспедиции Ф. Ф. Беллинсгаузена и М. П. Лазарева, обследовавшей на двух небольших шхунах южно-полярные моря и открывшей Антарктиду. И. М. Симонов был прекрасным рассказчиком, занимался литературным творчеством, и, видимо, его интересные рассказы о морских путешествиях настолько заинтересовали племянника,

что тот решил стать моряком. В гостеприимном доме Симонова собирались ученые Казанского университета, и Павел, присутствуя при их разговорах, проникался любовью к науке и просвещению народа. Уже там закладывались основы будущего Максимовича — отличного рассказчика, эрудита и полиглота, знакомого с классической литературой Европы в подлинниках.

В 1832 г. родители отдали Павла на обучение в Морской кадетский корпус¹⁰, директором которого был известный моряк И. Ф. Крузенштерн. 4 января 1835 г. Максимович был произведен в гардемарины, 18 декабря того же года за хорошую учебу и поведение — в старшие унтер-офицеры, 23 декабря 1836 г. — в мичманы. Товарищи по учебе и преподаватели отзывались о Павле Павловиче «не только как о выдающемся ученике, но и как о замечательном по благородству юноше»¹¹. Затем он поступил в офицерские классы (в 1877 г. эти классы были преобразованы

⁸ В документе ошибочно поставлен 1779 г. См.: Архив ШИМ НБ ТвГУ Ед. хр. 10.

⁹ Справка из Государственного архива Астраханской области (Копия) // Архив ШИМ НБ ТвГУ. Ед. хр. 10.

¹⁰ В формулярном списке П. П. Максимовича 1887 г. записано: «...определен кадетом в Морской корпус 5 июня 1832 г.» // ГАТО. Ф. 59. Оп. 1. Ед. хр. 5285. Л. 3. См. также: ГАТО. Ф. 645. Оп. 1. Ед. хр. 2442. О жизни воспитанников Морского кадетского корпуса в это время см.: Морской кадетский корпус: Крат. ист. очерк / Сост. А. Коротков. [Репр. с изд. 1901 г.]. СПб., 2006. С. 135—163.

¹¹ Селиванов А. Ф. П. П. Максимович, основатель Тверской женской учительской школы. С. 12.

в Николаевскую Морскую академию), которые закончил через три года «первым» по выпуску и 17 апреля 1840 г. получил звание лейтенанта. Четыре месяца он находился при гвардейском экипаже, а 26 марта 1841 г. был назначен в Морской корпус «состоять при младшем офицерском классе для надзора за преподаванием»¹², а вскоре стал преподавать в гардемаринских классах навигацию, астрономию, теорию кораблестроения, в корпусе — географию. Ученики отзывались о Павле Павловиче восторженно: он был всесторонне образованным человеком, хорошо знал не только свой предмет, но и историю, классическую европейскую литературу. Особо привлекала учеников его доброта и отзывчивость, постоянная готовность оказать помощь. Летом он совершал со своими воспитанниками учебные плавания по Рижскому заливу и Немецкому морю.

В Петербурге Максимович женился на Анне Андреевне Хлебниковой, дочери известного офицера Андрея Ильича Хлебникова, который в 1811–1813 гг. находился в японском плену. Андрей Ильич прожил долгую жизнь и был похоронен на Смоленском кладбище Твери¹³. Семейные обстоятельства (по-видимому, болезнь жены. — *Т. И.*) заставили Павла Павловича в 1848 г. оставить службу в чине капитан-лейтенанта и поселиться в селе Спасском Кашинского уезда.

С этого времени началась широкая общественная деятельность Максимовича. Когда правительство возбудило вопрос об освобождении крестьян от крепостной зависимости, в 1858 г. дворянство Кашинского уезда избрало Максимовича своим депутатом в губернский комитет по устройству и улучшению быта помещичьих крестьян. Здесь он примкнул к партии А. М. Унковского и А. А. Головачева, то есть к тому кругу депутатов, которые желали немедленного освобождения крестьян с земель. После закрытия комитета в 1859 г. Максимович возвратился к сельской жизни, основал в своем имении школу и внимательно следил за преподаванием в ней.

После открытия в 1864 г. земских учреждений Максимович стал их активным деятелем. С 1865 г. он участвует в заседаниях Кашинского уездного земского собрания, а в 1866–1877 гг. является членом Тверской губернской земской управы. Сначала он заведовал делами губернской земской больницы, потом занимался вопросами народного продовольствия, но главным делом его жизни было просвещение народа.

Крестьянское население Тверской губернии (как и всех других в России 1860-х гг.) было в основном неграмотным, и после крестьянской реформы стало понятно, что для развития России недостаточно только освободить крестьян — необходимо их образовать. Поэтому уже в 1869 г. Максимович поставил вопрос перед земством о необходимости издания дешевых книг для народного чтения, а главное — о подготовке достаточного количества учительниц для начального образования, по возможности, в каждом селении губернии. Максимович считал, что именно женщина, дающая жизнь ребенку, его кормилица и первоначальная естественная воспитательница, должна быть и его первой учительницей. Она ближе к ребенку,

¹² Там же. С. 16–17.

¹³ Шереметевский В. В. Русский провинциальный некрополь. [Репр. с изд. 1914 г.]. СПб., 2006. С. 913.

лучше понимает его психологию, терпимее, мягче, нежели мужчина. По мысли Максимовича, девушка, получив образование за счет земства в одном из высших женских училищ губернии и сдав экзамен на звание сельской учительницы, могла бы преподавать в народной школе. Если такой школы в деревне нет, девушка может обучать детей в семье в качестве домашней учительницы. По прошествии нескольких лет она может переходить в другую деревню, и таким образом весь уезд будет охвачен делом просвещения народа.

Обучать девушек следовало бы не только общим предметам, но и «оспопрививанию, знакомить с правилами народной гигиены, практически применимой в сельской <...> жизни, с уходом за больными, родильницами, новорожденными и вообще сообщать все медицинские сведения, доступные им по их образованию и приложимые к жизни сельского населения»¹⁴.

В 1869 г. проект организации школы был представлен на рассмотрение земства, но был отклонен как недостаточно разработанный. Тогда Максимович пошел другим путем: он решил на свои деньги открыть в Твери учительскую школу.

Он проводит совещания, обсуждает программу, устав, советуется с видными педагогами Петербурга. Максимович считает, что первое время не следует быть слишком требовательными и давать звание учительницы девушкам, умеющим бегло читать, рассказывать прочитанное своими словами, знающим необходимые молитвы, первые два действия арифметики, умеющим объяснять Священное Писание, считать на счетах, писать без грубых ошибок. В результате устав и программа школы, а также ходатайство о разрешении на ее открытие были утверждены попечителем Московского учебного округа А. А. Ширинским-Шихматовым 30 марта 1870 г.

В мае этого же года во все уездные земские собрания было разослано следующее предложение: «В видах распространения грамотности и обучения народа вне школы, через семью, П. П. Максимович учреждает с осени сего года женскую школу для образования учительниц, почему и просит уездные земства, не найдут ли они возможным послать в эту школу своих стипендиаток. Всё, что касается до классного обучения, найма учителей и покупки книг, то г. Максимович принимает на свой счет, ученицы же должны иметь свою квартиру и стол»¹⁵.

Открытие школы произошло 1 декабря 1870 г. в небольшом флигеле при богадельне за Волгой. По другим источникам, школа разместилась «в большом флигеле дома, принадлежавшего земству, который 3 года стоял пустой. Всего учениц 21: от 10-летних девочек до 28-летних. Из них 10 — стипендиатки Тверского и Вышневолоцкого земства и живут в помещении школы, остальные приходящие»¹⁶. Первая программа обучения была крайне ограниченной, но предложить более широкую программу Максимович не осмелился, опасаясь того, что министерство во-

¹⁴ Цит. по: Сланевский В. У. Тверская женская учительская школа П. П. Максимовича. С. 121.

¹⁵ Покровский В. Павел Павлович Максимович. С. 70.

¹⁶ ГАТО. Ф. 20. Ед. хр. 4364. Л. 22. В черновом письме директора народных училищ Тверской губернии А. Н. Дружинина к попечителю Московского учебного округа от 29 декабря 1870 г. датой открытия названо 18 декабря, но в документах земства и штампе на книгах из библиотеки школы указано 1 декабря.

обще закроем школу. Он решил постепенно расширять программу, увеличивать срок обучения, а министерство ставить перед свершившимися фактами. Первоначально была утверждена следующая программа преподавания: Закон Божий, русский язык, церковнославянское чтение, всеобщая история, русская история, всеобщая география, русская география, арифметика. Кроме этих предметов ученицы могли изучать народную гигиену, пение, рукоделие. Курс преподавания был трехгодичный, обучение — с сентября по май. В школу могли поступать девушки не моложе 15 лет, окончившие народную школу или начальное двухгодичное училище. Сам Максимович писал о первых годах жизни своего детища: «...школа поместилась в небольшом и очень дешево нанятом за Волгой доме: на первый раз могли только организовать два класса с 30—45 ученицами. Программа преподавания была не обширна, и всё обучение в школе было направлено к тому, чтобы подготовить для народа учительниц грамотных, религиозно-нравственных, любящих свое дело и могущих тепло и сердечно относиться к обучаемым детям»¹⁷.

А земство ровно через год, в декабре 1871 г., направило сюда комиссию, которая сообщила: «Всех девочек в заведении 49, в том числе стипендиаток — 23. По произведенным испытаниям в предметах обучения все воспитанницы отвечали на задаваемые вопросы более нежели удовлетворительно. В ответах заметна сообразительность и непринужденность, что указывает на вполне разумный метод преподавания и на гуманное обращение с ученицами»¹⁸. С этих пор земство признало школу и стало оказывать ей материальное содействие. А 10 июня 1872 г. императорским решением она стала законно именоваться «Школой Павла Павловича Максимовича».

П. П. Максимович, заботясь о прочности своего учебного заведения, не отдал его полностью в распоряжение земства, а продолжал сам осуществлять руководство, получая субсидии земства в отчетное распоряжение. Из его отчетов видно, что приходящие ученицы обучаются бесплатно и получают письменные принадлежности даром, за счет основателя школы. Павел Павлович пользовался любым случаем, чтобы в виде ли взноса на содержание стипендиаток, покупкою книг и других учебных пособий, или в иной форме оказывать посильное материальное содействие своей школе. Не имея больших материальных средств и не желая испрашивать значительных пособий у земства, Павел Павлович старался обставить свою школу как можно проще и достигать хороших результатов с возможно умеренными затратами.

Внутренняя жизнь школы в первые годы выглядела примерно так. Хозяйство было поручено кастелянше при богоугодных заведениях госпоже Куракиной, которую контролировала начальница школы; обе они жили при школе. Прислуга состояла из сторожа и кухарки. Куракина делала все необходимые покупки, а деньги и отчеты передавала начальнице, на кухне ежедневно помогали кухарке две ученицы. Кроме дежурных четыре очередные воспитанницы должны были наблюдать за чистотой: они приводили в порядок классные комнаты и спальни во внеурочное время. Старший класс от дежурства был освобожден.

¹⁷ Селиванов А. Ф. П. П. Максимович, основатель Тверской женской учительской школы. С. 44.

¹⁸ Цит. по: Покровский В. Павел Павлович Максимович. С. 71.

Воспитанницы вставали в 6 часов утра. В 7 часов — общая молитва. Между 7—8-ю часами — утренний чай. Один урок длился 1 час 15 минут, перерыв между уроками — 15 минут. Ежедневно было 4 урока. Общую молитву утром и вечером читала одна из дежурных учениц. Классы начинались и заканчивались хоровым пением молитв. Обед состоял из 3-х блюд, в праздники — из 4-х. Среда и пятница были постными днями. В праздничные дни все живущие в школе ходили ко все-нощной и к обедне в городскую церковь (позже все службы проходили в школе).

В 1875 г. библиотека школы составляла 1072 тома для чтения, учебники выдавались воспитанницам в вечное пользование. Позже библиотека была разделена на фундаментальную и ученическую. Ученическая библиотека представляла воспитанницам открытый доступ к книгам, в фундаментальной — работал библиотекарь. Помимо этого в каждом классе имела классная библиотека со своим каталогом. К моменту закрытия школы в 1919 г. фонды библиотеки составили 15 тысяч томов¹⁹. Если учесть, что общая сумма книг всех трех учебных заведений, легших в основу Тверского университета, — 23 тысячи, мы вправе сказать, что именно библиотека школы Максимовича является фундаментом Научной библиотеки ТвГУ.

П. П. Максимович очень внимательно относился к подбору учителей для своей школы. Уже в 1872 г. в числе педагогов мы видим Александра Николаевича Робера, бывшего до этого 7 лет директором Тверской классической гимназии. Приглашенный читать только педагогику, Робер, сразу горячо полюбивший своих слушательниц, открыл для них курсы всеобщей (преимущественно древней) истории и русской словесности; по воскресеньям и праздничным дням, а иногда и по вечерам, приходил в школу читать образцовые произведения русской литературы. А чтец он был замечательный. Именно А. Н. Робер был инициатором тех педагогических традиций, которые сделали эту школу поистине уникальной в России, причем не только дореволюционной, но и современной.

По предложению А. Н. Робера в школе не применяли для оценки знаний баллы, их заменили характеристики успеваемости класса и каждой ученицы за полугодие. Воспитатели указывали, какие разделы и темы ученицами освоены основательно, а какие слабо, кто мог бы учиться лучше. Такие указания назывались «поправками». Указания, что надо поправить и как это сделать, давались ученицам без унижения их человеческого достоинства. Не было и традиционных переводных экзаменов из класса в класс. Это отсутствие оценок и экзаменов сохранилось до последнего дня работы школы. Вот как об этом вспоминала М. И. Грифцова: «...в школе Максимовича, в отличие от других учебных заведений, не существовало обычных отметок по пятибалльной системе, как не было и мучительных переходных экзаменов из класса в класс, тоже обычных в то время для средних учебных заведений. И мы гордились, что учимся не для отметок, а для знаний. Экзамен был у нас только конкурсный при поступлении в школу и выпускной при ее окончании, а знания закреплялись и проверялись в конце каждого полугодия двухнедельным повторением (по частям) пройденного, что называлось у нас „репетициями“. Проходили они как

¹⁹ См. : Кудряшова А. С. Библиотека Калининского государственного педагогического института им. М. И. Калинина: (1919–1937) // Мои университеты. Тверь, 2006. С. 95.

Урок в начальном училище

урок, на котором спрашивали заданный для повторения материал. Готовились мы к „репетициям“ тщательно, но кто как хотел: и в одиночку, и группами в любых комбинациях, а тот, кто в чем-то был слаб, всегда находил товарищескую помощь у тех, кто данный вопрос или предмет знал лучше. Получалось это само собой, простые товарищеские отношения были безупречны. Преподаватели нас не тянули, не подгоняли, не „пробирали“, но я не слыхала ни об одном второгодничестве в школе, не знала ни одного настоящего лодыря. Вспоминаю, как после „репетиций“ и педагогического совета, на котором обсуждали наши успехи, начальница приходила в каждый класс сообщить результаты <...> Уже по голосу ее, серьезному или веселому, мы узнавали, довольны нами или не очень. В конце она сообщала, у кого и что не совсем благополучно, и называла фамилии, кому по какому предмету надо „поправиться“. У нас это называлось „получить поправку“. Мы всегда радовались, если класс оказывался на высоте, „поправок“ было мало, а Ольга Юрьевна улыбалась».

Предметом постоянных забот А. Н. Робера была практическая подготовка воспитанниц к педагогической деятельности. Первым завоеванием на этом пути было получение в 1874 г. права проходить практику в двух начальных училищах Твери. А в 1877 г. при школе было открыто Нормальное начальное училище, находившееся в заведовании А. Н. Робера. Александр Николаевич работал в школе с 1872 до дня своей смерти — 28 марта 1880 г.

В 1874 г. П. П. Максимовичу удалось привлечь к работе новые силы. На должность начальницы школы он пригласил Надежду Павловну Дьяконову, имевшую ранее в Петербурге свое женское училище. Одаренная сильным умом,

основательно образованная и высоко гуманная, новая начальница всецело посвятила Тверской женской учительской школе последние 13 лет своей жизни. Приглашенная на 6 уроков в неделю, она давала их втрое больше. Обладая большими познаниями, Н. П. Дьяконова читала в школе в разное время и географию, и историю, и русскую грамматику, а после смерти А. Н. Робера и педагогику. Сохранившаяся рабочая тетрадь Надежды Павловны свидетельствует о широких возможностях этого человека. Начальница была лучшим другом каждой ученицы. После окончания школы Надежда Павловна с каждой из бывших своих учениц вела оживленную переписку, каждой помогала. А после ее смерти земство учредило стипендию ее имени.

П. П. Максимович был настолько увлечен своим делом, что ему хотелось внедрить как можно больше, говоря современным языком, «новых технологий», опробовать самые последние методики обучения и воспитания. Уже в 1872 г. он предложил земству проводить летние педагогические курсы для повышения квалификации учителей народных школ. А в 1873 г. он попытался открыть при своей школе детский сад по системе известного немецкого педагога Ф. Фребеля (такой сад на 23 ребенка был открыт только 12 ноября 1918 г.²⁰). С увеличением земских субсидий на школу, появлением хороших педагогов П. П. Максимович, желая дать девушкам как можно более всестороннее образование, в 1874/1875 учебном году решает продлить срок обучения до пяти лет, введя подготовительный класс и последний — педагогический, а в связи с этим расширить программу преподавания. К ранее названным предметам добавилась физика, естествознание, гигиена, увеличилось время педагогической практики²¹.

Все эти нововведения не были узаконены официально (вспомним позицию Максимовича: сначала делать, а потом ставить министерство перед фактом). Может быть, именно эта самостоятельность и независимость стали причиной резко отрицательного отношения к школе со стороны Министерства народного просвещения. С 1877 по 1880 г. развернулась борьба за сохранение школы от разгрома местным представителем министерства — директором народных училищ Н. Д. Маловым. Пока школа представлялась безобидным учреждением, вроде школы грамотности, всё было нормально; но когда она выросла настолько, что стала большой реальной силой в деле распространения образования среди населения, ее влияния стали побаиваться правящие круги России. Н. Д. Малов писал доносы о политической неблагонадежности преподавателей, появились негативные статьи в газетах «Русский мир» и «Новое время». Кроме того, как говорили земцы, Н. Д. Малов вообще был настроен против женского образования. Следствием этого стало упразднение в 1877 г. подготовительного класса, удаление из школы 43 воспитанниц, исключение всех иноверок (их было трое. — Т. И.), увольнение двоих преподавателей без объяснения причин. Надзор над школой должен был осуществлять директор реального училища «г-н Кривоносов», который заставил учителей ставить оценки. Об этом человеке писали: «Выбор пал на личность, которая, несмотря на всегдаш-

²⁰ ГАТО. Ф. 861. Оп. 1. Ед. хр. 1236. Л. 164.

²¹ См.: Программа женской учительской школы г-на Максимовича // Протоколы очередного Тверского губернского земского собрания за 1875 год. Тверь, 1876. С. 319–326. Это вторая по времени появления и первая напечатанная программа школы.

нее спокойное, ледяное, вежливое отношение к школе, своим суровым формализмом, бессердечием вселяла страх в воспитанниц, доводивших их до истерик; к счастью, этих случаев было немного. Мелочные же придирки и утомительные педагогические советы оставляли в учащих тяжелое, горькое чувство, доходившее до того, что незабвенный для школы, сроднившийся с нею А. Н. Робер не раз хотел оставить ее»²². Кстати, именно эти жестокие и несправедливые нападки на школу стали, по мнению некоторых земцев, одной из причин ухода из жизни А. Н. Робера в марте 1880 г.

Так продолжалось до замены в 1880 г. Д. А. Толстого на посту министра народного просвещения А. А. Сабуровым. В продолжение всего этого времени П. П. Максимович стойко и мужественно боролся за свое детище, обращался и к попечителю учебного округа князю Б. В. Мецкерскому, и к губернатору А. Н. Сомову. Эта борьба также принесла свои плоды. А его защита своих друзей-педагогов от нападок чинуш — это во многом пример мужества и порядочности для будущих поколений. Так, в объяснительной записке губернатору в 1877 г. он на обвинения Н. Д. Малова педагогов во «вредном направлении, господствующем в школе» пишет: «Я был счастлив, что еще в то время, когда средства школы были довольно ограничены, а именно в 1872 г., нашлась возможность пригласить для преподавания педагогики в школе известного педагога, бывшего директора Тверской классической гимназии А. Н. Робера, а скоро после того, именно в 1874 г. — начальницу школы Н. П. Дьяконову, уже заявившую свои педагогические способности в ведении очень хорошей школы в Петербурге. Заручившись такими педагогами и увидев, сколько таланта, знания, опытности, трудолюбия, любви к своему делу и заботы об ученицах своих внесли в школу эти две личности, я убедился, что школа получила прочное начало и имеет светлое будущее. Вся деятельность названных лиц за три года вполне оправдала мои упования. И, что бы ни случилось со мною, я всегда скажу: дай Бог, чтобы и в правительственных учительских семинариях было побольше таких личностей»²³.

Постепенно конфликт был исчерпан, деятельность школы вошла в привычное русло и стала постепенно активизироваться. 27 мая 1882 г. был утвержден устав школы, по которому курс обучения составил 5 лет, то есть был восстановлен приготовительный класс. В школу принимались девушки «всех сословий православного исповедания, в младший класс и приготовительный — не моложе 13 лет и не старше 17 лет»²⁴. Был значительно расширен учебный план и программы, которые оказались обширнее курса учительских семинарий Министерства народного просвещения, особенно по педагогике, математике, истории, естествознанию, физике и географии, в 1882/1883 учебном году в учебный план включена музыка, введено обучение

²² Протоколы заседаний Тверского губернского земского собрания, очередного в декабре 1880 г. и приложения к ним. Тверь, 1881. С. 230.

²³ Протоколы Тверского губернского земского собрания за 1877 г. и приложения к ним. Тверь, 1878. С. 151.

²⁴ Устав Тверской женской учительской школы П. П. Максимовича // Протоколы Тверского очередного губернского земского собрания 1882 г. [Тверь, 1883]. 8-й паг. С. 6. То же: *Фальборк Г., Чарнолуцкий В.* Учительские семинарии и школы. СПб., 1901. С. 164.

П. П. Максимович

кройке и шитью, факультативно проводились уроки гимнастики и труда. По этому уставу школа жила все последующие годы.

До 1882 г. фактическим хозяином школы оставался П. П. Максимович, который отдавал ей все силы. По словам его друга Ф. Ф. Веселаго, у которого П. П. Максимович останавливался в Петербурге, он всегда был занят вопросами народного образования и земскими делами. С утра (иногда часов в 5 или 6) он уходил и возвращался ночью, целый день ходил по букинистам, чтобы купить книги для своей школы. Было неизвестно, когда он успевал поесть и поспать. Он был очень неприхотлив, легко отказывал себе во многом и был очень деликатен по отношению к другим. Об устройстве судеб своих учениц П. П. Максимович заботился как отец. Когда он переехал на по-

стоянное жительство в Петербург в 1877 г.²⁵, то, встречая там учениц своей школы, возил их в театры, на концерты, лекции, всюду хлопотал за них. В отношениях с людьми П. П. Максимович отличался редкой незлобностью и сердечностью, был гостеприимным хозяином и своим гостям всегда предлагал остроумную и интересную беседу.

В первые годы работы школы ее посетил директор Кубанской учительской школы (потом семинарии) педагог Дмитрий Дмитриевич Семенов, который оставил очень яркие воспоминания, дающие представление о характере Максимовича и внутренней атмосферы его школы.

«Оставив свои вещи в вокзале, выхожу на дебаркадер, нанимаю извозчика в школу учительниц. Оказывается, что такой школы никто из извозчиков не знает.

— А где живет П. П. Максимович? — спрашиваю.

— Как не знать Павла Павловича? Барин добрый! Барин хороший! Благодетель наш! — послышались голоса.

Вероятно поэтому извозчик лихо подкатил к небольшому дому, где жил П. П. Максимович²⁶. Без всякого доклада попадаю из прихожей прямо в столовую, где вся многочисленная семья Максимовича сидела за столом. Завидев меня, хозяин, уже тогда пожилой человек, с проседью в волосах, сухой, но крепкий, невысокого роста, с пронизательными живыми глазами, быстро вскочил со своего места, быстрыми, коротенькими шажками подбежал ко мне и, узнав, кто я и зачем приехал, решительно заговорил:

²⁵ Адрес П. П. Максимовича в Петербурге в 1881 г.: угол Забалканского проспекта и 1-й роты Измайловского полка, д. 2 (ГАТО. Ф. 59. Ед. хр. 4688. Л. 3).

²⁶ Адрес П. П. Максимовича в Твери: ул. Миллионная, д. Владиславлева. Скорее всего, имеется в виду настоятель церкви в честь Владимирской иконы Божией Матери Василий Федорович Владиславлев.

— А вы Дм. Дм., педагог, знаю, знаю. Читал ваши педагогические труды... Ну, так я вас не выпущу, переезжайте ко мне. Вы устали с дороги, голодны, сначала по русскому обычаю позавтракаем, потом я повезу вас по Твери показать наши земские затеи, потом пообедаем; вечером отправимся в школу учительниц, где послушаем педагогическую беседу нашего почтенного Александра Николаевича <Робера>; завтра утром вы побываете на всех уроках, вечером за чашкою чая расскажете мне откровенно про все ваши впечатления, а послезавтра утром с Богом в Москву.

И не слушая никаких моих возражений, Павел Павлович приказал поскорее приготовить завтрак, послал за моими вещами на станцию и отвел в предназначенную мне комнату».

Вечером Дм. Дм. Семенов побывал в школе: «Как теперь помню, шла беседа А. Н. Робера, бывшего директора гимназии и теперь ставшего душою нового заведения, с ученицами старшего класса о значении органов внешних чувств для психической деятельности ребенка и человека вообще. Беседа была ведена мастерски. Почтенный педагог говорил какое-нибудь научное положение и потом с помощью вопросов, подобно Сократу, доводил своих слушательниц до уразумения каждой отдельной мысли <...> Школа произвела на меня чарующее впечатление своим духом, своим семейным характером. Вся школа вместе с Максимовичем, Робером, начальницей, учительницами и учащимися составляла дружную, работающую семью, беззаветно преданную своему делу, где не было места ни лжи, ни лести, ни формальным отношениям»²⁷.

В 1886 г. П. П. Максимович был награжден Вольным экономическим обществом золотой медалью за развитие народного образования и, прежде всего, основание учительской школы.

Рано потеряв жену, П. П. Максимович сам воспитывал своих пятерых детей и дал им хорошее образование. Обе его дочери стали педагогами. Александра Павловна (род. 1851 или 1852) сначала недолго преподавала в школе отца, затем вышла замуж за известного деятеля народного образования математика, профессора Казанского университета А. В. Васильева и помогала ему в педагогической деятельности. От этого брака на свет появились четверо детей: Николай (1880—1940), крупный философ, родоначальник современной неклассической логики²⁸; Сергей (род. 1881), занимавшийся сельским хозяйством, хороший знакомый А. Ф. Керенского; Анна (род. 1883), мать известного русского биолога Л. В. Крушинского; и Елена (род. 1884 или 1886). Сергей с семьей и Елена после Октябрьского переворота эмигрировали в США.

Про вторую дочь П. П. Максимовича пока ничего неизвестно, кроме ее имени — Анна и предположительного года рождения — 1865 или 1864.

Сергей Павлович Максимович (1847—1901)²⁹ — инженер путей сообщения, строитель, занимался вопросами развития русских торговых портов и водяных пу-

²⁷ Семенов Д. Из моих воспоминаний о П. П. Максимовиче. С. 175, 177.

²⁸ См. о нем: Бажанов В. А. Н. А. Васильев и его воображаемая логика. Воскрешение одной забытой идеи. М., 2009.

²⁹ См. о нем: С. П. Максимович: [некролог] // Исторический вестник. 1901. Т. 83. С. 848.

тей. Принимал активное участие в строительстве Морского канала в Петербурге, Либавского, Очаковского портов и др. Активно занимался, как и отец, вопросами народного образования, был попечителем городских школ Петербурга. В 1900 г. в Институте путей сообщения была учреждена стипендия его имени. После отца он в течение ряда лет состоял членом попечительного совета школы Максимовича, чрезвычайно сердечно относился к нуждам ее воспитанниц, постоянно помогал отдельным ученицам, внося деньги за беднейших, не получивших стипендии. У него же находили поддержку бывшие воспитанницы, он оплачивал поездки в Москву, из его пожертвований шли деньги для билетов ученицам на интересные концерты, спектакли, лекции. После скоростижной смерти Сергея Павловича его вторая жена Анна Доримедонтовна (урожд. Соколова, дочь архитектора и инженера, директора Института гражданских инженеров Д. Д. Соколова) передала на счет школы 10 тысяч рублей на устройство при ней домово́й церкви и украшение наружного фасада. Она же передала в школу две иконы для будущей церкви: святого Павла и святого Сергия. Церковь так и не была построена, но одну из икон можно увидеть на фотографии актового зала школы. От первого брака С. П. Максимович имел двух дочерей: Наталью (род. 1885) и Ирину (род. 1887), от второго — сына Евграфа (род. 1898).

Владимир Павлович Максимович (10.9.1850–29.10.1889)³⁰ — крупный математик, получивший образование в Петербургском университете и Парижской политехнической школе. Он стал доктором наук (1885), профессором, работал в Казанском и Киевском университетах. К сожалению, он очень рано скончался, еще при жизни родителя. Оба сына были похоронены на Новодевичьем кладбище Петербурга.

Про третьего сына — Павла Павловича Максимовича — известно, что он служил по таможенному ведомству, был женат на Любови Белецкой и жил в Кашине³¹.

Сам Павел Павлович последние годы жизни провел в своем имении Шепелево Мышкинского уезда Ярославской губернии (сегодня это д. Шепели Кашинского района Тверской области), где и скончался в 1892 г. Похоронен он был на маленьком кладбище села Введенского, что на Ляму. К сожалению, место захоронения до сегодняшнего дня не сохранилось, и мы знаем только, какие слова были выбиты на могильном памятнике: «Блажени милостивии, яко тии помиловани будут»³². А в усадебном доме сегодня расположен Дом сестринского ухода. В 1900 г. Кашинское земство постановило в одном из имений Павла Павловича — селе Спасском Кашинского уезда — устроить образцовую земскую школу его имени.

³⁰ См. о нем: URL: www.knownpeople.ru.

³¹ К сожалению, дата рождения Павла в документах запутана. Так, в деле о причислении П. П. Максимовича-младшего к роду Максимовичей указано 15 апреля 1853 г., в формулярном списке 1900 г. написано, что ему 44 года, в таком случае год его рождения 1855 или 1856. А в формулярном списке П. П. Максимовича-старшего 1887 г. при перечислении детей указывается сын Павел, 25-ти лет, значит, год его рождения 1861 или 1862 (ГАТО. Ф. 645. Оп. 1. Ед. хр. 2448; Ф. 59. Оп. 1. Ед. хр. 5285).

³² См.: Шереметевский В. В. Русский провинциальный некрополь. СПб., 2006. С. 515. Репринт. изд. 1914 г. О состоянии имения в 1923 г. см.: ГАТО. Ф. 488. Оп. 5. Ед. хр. 42. Л. 130, 132, 137–138.

А созданная им школа, получив новый устав, в 1882 г. окончательно отошла в ведение Тверского губернского земства и получила официальное название Тверской женской учительской школы губернского земства имени П. П. Максимовича. В «Справочной книге для окончивших курс начальных школ Тверской губернии» (Тверь, 1904) подробно описаны условия приема и вступительная программа в школу Максимовича. Так, девушки могли поступать в подготовительный или сразу первый класс. В первый класс поступить было сложнее, так как вакансий было меньше, а вступительные экзамены сложнее. Приемный возраст: в подготовительный — 13–17 лет, в первый — 14–18 лет. Срок подачи прошения — до 10 августа. Срок приемных экзаменов — в конце августа. К прошению должны быть приложены следующие документы: 1) метрическое свидетельство, 2) свидетельство заведения, в котором девица обучалась. Если же она обучалась дома, то свидетельство о доброй нравственности от местного священника. Начало занятий — в конце августа. Плата за обучение не взималась, плата за содержание в пансионе — 75 руб. в год. Позже она повысилась до 90 руб., но всё равно оставалась самой низкой в городе. Стоимость книг и других учебных пособий — 5 руб.

Вступительная программа в подготовительный класс включала в себя Закон Божий (знание молитв, их объяснение и назначение); русский язык (диктант, письменное изложение небольшой статьи, прочитанной экзаменатором, проверка четкости почерка, чтение по-славянски); арифметику. Программа для поступления в первый класс была сложнее: Закон Божий (Ветхий Завет; Новый Завет до второго года служения Христа); русский язык (разбор предложения, части речи, чтение статей из хрестоматии, устная и письменная передача их по частям, грамматические упражнения); арифметика (4 действия); география (земной шар и его величина; океаны, материки, горизонт, страны света, полюс, экватор, меридиан, карта, план, масштаб; описание г. Твери и его окрестностей, краткое описание Тверской губернии); естественная история (зоология позвоночных; описание льва, собаки, тюленя, барана, слона, летучей мыши, верблюда, кита, крокодила; описание сокола, совы, скворца, воробья, соловья, дятла, страуса, фламинго, чайки, гаги, журавля, перелеты птиц; описание ящерицы, черепахи, ужа, удава и гадюки; описание лягушки и тритона; описание окуня, осетра, акулы, сома, сельди, трески и миноги).

Школа Максимовича была единственным бесплатным учебным заведением в Твери. Только она могла дать образование беднейшим слоям населения, поэтому здесь училось много девушек из Сиротского дома, которым другого пути для получения образования просто не было. Были случаи, когда выпускницы школы получали в дальнейшем и высшее образование. О конкурсе в школу можно судить по тому, что в 1899 г. было подано 121 прошение, а принято только 42 человека, то есть примерно 3 человека на место³³. По социальному составу первоначально преобладали дочери дворян, духовенства, но постепенно большинство стали составлять крестьянки.

Согласно уставу в школе существовало два совета — попечительный и педагогический. Попечительный совет состоял из почетного попечителя школы, директора

³³ Отчет по женской учительской школе П. П. Максимовича за 1899 год. [Тверь, 1900?]. С. 3.

На уроке

народных училищ Тверской губернии, председателя или члена Губернской управы, начальницы школы. Этот совет избирал начальницу, учителей, наставников, ведал всеми хозяйственными делами, а также подбирал места работы для выпускниц школы. Все решения по таким вопросам принимались коллегиально. Почетным попечителем школы сначала был сам П. П. Максимович, после его смерти с 1892 г. — Ржевский уездный предводитель дворянства С. Д. Квашнин-Самарин. Все учебно-воспитательные вопросы решал педагогический совет.

В докладе управы земскому собранию от 11 декабря 1882 г. говорится: «Для того чтобы судить, насколько важна для школьного дела в губернии прочная постановка этой школы, достаточно сказать, что 84 ученицы школы служат в настоящее время в земских школах губернии или учительницами, или помощницами. Три ученицы служат школьными учительницами вне пределов губернии, и восемь преподают у частных лиц или в своих семьях. Несколько учениц продолжают свое образование в вузах <...> Если затем принять во внимание, что в школе учатся более 120 девиц, в числе которых огромное большинство таких, которые без этой школы вовсе лишены были бы возможности получить какое-либо образование, то понятно будет всё значение этой школы для губернии»³⁴.

В 1883 г. в школе состоялся съезд выпускниц для обобщения опыта работы учителей. Руководил съездом известный московский педагог Д. И. Тихомиров.

³⁴ Доклад губернскому земскому собранию о ходе народного образования // Протоколы Тверского очередного губернского земского собрания 1882 г. [Тверь, 1883]. 4-й паг. С. II.

Учительницы, окончившие школу, заблаговременно выбрали тему для доклада. Съезд состоялся 7–18 августа 1883 г. в помещении школы, на нем присутствовало 96 учительниц-выпускниц школы, педагоги различных учебных заведений города, представители земства. Заседания проходили в форме научно-практической конференции: основательные доклады бывших «максимовок» (так называли учениц школы), короткие сообщения, обсуждения. Вопросы, которые обсуждались на съезде, были актуальны для всех сельских учителей России: приемы первоначального обучения чтению, борьба с местным говором и овладение общелитературным русским языком, обучение карел русскому языку, отношение народа к школе и влияние ее на детей и т. д. А. А. Толмачевская сделала сообщение об обучении карельских детей, которое вызвало большой резонанс и позже выразилось в написании ею азбуки для карельских детей³⁵. Потом Дмитрий Иванович Тихомиров написал подробный отчет о съезде, который затем был издан отдельной книгой³⁶. К сожалению, этот съезд был единственным, все последующие не были разрешены министерством.

Школа росла, несколько раз меняла свое местонахождение³⁷, но наплыв желающих учиться был столь велик, что помещений для занятий и проживания не хватало. В 1887 г. был приобретен участок земли с находившимся на нем домом купца И. И. Боброва, где в тот момент размещался батальон Московского гренадерского полка. В том же году началась постройка здания для начального училища при школе. Летом 1888 г., после вывода гренадеров из основного здания, оно было перестроено, и в 1889 г. школа переехала в новый дом на улице Трехсвятской (ныне учебное здание Тверского госуниверситета). Здание училища соединили со школьным.

Но и новое здание оказалось довольно тесным. Приходилось для жилья нанимать частные квартиры в соседних домах, но при этом плата за них вносилась такая же, как за жилье в школе. Школа имела свое хозяйство: корову, лошадь, баню, больницу, амбулаторию, аптеку. Для всего этого нужны были помещения. В докладах земскому собранию постоянно указывается на плохую систему водоснабжения, вентиляцию, сырость подвального помещения основного здания, где располагалась кухня и столовая.

В это же время земство ставит вопрос о создании параллельных классов, так как потребность в сельских учителях была очень большой. Открытие таких классов, естественно, создает дополнительные трудности. В докладе комиссии за 1900 г. говорится: «Осмотрев земскую учительскую школу П. П. Максимовича, комиссия

³⁵ Толмачевская А. Родное карельское. Карельско-русский букварь для легчайшего обучения грамоте карельских детей. М., 1887.

³⁶ Тихомиров Д. Отчет о первом съезде учительниц-семинарок земской учительской школы П. П. Максимовича. СПб., 1883.

³⁷ Проследить последовательно места нахождения школы затруднительно. На сегодняшний день известно, что в сентябре 1872 г. она «переменяла квартиру» (ГАТО. Ф. 20. Оп. 1. Ед. хр. 4364. Л. 41), какое-то время совмещалась с Сиротским домом (в сентябре 1876 г. произошло открытие школьного начального нормального училища при Сиротском доме); в 1877–1889 гг. размещалась в доме С. Б. Враского, напротив церкви Симеона Столпника (Там же. Л. 188; Доклад управы по народному образованию // Протоколы заседаний очередного губернского земского собрания 8–15 дек. 1887 г. и приложения к ним. Тверь, 1888. 3-й паг. С 168).

Здание, в котором школа размещалась с 1889 г.

нашла, что воспитанницы размещены во вновь приобретенных домах крайне скудно и неудобно. Комнаты низки, тесны, кровати расставлены где только можно было их поставить, но так как при этом не хватило места, то несколько кроватей помещено даже в классе, назначаемом для обучения музыке и пению. Все эти обстоятельства требуют принятия мер для устранения теперешнего положения школы, которое должно быть признано нетерпимым»³⁸.

В 1896 г. в здании неожиданно обнаружили «дефекты, грозившие опасностью». Но денег на ремонт у земства не было, и дело с мертвой точки не сдвинулось. В 1907 г. комиссия опять указала, что «дальнейшее откладывание ремонта главного здания недопустимо», но поскольку ремонт «является, безусловно, нецелесообразной тратой земских средств»³⁹, решили построить новое здание. И в 1908 г. приступили к его строительству на соседней Козьмодемьяновской улице, которое уже через год было закончено (ныне главный корпус Тверского госуниверситета). Постройка этого здания была приурочена к 50-летию крестьянской реформы, поэтому в 1911 г. на фронте здания появились слова «Здание земской учительской школы имени П. П. Максимовича», а чуть ниже: «Сооружено Тверским губернским земством в 1909 году в память 50-летия освобождения крестьян от крепостной зависимости». В центре по фасаду был

³⁸ Журналы заседаний очередного губернского земского собрания сессии 1901 г. 15 нояб. — 1 дек. и чрезвычайного 19—21 дек. и приложения к ним. Тверь, 1902. С. 77.

³⁹ Веселовский Б. Б. Исторический очерк деятельности земских учреждений Тверской губернии (1864—1913 гг.). Тверь, 1914. С. 251.

Здание школы, построенное в 1909 г.

размещен барельеф императора Александра II. По понятным причинам эти надписи и барельеф были сбиты после 1917 г. Здание построено по проекту архитектора И. В. Скрутковского и представляет собой один из немногих в Твери образцов неоклассицизма. Немного позже появилась во дворе решетка с двумя буквами в центре: «Ш» и «М». На сегодняшний день это единственная мемориальная деталь в Твери, напоминающая жителям о благородном человеке — П. П. Максимовиче.

С 1909 г. школа стала занимать два здания. В новом разместились два старших класса со спальнями, рисовальный класс, нормальная начальная школа, квартира начальницы, комнаты пяти воспитательниц и учительниц, две комнаты были отведены под библиотеку Справочно-педагогического бюро губернского земства. Школа получила большие возможности для развития. То, что здесь обучались девушки не только Тверской губернии, свидетельствует об авторитете, который это заведение имело среди населения.

Полная история школы не входит в задачи данного очерка, поэтому мы предлагаем обобщенную картину жизни этого учебного заведения в начале XX в., когда оно и стало играть ведущую роль в подготовке учительских кадров.

Что же выделяло школу среди других учебных заведений подобного рода (правительственных учительских семинарий, женских гимназий и епархиальных училищ с педагогическим классом, церковно-учительских школ)? Прежде всего, учебная программа, которая давала большее по объему общее и специально-педагогическое образование.

Выпуск 1905 г.

Таблица числа недельных уроков. 1912 г.⁴⁰

Предмет	Пригот. кл.	1 кл.	2 кл.	3 кл.	4 кл.
Закон Божий	3	3	3	2	2
Русский язык	7	7	6	5	3
Педагогика	-	-	-	4	10
Математика (арифметика, алгебра, геометрия)	5	6	6	4	5
Физика	-	-	2	3	3
География	3	2	2	2	2
История (древняя, средняя, всеобщая, русская)	2	3	4	5	2
Естествознание	3	3	2	-	-
Физиология	-	-	-	2	-
Гигиена	-	-	-	-	2
Пение	2	2	2	2	1
Рисование	2	2	2	2	1
Чистописание	2	2	1	-	-
Итого	30	30	30	30	31

⁴⁰ ГАТО. Ф. 20. Ед. хр. 7184. Л. 58.

Урок физики

Значительное место в образовании учениц занимали предметы естественно-математического цикла. Вот как об этом пишет М. И. Грифцова: «нам казалось, что у нас всё лучше, полнее, интереснее, мы очень гордились этим и охотно, добросовестно занимались всеми предметами, чтобы не быть невеждами. Учились учиться, считая это делом естественным, а главное — само преподавание вызывало интерес и охоту к занятиям.

У меня, например, не было склонности к математике <...> Но я добросовестно, даже с интересом занималась тригонометрией и геометрией, в которых чудилось что-то космическое, решала задачи, доказывала теоремы, не отлынивала от казавшихся мне скучными логарифмов, без дискуссий признавая значение математики в нашем образовании и умственном развитии. С удовольствием вспоминаю нашу преподавательницу М. И. Модестову, ее улыбающееся круглое лицо, обрамленное короткими седыми волосами, когда она с мелком в руке у доски, будто пританцовывая, говорит с сияющей улыбкой, что математика не только формулы, но и путь к ним, что доказывать в математике надо красиво, последовательно, что это дисциплинирует ум».

В школе был очень хороший физический кабинет, имелся телескоп, в 1902 г. была построена метеорологическая «станция II разряда. Все наблюдения, записи и отчеты по станции производятся специально приставленной к этому воспитанницей под руководством преподавателя физики. Отчет каждый месяц около 18-го числа отсылается в Главную Николаевскую физическую обсерваторию в Петербурге»⁴¹. Учитель физики Л. В. Кандауров преподавал и космографию (астрономию).

⁴¹ Отчет по школе за 1917 г. // ГАТО. Ф. 861. Оп. 1. Ед. хр. 1236. Л. 106.

Л. В. Кандауров с ученицами у телескопа

«Совершенно иной, чем теперь, была и география. Это был легкий, увлекательный предмет о земле, о разных странах, об их природе и жизни людей. А принятые тогда учебники Крубера и Педольца о европейских и внеевропейских странах были написаны хорошим простым языком, с разнообразными иллюстрациями, и мы читали эти учебники с большим интересом, как беллетристику» (М. И. Грифцова).

В большем объеме, чем это рекомендовала казенная программа, и полнее, чем в гимназиях, в школе преподавалось естествознание (анатомия и физиология человека, зоология, ботаника). Школьный кабинет биологии был лучшим в городе. Девушки ходили на экскурсии и с определителем Маевского в руках собирали гербарий. «Наши учителя-естественники были первоклассные по научному уровню и настоящие энтузиасты своего дела. Особенно помню преподавательницу в старших классах — “биологиню” Алевтину Николаевну <Светликову>, типично ученую женщину. Ее круглые добрые глаза под очками как-то особенно светились, когда среди экспонатов в кабинете она что-нибудь показывала и рассказывала нам. Она увлекала учениц, приучая их к живым наблюдениям и тщательным занятиям, и мы, очень охотно, с интересом помогали ей в уходе за кабинетом и в лабораторных опытах» (М. И. Грифцова).

Такой предмет, как химия вообще не упомянут в учебном плане, но преподавался он в большом объеме. «Большим событием у нас было введение в наши занятия нового тогда предмета — химии, которого совсем не было в программе. Встречали мы ее с большим любопытством и с гордостью за нашу школу, что она начинает это новое дело. Но когда приехавшая из Москвы молодая преподавательница Екатерина Алексеевна Кафтанова начала деликатно излагать теоретический курс химии, испещ-

Урок биологии с А. Н. Светликовой

ряя доску формулами и буквенными названиями, то мы смутились и увяли от мысли, что всё это надо не только понять, но и запомнить. Однако вскоре начались практические занятия в хорошо оборудованной для нас лаборатории, и мы сразу повеселели. Там для каждого 2-х учениц был очень простой стол с необходимым инвентарем — спиртовкой, штативом, пробирками, колбами и реактивами, в стенных шкафах находились банки с нужными химикалиями, а в наших тетрадях были записаны химические задачи, которые мы решали под руководством Екатерины Алексеевны. Это было интересно. Мы, как колдуны, составляли химические смеси или извлекали какие-то элементы, и страшные буквенные формулы, которые так испугали нас вначале, теперь стали конкретными и понятными. Откуда-то появились у нас и юмористические стихи „Любовь химика“, в которых описывалась природа и любовь при помощи химических формул, теперь уже понятных и простых для нас. Это получалось очень смешно, но помогало легко всё запомнить. Так вошла к нам в те годы химия, которой в программе нашей школы совсем не было» (М. И Грифцова).

Из гуманитарных предметов в школе преподавались история, русский язык, литература, психология, пение, музыка, рисование. «Систематическая история началась в младших классах школы Максимовича, когда молодая преподавательница Надежда Степановна уводила нас вглубь веков, с торопливым увлечением рассказывая о древней культуре Египта, Ассирии-Вавилонии, а особенно увлеченно — о Греции, казалось, что ей скорей, скорей хотелось приоткрыть нам эти интересные страницы далекого человеческого прошлого. За ее пристрастие к демосу Греции, а главное к историку Фукидиту, мы и ее называли между собой Фукидитом, хотя

это мужское имя никак не подходило к ее женскому облику. Она бросила первые зернышки, из которых позднее у меня вырос большой интерес к этой удивительной стране и к древним культурам. Я думаю, что в то время для меня ошутимо встало понятие народ, жизнь народа, тогда как прежде был только человек, маленький мирок, окружающий нас. Надо сказать, что и учебники по истории я читала с интересом, как книги для чтения. Особенно простого и ясного Виппера, который вместе с Виноградовым был тогда у нас по всеобщей истории. За скупыми словами его всегда можно было увидеть многое» (М. И. Грифцова). С 1879 по 1908 г. историю в старших классах преподавал известный тверской историк В. И. Колосов, который и в спутницы жизни выбрал выпускницу школы 1874 г. М. А. Соколову.

В учебном плане не было литературы, но она преподавалась в очень большом объеме на уроках русского языка и во внеурочное время. О том, насколько хорошо было поставлено преподавание литературы, говорит круг интересов воспитанниц: Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Достоевский, а позже — массовое увлечение философией Ницше. «При этом мы не только много читали, но много знали и наизусть, и это получалось как-то само собой, необязательно. Вспоминаю, например, некоторые стихи Державина, Жуковского, почти целиком Кольцова и Никитина, таких близких нам по народности, по восприятию родной природы и труда. Знали много басен Крылова, а у Пушкина, Лермонтова, Некрасова не только много стихов, но и глав поэм. Из Гоголя запоминали некоторые отрывки, как стихи в прозе» (М. И. Грифцова).

Очень широко было развито литературное творчество. Каждый класс издавал свой рукописный журнал. В этих журналах собраны интересные рассказы девушек о своем детстве, родном городе, описания обычаев, поверий, праздников, оригинальные рассказы, стихи, рисунки. В журналах девушки подписывались псевдонимами, вот некоторые из них: Стремительная, Смерч, Маяк, Парус, Цоб-Цобе.

Педагогику в 1887–1914 гг. преподавал Федор Федорович Ольденбург⁴². Он закончил историко-филологический факультет Петербургского университета, еще студентом вместе с братом Сергеем создал научный кружок, куда входили известные ученые В. И. Вернадский, А. А. Корнилов, И. М. Гревс, общественный деятель Д. И. Шаховской и другие. «Ольденбургское братство» сыграло большую роль в общественной жизни России конца XIX — начала XX вв.: члены его занимались научно-историческими, философскими, экономическими вопросами, но самое главное — практически применяли свои знания и силы для просветительства народа⁴³. В этом кружке Ф. Ф. Ольденбург познакомился с Е. П. Свешниковой, которая почти 20 лет (1887–1905) возглавляла школу Максимовича⁴⁴.

⁴² См. о нем: *Сланевский В. У.* Тверская женская учительская школа П. П. Максимовича. С. 137–143; *Ротермель Б. Н.* Учитель учителей — Ф. Ф. Ольденбург // *Традиции российской школы: История и современность.* Тверь, 2002. С. 18–22; *Григорьева В. В., Шеретов В. Г.* Тверское земство, братство «Приютино» и школа Максимовича // Там же. С. 12–18.

⁴³ Об «Ольденбургском братстве» существует значительная библиография, часть которой представлена в издании: *Школа Максимовича [Электронный ресурс]* / Твер. гос. ун-т, Науч. б-ка. Тверь, 2007. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). Из последних изданий см.: *Кузьмина И. В., Лубков А. В.* Князь Шаховской: Путь русского либерала. М., 2008. Жизнь замечательных людей; вып. 1069.

⁴⁴ См. о ней: *Свешникова Е. П.* О детях и взрослых: Статьи. Рассказы. Библиография / Науч. ред. Е. Н. Строганова. Тверь, 2007.

*В кабинете начальницы. За столом слева направо:
О. Ю. Федорова, Ф. Ф. Ольденбург, О. Ю. Серебряникова.
На диване: Т. Н. Лебедева, А. В. Коновалова*

По окончании университета Ф. Ф. Ольденбургу предлагали остаться работать там преподавателем, но он отказался и занял скромное место учителя педагогики в земской школе. Он становится духовным центром тверского общества, занимает видное место в земстве. В 1907 г. по его инициативе возник Общественно-педагогический кружок, объединивший видных педагогов города и служивший средством распространения передовых педагогических идей. Ф. Ф. Ольденбург оставался его бессменным руководителем до своей смерти (август 1914 г.). Ф. Ф. Ольденбург вместе с Е. П. Свешниковой стоял во главе Справочно-педагогического бюро, которое было создано в память о П. П. Максимовиче для обработки и распространения педагогической литературы (поэтому библиотека бюро находилась в здании школы). Заметный след Ф. Ф. Ольденбург оставил и в области статистики народного образования. Ему принадлежит ряд журнальных статей по школьной статистике и попытка учета начальных школ России в начале 1890-х гг. Он принимал живое участие в статистических съездах. Два учебных года: 1912–1913 и 1913–1914 — последние годы своей жизни — он читал курс «Земство и народное образование» на экономическом отделении Петербургского политехнического института.

Но главным делом Ф. Ф. Ольденбурга оставалась школа Максимовича, в которой он заведовал всей учебно-воспитательной работой и которой посвятил 27 лет своей жизни. При нем курс педагогики был значительно расширен. Ф. Ф. Ольденбург на одно из первых мест ставил практическую подготовку к учительской деятель-

ности, поэтому большое внимание он уделял постановке дела в опытном училище при школе. Ф. Ф. Ольденбург присутствовал на всех уроках практиканток, участвовал в их обсуждении. Приведем обширную цитату из воспоминаний учителя с 35-летним стажем Е. П. Литвиненко (урожд. Бутягиной), окончившей школу в 1899 г., поскольку она ярко характеризует Ф. Ф. Ольденбурга как незаурядного педагога и методиста: «Самым ярким преподавателем был Федор Федорович Ольденбург. Он, вместе с Варварой Эрастовной Огороковой и Екатериной Ивановной Яковлевой — учительницами образцовой школы, где мы проходили практику, — заложил в нас знания методик, дидактики, школоведения, умение преподавать детям знания, а главное — любить детей, понимать их в соответствии с индивидуальностью, характером, кругозором, недочетами — иметь особый подход к каждому. Ф. Ф. — мастер педагог и психолог — стремился в течение 2-х последних лет (в 3-м и 4-м классах) дать нам знания педагогики и психологии, знакомил с современными методиками преподавания и с историей педагогики. Для нас Ян Амос Коменский, Ж. Ж. Руссо, Г. Песталотци и, конечно, К. Д. Ушинский, а равно и авторы методических трудов были не только именами. Нет, мы их читали и проводили в жизнь их идеи, методы и приемы работы с детьми... Высшей стадией в практике были вечерние занятия — семинар-беседа по „разбору“ урока (так мы его называли). Эти часы самого волнующего занятия посвящались выяснению и оценке того, как мы справились со своей задачей, какие допустили ошибки, какова была дисциплина на уроке, что было нового, творческого, возникшего в ходе урока... Ф. Ф. развивал в нас стремление к поискам, особенно к тому, чтобы мы своим объяснением, своими вопросами развивали в детях самостоятельное мышление, желание их в свою очередь что-то рассказать из своего опыта, задать вопрос по существу, сделать вывод, иметь свое суждение. И если нам это удавалось, то как Ф. Ф. был оживлен, как сверкали его глаза через стекла очков и как его радость вызывала нас на творчество и желание еще живее, ярче вести урок, ибо в процессе всего урока тебя сопровождал добрый взыскательный взгляд руководителя. Все уроки подвергались разбору строгому, справедливому, товарищескому. Разбор этот — анализ урока — всегда обогащал, расширял и углублял умение преподавать, используя учебные пособия и дополнительный материал из личного опыта и книг. Наряду с этим росло стремление обязательно видеть каждого ученика, расшевелить уставшего, нащупать его склонности, привлечь к работе. Пробный урок и последующая вечерняя работа увлекали не только того, кто давал урок, но и всех участников „беседы“. Критика всегда была доброжелательной. Ф. Ф. всегда направлял наши суждения, вкладывал в эти „беседы“, в этот ответственный раздел педагогического процесса всю свою активность, эмоциональность, чуткость, справедливость, творчество <...> Много в жизни своей я встречала творческих педагогов и психологов, у многих училась на высших курсах и в университете Шанявского, но образцом образованного целеустремленного педагога, щедро отдающего свои знания, всегда считала Ф. Ф. Ольденбурга»⁴⁵.

⁴⁵ Цит. по: Сланевский В. У. Тверская женская учительская школа П. П. Максимовича. С. 142–143.

Для ознакомления с работой сельских школ девушек направляли на 10-дневную практику по месту жительства, поэтому их отпускали за две недели до зимних каникул. При Ф. Ф. Ольденбурге в школе установилась традиция всем выпускницам обязательно приезжать в летнее время и делиться опытом работы.

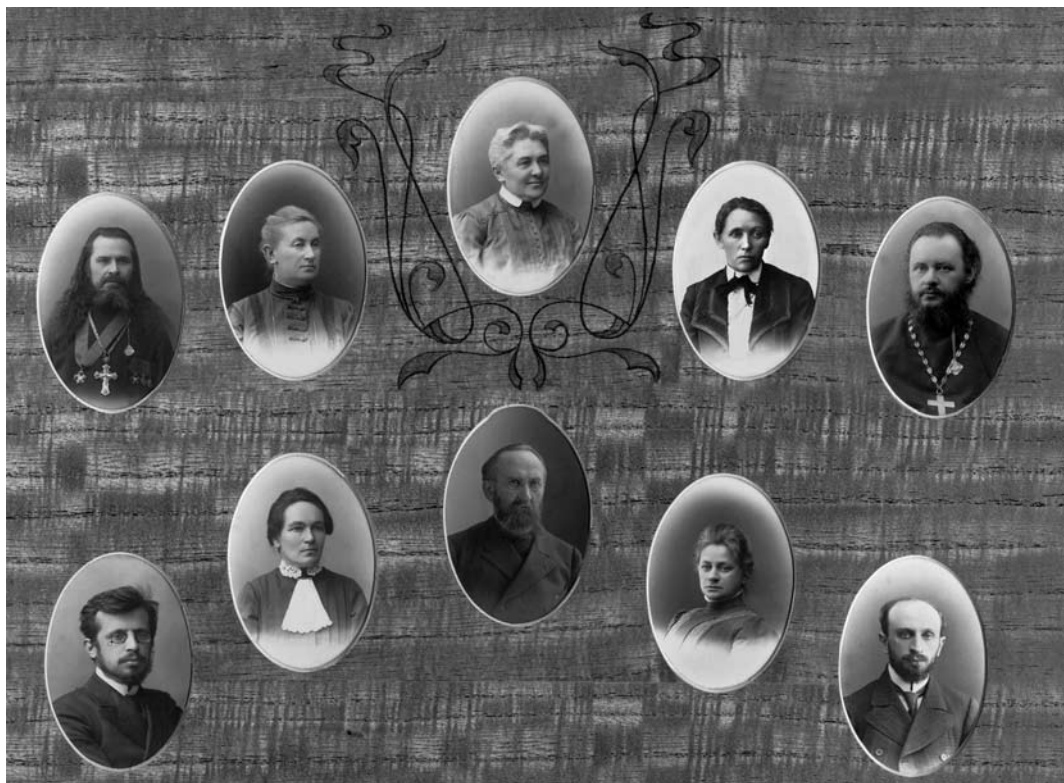
В 1912 г. праздновалось 25-летие педагогической деятельности Ф. Ф. Ольденбурга. Это событие подробно освещали тверские газеты, они публиковали все телеграммы и адреса, присланные юбиляру, которых оказалось больше пятидесяти. Сам виновник торжества категорически отказался от всякого чествования. Тверское земство постановило выдать Ф. Ф. Ольденбургу единовременное пособие — годовой оклад, но «живущий исключительно на личные трудовые средства и постоянно нуждающийся», Ф. Ф. Ольденбург наотрез от этого отказался. Празднование ограничилось тем, что «в учительской школе Максимовича в день юбилея воспитанницы красиво убрали гирляндами зелени классную комнату, где шел обычный урок Федора Федоровича, в полдень для всех был сервирован чай»⁴⁶, а вечером на квартире Ф. Ф. Ольденбурга собрался близкий круг его друзей. Когда в 1914 г. Ф. Ф. Ольденбург умер, на это событие откликнулись не только тверские газеты: некрологи появились в российских газетах «Русские ведомости», «День», журнале «Школа и жизнь». Вот слова из некролога В. Водовозова: «...к нему, как к человеку энциклопедических знаний, шли и ученицы, и учителя — за всякими сведениями, как за справками в энциклопедический словарь, и за всякою нуждою, как к человеку редкой отзывчивости. Для учениц школы Федор Федорович был просто человек, который как-то всегда тут, под руками, и живет он как-то по дороге, куда бы ученица ни шла, и в школе он постоянно; всегда его можно спросить о чем угодно, попросить о чем угодно»⁴⁷.

Общая атмосфера школы, взаимоотношения учителей и воспитанниц заслуживают самого пристального внимания и анализа. В источниках по истории этого учебного заведения, мемуарных свидетельствах нет ни одного отрицательного отзыва о школе со стороны ее воспитанниц. Здесь царила атмосфера единства и дружбы. «Педагоги в школе Максимовича, — пишет Е. П. Бутягина, — нас никогда не оскорбляли и тем более не наказывали: не оставляли без обеда, не высылали из класса, каждый из них в подходе к нам, в обращении с нами, в изложении основных наук был чрезвычайно своеобразен». Руководители школы и ее педагоги не разделяли установок Министерства народного просвещения, требовавшего от учебного заведения аскетического образа жизни. «Здесь тоже обучали Закону Божию, формально обязательны были и посты, и молитвы, и посещения богослужений, но верим мы в Бога или нет — в этот вопрос воспитатели и учителя не вмешивались. Многие из нас с 3-го и 4-го класса были скорее „сомневающиеся“, чем верующие. И если оказывалось, что какая-то ученица не была на вечернем богослужении, а в это время писала сочинение или разучивала свою роль к спектаклю, то ЧП из этого не делали, и причина признавалась удовлетворительной»⁴⁸. На самом деле нравственному воспитанию в школе уделялось большое внимание, и по-

⁴⁶ 25-летний юбилей педагога Ф. Ф. Ольденбурга // Тверская газета. 1912. 4 нояб.

⁴⁷ Водовозов В. Федор Федорович Ольденбург: (1862—1914) // День. 1914. 25 июля.

⁴⁸ Цит. по: Сланевский В. У. Тверская женская учительская школа П. П. Максимовича. С. 144.

Преподаватели 1912 г.

Верхний ряд слева направо: о. Петр Дубакин, О. Ю. Федорова, М. И. Модестова, М. И. Вышинская, о. Василий Струженцов. Нижний ряд: М. М. Клевенский, Е. К. Флерова, Ф. Ф. Ольденбург, О. Н. Глазунова, Б. Н. Черно-Шварц.

нятно, что опиралось оно на православные традиции. Знания по Закону Божьему требовались немалые даже при поступлении, да и изучался он в значительном объеме. К концу обучения девушки должны были знать Библию, богослужение, историю христианской Церкви, владеть церковным пением. Все церковные службы проводились в помещении школы, регентом хора выбиралась одна из старшеклассниц. Уровень пения был настолько профессиональным, что однажды, оказавшись в Волговерховском Спасо-Преображенском монастыре на всенощной перед праздником Святой Троицы, девушки попеременно с монастырским хором пропели всю службу⁴⁹. Внутренняя жизнь школы тоже была построена по православному укладу: обязательные молитвы, молебны, посты.

О том, насколько важным для педагогов было религиозно-нравственное воспитание, говорит дискуссия 1917 г. о дальнейшем изучении Закона Божьего. После февральской революции некоторые «активные» ученицы отказывались его изу-

⁴⁹ См.: Отчет Общества попечения о нуждах учившихся и обучающихся воспитанниц женской земской учительской школы им. П. П. Максимовича с ее основания по 1 марта 1911 года. Тверь, 1911. С. 9.

*Верхний ряд слева направо: М. Ф. Кудрявцева, Ю. Д. Серебряникова,
Т. Н. Лебедева, Е. Н. Яковлева, А. В. Коновалова.
Нижний ряд: А. Н. Светликова, Н. С. Чернозерская, Е. Ф. Кафтанова,
Л. В. Кандауров, Ф. О. Лашек.*

чать⁵⁰. Тогда руководство школы, посоветовавшись с родителями, решило оставить данный предмет как необязательный. Но когда 21 января 1918 г. Совнарком издал декрет «О свободе совести, религиозных и церковных обществах», который запрещал преподавание в светских школах религиозных вероучений, педагогический совет 6 марта обсудил его и принял решение, по сути, не подчиняться требованиям правительства: «Закон Божий по-прежнему остается необязательным предметом в школе. Признано желательным произвести анкету между родителями учениц о желательности преподавания Закона Божия в школе. Преподаватели Закона Божия остаются членами школьной коллегии, с получением ими прежнего содержания»⁵¹. Видимо, педагоги умели разумно сочетать религиозно-нравственное воспитание с необходимой для развития личности свободой мышления и поведения. Этим школа выгодно отличалась от большинства закрытых женских учебно-воспитательных учреждений.

⁵⁰ См. об этом: Кулик В. Н. Тверитянки в 1917 г. // Женщины в социальной истории Твери. Тверь, 2006. С. 171–172.

⁵¹ ГАТО. Ф. 861. Оп. 1. Ед. хр. 1236. Л. 42.

Выпуск 1915 г.

Большинство воспитанниц составляли стипендиатки земства, которые жили при школе, поэтому внеурочная жизнь в интернате была тоже очень хорошо продумана и организована так, чтобы каждая мелочь и бытовая деталь воспитывала, а каждый час не проходил даром. «Воспитывающе, — отмечает „максимовка“ А. А. Белова, вспоминая годы в школе, — действовала сама обстановка: чистота безукоризненная, порядок строгий, разумный режим, чуткое, внимательное отношение со стороны преподавателей»⁵². Много внимания уделялось охране здоровья воспитанниц. При школе имелась больница, амбулатория, зубной кабинет, поступавшие в школу подвергались тщательному врачебному осмотру. Воспитанницы со слабым здоровьем были на учете, получали дополнительное или особое питание. В 1893 г. школа была награждена Малой Золотой медалью на Всероссийской гигиенической выставке.

Распорядок дня сложился на протяжении десятилетий, интернатские правила были комфортны, не создавали изоляции от населения города и были целесообразны. В 7.30 часов утра дежурные будили своих подруг. До 8 часов — утренний туалет, уборка постелей и личных тумбочек. В 8 часов — общая утренняя молитва, завтрак в столовой, который состоял из чая и белого хлеба. В 8.55 в общем зале хором пелся «Царю Небесный» и одна из учениц прочитывала главу из Евангелия. В 9 часов начинались уроки. Каждый день по 5 уроков: 1-й и 4-й — по 55 минут, остальные — по 50. После трех уроков — в 12 часов — второй завтрак, состоящий из чая с молоком и белого хлеба. Один час отдыха, затем еще два урока. В 15.00 в каждом

⁵² Сланевский В. У. Тверская женская учительская школа П. П. Максимовича. С. 145.

классе читалась или пелась установленная молитва, затем живущие в школе обедали. Обед состоял из двух блюд: супа или щей и второго. Перед обедом и после — хорошая молитва. До 18 часов отдых. В это время занимались, чем хотели: учили уроки, читали книги, большинство уходило гулять, встречаться с посетителями. Для приема гостей имелась отдельная комната в нижнем этаже — «приемная».

С 18 до 20 часов — вечерние работы. В кабинетах физики, биологии, химической лаборатории выполнялись практические работы. Воспитанницы 4-го класса занимались анализом проведенных уроков в опытном начальном училище. В приготовительном классе раз в неделю вечером преподаватели-словесники читали произведения художественной литературы. В зале один из классов занимался гимнастикой. Вот как М. И. Грифцова пишет об этих занятиях: «Лыжный спорт и гимнастика тогда не были приняты, как теперь, тем более в женских школах. И вдруг удивительное новшество: у нас в школе ввели гимнастику. Затем появились лыжи! Мы были в восторге. Причем гимнастика у нас тогда была „шведская“, с палками, а лыжи — „финские“. Для гимнастики мы облачались в особые, необыкновенные для того времени костюмы, очень целесообразные и удобные: в шаровары до колен, рубаху, вроде мужской косоворотки с поясом, в специальные туфли с резиновой подошвой. Из Москвы приехала к нам изящнейшая руководительница гимнастики — Ю. М. Белоусова».

В 20 часов — ужин, перед которым и после общая хоровая молитва. Ужин состоял из супа и каши: гречневой или пшенной с маслом. С 20 до 22 часов воспитанницы свободно располагали своим временем: учили уроки, помогали другим, читали книги. В 22 часа ложились спать, перед этим одна из учениц читала вечернюю молитву. Перед воскресеньями и праздниками в школе проводилась всеобщая, а к обеду воспитанницы ходили в церковь в сопровождении дежурной надзирательницы. После обедни в воскресенье желающие могли уходить к своим родным до вечера⁵³.

По воскресеньям и праздничным дням весной и осенью устраивались прогулки и экскурсии за город, ходили в район Желтикова монастыря, в лес за Волгу. Зимой ходили на лыжах по Волге и в лес. «А финские лыжи с палками и тонкими гнущимися валенками к ним доставляли нам много веселых часов, когда в свободные дни мы неслись на них с высоких берегов Волги или ходили среди девственной белизны заснеженных полей и лесов Заволжья.

Соревнования спортивные нас тогда совсем не занимали. Просто весело было двигаться, дышать искристым зимним воздухом, радоваться на красоту мира и чувствовать себя счастливыми. Весело было даже смотреть на удивление горожан, когда с лыжами в руках мы проходили по улицам города» (М. И. Грифцова).

Днем в воскресенье проводились занятия в учительских кружках: педагогическом, литературном, кружке естествознания и др. Для девочек приготовительного класса по утрам устраивались уроки кройки и шитья.

⁵³ За все годы существования школы режим немного менялся, но его основные моменты оставались неизменными. Мы привели некий «сборный» режим, составленный на основе документов за разные годы.

Во внеклассной жизни «максимовок» много место уделялось эстетическому воспитанию. В воскресные вечера в большом зале устраивались танцы, лекции о русских и зарубежных художниках, композиторах, концерты, спектакли. Здесь выступал А. В. Александров, в те годы регент архиерейского хора и пианист, а позже — руководитель Краснознаменного ансамбля Советской Армии, автор музыки российского гимна.

С 1890-х гг. три-четыре раза в год устраивались праздничные вечера, которые готовил каждый класс по очереди. Некоторые вечера проводились совместно с учащимися мужских учебных заведений (духовной семинарии, гимназии). На школьных вечерах воспитанницы, помимо всего прочего, приобретали навыки организации и проведения внеклассных мероприятий с учащимися. Они учились организации импровизированного хора, разучивали много игр. Особенно тщательно готовилась новогодняя елка.

Душою всех литературных постановок была учительница русского языка в младших классах М. И. Вышинская. Для каждого спектакля оформлялась афиша и несколько программ, украшенных рисунками. Те из них, которые сохранились, наглядно отражают интересы девушек: Л. Чарская, К. Лукашевич, Н. В. Гоголь, Ж. Б. Мольер, А. Н. Островский, Г. Х. Андерсен и др. Сохранились и фотографии сцен из спектакля Мольера «Мещанин во дворянстве». Устраивались и литературно-музыкальные вечера, на которых девушки читали стихи, играли на рояле и скрипке, выступал хор. Школьный хор был известен на весь город. Руководил им Федор Осипович Лашек, чех по национальности, получивший образование в Праге. Он «говорил по-русски плоховато, с большим акцентом, но был превосходным музыкантом и преподавателем, а по виду походил на портрет Глинки, что еще больше возвышало его в наших глазах. Мы очень любили уроки пения, много разучивали нового, и наш репертуар был обширным и разнообразным. Можно сказать, что песня сопровождала нас во всех случаях жизни. Мы пели в перемены, вечером после уроков, на прогулках в лодках на Волге. А когда ехали куда-нибудь на экскурсию в поездах, то на наш хор стекались пассажиры из других вагонов» (М. И. Грифцова). Выпускница 1916 г. Зоя Александровна Кудряшова (Стурман) пишет: «На его (Лашека. — Т. И.) уроках я горячо полюбила русские народные песни, песни Украины. Кроме того, он с нами (уже когда учились в старших классах) разучивал отрывки из опер, например, много отрывков из оперы „Снегурочка“ Римского-Корсакова, „Иван Сусанин“ Глинки, хор девушек с запевом Антонины, отдельные места из оперы „Аида“ Верди, „Аскольдова могила“ и др. В некоторые воскресные вечера устраивались прекрасные концерты с приглашением скрипачей, виолончелистов, певцов, музыковедов. Частым гостем на таких концертах бывал Сидельников⁵⁴ (впоследствии многие годы он заведовал музыкальной частью Калининского драматического театра)»⁵⁵. Федор Осипович был одновременно учителем игры на скрипке. По окончании школы лучшие ученицы получали в подарок скрипку.

⁵⁴ Сидельников Николай Михайлович (1891–1960), певец, скрипач, дирижер, композитор.

⁵⁵ Цит. по: Сланевский В. У. Тверская женская учительская школа П. П. Максимовича. С. 148.

На внеклассных занятиях все воспитанницы знакомились с библиотечной работой.

Ежегодно проводились дальние экскурсии: на озеро Селигер, в Петербург, Московский Кремль, театры, музеи, картинные галереи. В отчете по школе за 1891 г. рассказывается об экскурсии в Москву для девушек-выпускниц. «Максимовки» побывали в Оружейной и Грановитой палатах Кремля, посетили многие храмы, в том числе храм Христа Спасителя, Румянцевский и Политехнический музеи, ботанический сад. П. М. Третьяков специально для них открыл свою галерею, которая в это время была закрыта для посетителей. И эта поездка была практически бесплатной для девушек.

А вот отчет об экскурсии по губернии: «Первым этапом экскурсии был Вышний Волочек <...> Были осмотрены кондукторское училище, его мастерские и чрезвычайно интересный музей <...> затем водохранилище с его шлюзами и домик Петра Великого. Поездка на водохранилище состоялась на пароходе, предоставленном даром городским головою И. И. Большаковым. Днем был любезно предложен обед от имени вышневолоцкого земства и чай на водохранилище. Ночевали ученицы в вагоне, предоставленном для экскурсии, стоявшем на запасном пути. Окрестности вокзала долго еще оглашались хоровым пением учениц, счастливых от так хорошо и непривычно для них проведенного дня.

Рано утром 3-го июня ученицы уехали из Вышнего Волочка, унося о нем самые лучшие воспоминания, и 3-го дня прибыли в Осташков. Здесь их встретили учительницы, бывшие ученицы, приготовившие провизию для дальнейшего путешествия <...> 50 пирогов, которые испекла для наших экскурсантов мать одной из учениц. После краткого осмотра города <...> экскурсантки на бесплатно предоставленном Ниловой пустынью пароходе отправились в монастырь. Поездка по озеру была удивительно удачная: чудная погода, красивые берега, самый живописный уголок Тверской губернии могли вполне удовлетворить и гораздо более требовательных путешественников, чем наши ученицы, из которых многие в первый раз совершали поездку на пароходе.

Вечером всенощная в монастыре и затем ночлег в монастырской гостинице.

4-го утром экскурсия выехала на пароходе. Также удачна была поездка по озеру и в этот день. Были сделаны три остановки: на живописном острове Городомля с его вековым лесом, внутренним маленьким озером и островом на этом озере; на биологической станции, которая была подробно осмотрена, и работавшие на ней лица: 7 студентов и 3 курсистки — не только подготовили к приезду экскурсии интересный демонстрационный материал, но и прислали осенью в школу гербарий и некоторые зоологические препараты. 3-я остановка была в Ельцах для осмотра громадного дома-дворца, правда сильно обветшавшего, принадлежащего прежде Толстым.

Конечным пунктом поездки по озеру была деревня Свапуши, откуда экскурсия отправилась пешком за 20 верст в Волговерховский Спасо-Преображенский монастырь. Со стороны игуменьи монастыря матери Веры экскурсия встретила сердечный прием. Провели здесь наши ученицы две ночи и день, причем накануне Троицына дня воспитанницы, чередуясь с монастырским хором, пропели

Выпуск 1916 г.

всенощную. 6-го экскурсанты тем же путем вернулись в Осташков, а 7-го утром были в Твери»⁵⁶.

Школа Максимовича не была закрытым учебным заведением, поэтому ее не могли не коснуться революционные течения начала XX в. Среди педагогов были представители разных партий: кадеты, эсеры, социал-демократы. В 1899 г. четыре воспитанницы старшего класса вступили в нелегальный городской молодежный кружок, изучавший марксизм, где читали «Искру», поступавшую из-за границы. Некоторые преподаватели в политическом отношении считались ненадежными. Под наблюдением жандармского управления были М. М. Клевенский, Ф. Ф. Ольденбург, О. В. Берви-Кайданова и др. С 1907 г. в помещении школы существовало два нелегальных кружка. Одним из них руководила начальница школы О. В. Берви-Кайданова. В нем, собиравшем до 20–25 воспитанниц, обсуждалось бесправное положение женщины в обществе. В другом кружке, который официально назывался Кружком по изучению вопросов гигиены и профилактики, обсуждались вопросы общественной жизни, классовой борьбы, исторический материализм. Занятия проходили по вечерам в приемной комнате больницы. «Вела занятия, — писала Т. М. Ломаченкова, — М. Ф. Кудрявцева. Приходил иногда на кружок и М. М. Клевенский. Много позднее мы узнали, что он в течение нескольких лет был членом и секретарем Тверского

⁵⁶ Отчет Общества попечения о нуждах учившихся и обучающихся воспитанниц женской учительской школы им. П. П. Максимовича с его основания по 1 марта 1911 г. Тверь, 1911. С. 9.

комитета РСДРП(б)»⁵⁷. Некоторые занятия нелегального кружка проводились поздними вечерами (после 10-ти часов) в условиях большой конспирации в комнате дежурного воспитателя при общежитии М. П. Корсаковой, туда же доставлялась с железнодорожной станции нелегальная литература.

Но все-таки революционные ветры не захлестнули школу. Об этом свидетельствует рукописный альбом, подаренный учительнице русского языка М. И. Вышинской в честь ее 25-летнего служения школе. На каждой странице девушки поместили стихи, в основном известных поэтов, а также и собственные. Поражает удивительная техника рисунка и красота почерка (рисование и чистописание преподавал один педагог). Самым любимым поэтом у девушек оказался К. Бальмонт, среди авторов стихотворений — С. Надсон, И. Бунин, Ф. Тютчев, А. Фет, М. Лермонтов, А. К. Толстой и др. Но самое главное — это время создания альбома — конец октября 1917 г., то есть время государственного переворота. Однако практически никаких революционных мотивов в представленном литературном материале нет. Видимо, несмотря ни на что, школа Максимовича оставалась островком добра, друженности и красоты.

В 1914 г. в связи с началом Первой мировой войны в помещении школы расположились ополченцы, готовящиеся выехать на фронт, затем Всероссийский земский союз помощи больным и раненым воинам, а в первые годы после Октябрьской революции — госпиталь.

Школа Максимовича была средним специальным учебным заведением для подготовки учителей начальных классов. Идея преобразовать ее в учительский институт, который мог бы готовить учителей средней школы, принадлежала Ф. Ф. Ольденбургу, который, к сожалению, сам реализовать ее не смог. После февральской революции 1917 г. комиссия по учебным и научным предприятиям Министерства народного просвещения Временного правительства, которую возглавлял друг Ф. Ф. Ольденбурга В. И. Вернадский, приняла решение об открытии в Твери учительского института, которое было подписано министром 17 мая 1917 г. Это было данью памяти Ф. Ф. Ольденбургу со стороны В. И. Вернадского и входившего в комиссию его брата С. Ф. Ольденбурга. Однако в это время школа Максимовича не могла быть кардинально реформирована в силу ряда причин, и учительский институт был открыт в другом месте⁵⁸. А школа решением Временного правительства от 14 июня 1917 г. была преобразована и получила официальное название — Учительская семинария им. П. П. Максимовича, учрежденная Тверским губернским земством⁵⁹.

Очень непростыми оказались последние два учебных года: 1917/1918 и 1918/1919. Читая подряд документы архива, можно практически день за днем проследить жизнь школы этих лет. Особенно трудным был голодный 1918 год, когда девочки падали в обмороки, получая в день всего 1/4 фунта (100 г.) хлеба.

⁵⁷ Цит. по: Сланевский В. У. Тверская женская учительская школа П. П. Максимовича. С. 150.

⁵⁸ См. об этом: Григорьева В. В., Шеретов В. Г. Тверское земство, братство «Приютино» и школа Максимовича. С. 16–18.

⁵⁹ ГАТО. Ф. 20. Ед. хр. 1188. Л. 1.

Выпуск 1918 г.

Педагогический совет обращался за помощью в разные инстанции, чтобы обеспечить своих воспитанниц продовольствием. Не находя помощи со стороны, руководство школы принимает решение, чтобы, приезжая на учебу в сентябре 1918 г., девушки привозили с собой необходимый запас продуктов: «чтобы не закрывать общежития и чтобы могли ученицы учиться в семинарии, педагогический совет постановил: считать для всех учениц обязательным привоз на первое полугодие: $\frac{1}{2}$ пуда муки, $\frac{1}{2}$ пуда крупы и 1 пуд картофеля (по норме $\frac{1}{4}$ фунта хлеба, 0,4 фунта картофеля и 0,2 фунта круп ежедневно на 100 дней). Оплате указанные продукты в указанных размерах не подлежат»⁶⁰. К голоду добавилась холера — 5 августа заболел дворник Нечаев.

Руководство настойчиво добивается стипендий для учащихся. Так, 9 октября 1918 г. в Комиссариат народного просвещения поступает прошение от школы: «Педагогический совет учительской семинарии им. П. П. Максимовича просит немедленно уведомить, в каком размере и когда можно получить стипендии для учащихся семинарии. Это чрезвычайно важный вопрос для правильной работы в семинарии.

Занятия у нас начались 1 октября: из разных углов Тверской губернии съехалось 220 учащихся из семей беднейших крестьян и городских пролетариев. При семинарии на началах самоуправления и трудовом принципе устроилось общежитие-

⁶⁰ Постановление педагогического совета от 14 августа 1918 г. // ГАТО. Ф. 861. Оп. 1. Ед. хр. 1236. Л. 160.

коммуна. Будет крайне грустно, если недостаток средств разгонит членов общежития. Местных средств нет. На съезде родителей 1-го октября выяснилось, что в семинарию направляется беднейшее население, надеясь, что и теперь по примеру прежних лет, когда почти все учащиеся получали земские стипендии, Тверская семинария приютит и научит их детей.

Семинария обслуживает деревню, дети которой возвращаются к себе по получению образования в качестве учительниц. Уничтожение общежития будет означать закрытие семинарии.

На съезде семинарии 16–26 августа было постановлено просить по 30-ти стипендий на класс в размерах прожиточного минимума данной местности. Это дало бы возможность продолжать нашу работу, начатую очень дружно»⁶¹. К декабрю стипендии были получены, и руководство школы вернуло деньги родителям, поблагодарив за помощь в трудный период.

Несмотря на трудности, школа продолжала строить планы, посылать своих педагогов на повышение квалификации, педагогические съезды и совещания. Так, известно, что М. Ф. Савина была командирована в Киев для ознакомления с преподаванием там химии, А. Я. Закс в Казань — на учительский съезд, в Нижегородскую губернию — для ознакомления с работой Высшей крестьянской школы, в Саратовскую губернию — для ознакомления с преподаванием родноведения в начальных школах; М. И. Вышинская в Москву — на Всероссийское совещание деятелей по подготовке учителей. В 1918/1919 г. в школу были приняты и мальчики, появилось два первых класса. В ноябре 1918 г. при школе был открыт детский сад, в организации которого принимала участие видный специалист О. П. Иогансон, созданы переплетная и столярная мастерские.

Наркомпрос предложил объединить в единое целое Тверской учительский институт, Педагогические курсы Тверского губернского земства и школу Максимовича. Но эта реформа не радовала педагогический коллектив школы, который понимал, что это приведет к уничтожению уникального учебного заведения⁶². Педагогический совет школы предложил свой путь реформирования и постепенного слияния ее с институтом, но правительство «пошло другим путем», и уже 16 сентября 1919 г. был открыт Институт народного образования. При этом вся материальная база школы перешла новому институту, небольшая часть преподавателей была принята сюда на работу (М. Ф. Савина, Л. В. Кандауров, А. Н. Светликова, А. Я. Закс, А. С. Кудряшова), но большая часть вынуждена была искать другое место. Понятно, что всё это — судьбы людей, которых вынуждали полностью менять свою жизнь, оставлять в прошлом любимую работу, коллектив, а иногда и просто место жительства, ведь и начальница, и многие воспитательницы жили при школе, были одинокими, так что школа были для них и работой, и семьей. Институту были переданы два учебных здания, флигели во дворе, телескоп, метеорологическая установка, библиотека, мастерские, лабо-

⁶¹ Там же. Л. 224.

⁶² ГАТО. Ф. 861. Оп. 1. Ед. хр. 1195. Л. 2–3.

ратории, предметные кабинеты: физический, химический, естественной истории, гуманитарный, географический.

Школа ежегодно выпускала не более 30—40 учительниц народных школ (по-современному — учителей начальных классов), за 48 лет своего существования она подготовила 1200 учительниц. Это не так много, но для Тверской губернии, да и для других, иметь хорошо подготовленных профессиональных учителей, пусть и не так много, было крайне важно. Всё познается в сравнении, поэтому лучше всего обратиться к цифрам. Так, в 1906 г. в начальных училищах Министерства народного просвещения 42% учителей не имели необходимого общего и специального образования, а по ведомству православного вероисповедания таких учителей было 70%⁶³. Поэтому потребность в хороших профессиональных учителях была очень высокой, и школа с успехом выполняла задачу их подготовки.

Несмотря на всесторонность учебной программы, все-таки гуманитарный характер образования, получаемого здесь, был очевиден. И, пожалуй, ведущую роль в нем играло изучение произведений художественной литературы.

⁶³ См.: Чехов Н. В. Народное образование в России с 60-х годов XIX в. М., 1912. С. 155.

Глава 2

ПРЕПОДАВАНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ

РУССКАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ РУБЕЖА XIX–XX ВЕКОВ

Для изучения роли литературы в средней школе рубежа XIX–XX вв. собрано очень много материалов, но истории чтения и подходов к ней пока нет¹. Реальный читатель изучается разными науками: психологией, социологией, педагогикой, книговедением, библиотековедением, литературоведением. Литературоведческий аспект изучения существенно отличается от других: «социологов, психологов, книговедов в первую очередь занимает человек с книгой в руках, его запросы, интересы, потребности; филолога влечет к себе книга в руках человека, внутренние „готовности“ произведения к воздействию на читателя»².

Материалы школы Максимовича дают прекрасный материал для истории реального читателя. Наш подход к материалу можно квалифицировать как комплексное изучение реального читателя, но под углом зрения науки о литературе. При таком подходе художественное произведение рассматривается как часть духовной культуры человечества, а читатель — как реципиент, пользователь этой культуры. Наше комплексное изучение читателя оказывается возможным потому, что это время характеризуется синтезом искусств и наук. Всевозможные культурно-художественные объединения существуют и в провинции. Так, в Твери в 1907–1918 гг. активно работал Общественно-педагогический кружок, объединявший педагогов, врачей, агрономов, священнослужителей и являвшийся культурным центром города. Кружок организовывал лекции по вопросам педагогики, курсы рисования, занятия по физике, химии, астрономии, ежегодные художественные выставки живописных работ В. Васнецова. В. Поленова, М. Сарьяна³. Кружок устраивал публичные лекции, на которых выступали Б. А. Грифцов («Русская поэзия последнего десятилетия», 1910), В. П. Потемкин («Смысл романа Л. Н. Толстого „Война и мир“, 1912; «„Бесы“ Достоевского в связи с инсценировкой романа в Художественном театре», 1913) и др.

¹ Предисловие // Чтение в России в XIX — начале XX века: Аннотированный библиографический указатель. М., 1992. С. 3.

² Прозоров В. В. О читательской направленности художественного произведения // Литературное произведение и читательское восприятие. Калинин, 1982. С. 4.

³ Тверская область: Энциклопедический справочник. Тверь, 1994. С. 271.

В средней школе одним из методических приемов было написание сочинений по физике, математике, химии. Это считалось необходимым для развития языка и умения точно выражать свои мысли. Так, в программе школы Максимовича записано: «Задача сообщения основных навыков устной и письменной речи, счёта, четкого письма, графической грамотности, умения почерпать сведения из самостоятельного чтения, привычки следить за логическим ходом рассуждения должна возлагаться не на отдельные специальные предметы, а должна распределяться, по возможности, равномерно между всеми преподавателями. С этой точки зрения необходимо, чтобы письменные работы хотя бы в виде кратких классных сочинений <...> производились преподавателями не только русского языка и математики, но и истории, географии, естественной истории, педагогики». Предполагались и межпредметные связи: «Особенно тесная связь должна быть установлена между преподаванием истории и географии с одной стороны, преподаванием русского языка и истории с другой. Кроме того, преподавателям истории и отчасти географии необходимо считаться с курсом Закона Божия, преподавателю педагогики с программами русского языка и отчасти истории»⁴.

Мы будем говорить о *бытовании* русской художественной литературы, а не о ее *восприятии*, потому что понятие *восприятие* предполагает конкретные суждения, высказывания, критические замечания читателя о творчестве писателя. *Восприятие* входит составной частью в понятие *бытование*, которое предполагает описание культурно-социальной среды, в которой творчество живет своей самостоятельной жизнью в виде идейных настроений, тем, круга чтения различных социальных групп читателей, программных произведений в системе образования и т. д. Таким образом, творчество любого писателя включается в культурно-исторический и социальный контекст. Жизнь произведения в этом контексте — это и есть бытование или «литературная жизнь»: «...вокруг произведений и писателей образуется особая атмосфера, особая жизнь, которую и можно назвать литературной жизнью. Ее ингредиентами являются писатель, читатель, критик, теоретик. Их общим сотворчеством и создается литературная жизнь как единый процесс, достойный стать предметом синтетического изучения История литературы раздвигается до пределов истории литературной жизни»⁵. Изучение «литературной жизни», в свою очередь, дает возможность увидеть новые грани смысла, новые интерпретации знакомых произведений.

Мы хотим, вслед за П. Н. Сакулиным, «взять в органической цельности те явления, которые по природе своей связаны между собою, но изучаются нами разрозненно. Мы хотим только соединить звенья, замкнуть круг и, следовательно, дать рациональный синтез всего процесса. Сосуществующие элементы никогда не остаются механически изолированными, а проникают друг в друга и образуют живой комплекс. В результате должна получиться синтетическая картина литературной жизни во всем составе образующих ее элементов и со всей закономерностью её явлений»⁶.

⁴ ГАТО. Ф. 861. Оп. 1. Ед. хр. 1194. Л. 1–2, 3.

⁵ Сакулин П. Н. Филология и культурология. М., 1990. С. 36.

⁶ Там же. С. 43.

Вполне очевидно, что литературная жизнь в разных социальных слоях читателей будет особой, общая же картина литературной жизни определенной исторической эпохи складывается, как мозаика, из этих разно-социальных бытований. Мы можем проследить литературную жизнь нескольких писателей и поэтов в школьной среде учащихся и учителей Тверской земской учительской школы им. П. П. Максимовича. Для этой работы, помимо архива школы, были использованы воспоминания учащихся гимназий и учительских семинарий начала XX в. Этот материал необходим для того, чтобы определить наиболее читаемых писателей и поэтов. Выяснилось, что мемуарной литературы о гимназической жизни начала века очень немного⁷. Это и понятно, так как гимназистами этого периода были те, кто в расцвете лет оказался втянутым в мясорубку разнообразных революций, войн и репрессий. Немногие в таких условиях смогли написать о своей юности, ещё меньшие — напечатать это в России. В связи с этим ценность материалов школы Максимовича ещё более возрастает. Для анализа чтения мы частично в качестве сравнительной характеристики привлекаем воспоминания о гимназии 1860—1890-х гг. XIX в., которых в связи с реформой средней школы 1900-х гг., в периодике было предостаточно⁸. Конечно, далеко не все мемуаристы обращают внимание на то, что и как они читали, поэтому использовались ещё и материалы по проблеме чтения учащихся⁹.

Общая картина чтения художественной литературы учащимися, которые всегда являются основной читательской группой, представляется нам следующим образом. Гимназисты (особенно провинциальные) читали мало: «...гимназисты мало читали, а если и читали, то читали без толку, без всякой системы. От этого уровень развития учеников в общем был весьма невысок. Начитанностью могли похвастаться лишь очень немногие, большинство же почти ничего не читало, кроме учебников и ничем не интересовалось»¹⁰. Выпускник Новоторжской учительской семинарии А. В. Ланков, учившийся здесь в 1900—1903 гг., писал: «Мы вышли круглыми невеждами в области беллетристики. Многие имена известны были нам только понаслышке <...> Никаких чтений, бесед, литературных вечеров не было и в помине»¹¹. «Гимназистки читали. Каждый день ходили они в городскую библиотеку, забирались в читальный зал и торопливо читали газеты <...> Меняли книги. Приходили и меняли одно случайное на другое. Выберет книгу по каталогу, а на другой день приносит ее обратно.

— Неудачно выбрала ...непонятно, неинтересно.

Беспомощно роются в каталоге, бросают его и с беспомощной улыбкой обращаются к библиотекаре:

⁷ См.: История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях: Аннотированный указатель книг и публикаций в журналах. М., 1985. Т. 4, ч. 3. С. 265—269.

⁸ Там же. Т. 3, ч. 2. С. 295—310.

⁹ Чтение в России в XIX — начале XX века: Аннотированный библиографический указатель. М., 1992.

¹⁰ Порошин И. А. Четверть века назад // Русская школа. 1905. № 2. С. 41.

¹¹ Ланков А. В. Из воспоминаний об учительской семинарии // Русский начальный учитель. 1907. № 4. С. 65—66.

— Выберите мне что-нибудь интересное...

— Да что именно?

— Что-нибудь... интересное»¹².

Знаменательно, что часто нечитающими были даже учителя: «Особенно удивляло и поражало меня, а порой и возмущало то упорное равнодушие, которое обнаруживало большинство моих товарищей по службе к русской литературе, к произведениям печатного русского слова. Читали мало и кое-как, без всякого толка, „на сон грядущий“, чтоб только не разучиться читать»¹³. Неслучайно ведь учитель Передонов в «Мелком бесе» Ф. Сологуба приобрел книги Д. И. Писарева и «Отечественные записки» только для того, «чтобы показать, что у него свободные мнения, — хотя на самой деле он не имел ни мнений, ни даже охоты к размышлениям. И эти книги он только держал, а не читал. Давно уже не прочел он ни одной книги, — говорил, что некогда, — газет не выписывал, новости узнавал из разговоров. Впрочем, и узнавать ему нечего было, — ничто во внешнем мире его не занимало». Повести Чехова он называл «пустяками», а Пушкина «вынес в сортир» за то, что «он камер-лакеем был»¹⁴.

Реформа средней школы 1900-х гг. подорвала основы классического образования, при котором основное внимание обращалось на изучение древних языков, а словесности уделялось мало времени. Однако гимназия и в 1880-е гг., и в начале XX в. оставалась «тюрьмой» для ученика: школьник был как «узник, попавший в темный каземат и тщетно старающийся вырваться из ненавистных стен его»¹⁵. И. К. Егурнов отмечает, что в современной ему школе (1899) наблюдается «полнейшее пренебрежение и недоверие к книге во имя преклонения пред балластом сведений, сообщаемых учебниками»¹⁶. Такое отношение гимназистов к чтению отчасти объяснимо тем, что гимназия находилась под строгим контролем и выполняла требования официальной программы, ни о какой свободе преподавания и творчестве речи быть не могло. В результате ученик-гимназист, не думая, усваивал то, что было написано в учебнике. Таким образом, писатель попадал к читателю в виде сведений о его жизни и мировоззрении в учебнике и в виде адаптированного текста произведения в хрестоматии. Вполне понятно, что при таком отношении к книге гимназисты не читали критической литературы. Поэтому основным посредником между писателем и читателем, выполняющим функцию посредника-интерпретатора, был учебник. Анализ учебников и хрестоматий отражает бытование определенных писателей в школьной среде, так как ничего, кроме этого, у них просто не было, как не было и собственного мнения. «По признанию учащихся, постоянная работа над учебниками (а ведь этой работы так много в современной школе) совершенно притупляет умственные способности учащегося, расхищает его мозговую энергию

¹² Сергеев Б. В женской гимназии // Русская школа. 1913. № 11. С. 91–92.

¹³ Белозерский [Порошин И. А.] Записки учителя // Русская школа. 1903. № 2. С. 27–28.

¹⁴ Сологуб Ф. Мелкий бес. М., 1989. С. 60, 73.

¹⁵ Роков Г. Параллели: (Из прошлого и настоящего учащейся молодежи) // Вестник воспитания. 1905. № 7/8. С. 199.

¹⁶ Одесский И. [Егурнов И. К.] Эскурсы в душевный мир учащихся: психология юного читателя // Вестник воспитания. 1899. № 3. С. 46.

и понижает его работоспособность. Школа безжалостна в этом отношении: у нее есть свои законы, заключенные в программах, выполнения которых она требует настоятельно и беспрекословно»¹⁷. Самими авторитетными и чаще всего используемыми были учебники В. Саводника и А. Скабичевского¹⁸, которые мы и используем для анализа вместе с хрестоматиями данного периода¹⁹.

Плохо обстояло дело и со школьными библиотеками. «Более чем неудовлетворительный состав школьных библиотек есть общепризнанный факт. До сих пор еще эти библиотеки подчиняются министерским каталогам, которые, охотно допуская в эти библиотеки всякий лубочный хлам, очень строго относятся к допущению классических книг»²⁰. Анкетирование в 1916–1917 гг. школ центральной России выявило удручающее положение ученических библиотек, во многих школах их вообще не было. Один ответ характеризует школьную библиотеку как «забитую случайно пожертвованным хламом», а «то, что есть, состоит из учебников, темников и шибяющей в нос беллетристики». Лишь в немногих гимназиях существовали классные библиотеки. Бедность гимназических библиотек объяснялась тем, что комплектование шло следующим путем: «каждый преподаватель составляет списки по своему предмету; составленные списки утверждаются педагогическим советом, потом идут на утверждение округа <...> Каждая выписываемая книга должна быть сопровождаема ссылкой на разрешение Министерства народного просвещения, иначе список книг мы не можем послать в округ на утверждение»²¹. Понятно, что такая волокита не способствовала хорошему комплектованию книжного фонда.

¹⁷ Одесский И. [Егурнов И. К.] Эскурсы в душевный мир учащихся. С. 60.

¹⁸ См.: Бачалдин И. Ученик-читатель // Русская школа. 1912. № 3. С. 122–123; Водарский В. Что и как читают ученики гимназии // Родной язык в школе. 1915/1916. № 1. С. 14.

¹⁹ Саводник В. Краткий курс истории русской словесности. М., 1915; Он же. Очерки по истории русской литературы XIX века. Ч. 2. М., 1907; Скабичевский А. М. История новейшей русской литературы (1848–1890). СПб., 1891; Он же. История новейшей русской литературы 1848–1906 гг. СПб., 1906; Вахтеров В.П., Вахтерова Э.О. Мир в рассказах для детей: Книга для классного чтения в начальных училищах. М., 1907. Ч. 3: для 3-го и 4-го годов обучения; Гусева М. Родная нива: Хрестоматия для низших классов средне-учебных заведений, а также старших классов городских, уездных и двухклассных начальных училищ. СПб., 1907. Ч. 2; Жизнь и слово: Хрестоматия для первых двух классов городских училищ, для средних учебных заведений, для второго класса двухклассных народных училищ и для воскресных школ / Сост. А. Зевич и др. СПб., [после 1900]; Из родной литературы: Хрестоматия для городских училищ, торговых школ, женских учебных заведений и учительских семинарий / Сост. Н. Н. Городецкий и др. М., 1912; Наш мир: Книга для занятий родным языком в младших классах средней школы: в 3 ч. / Сост. Н. А. Бродский и др. М., 1909–1911; Новая хрестоматия для старшего отделения начальных училищ и низших классов средних учебных заведений / Под ред. В. А. Воскресенского. СПб., 1901; Попов В. И. Отблески: Книга для чтения и изучения родного языка. Пг., 1916; Рудевич Л., Рудевич О. Детская душа: Сборник художественных отрывков из произведений русских писателей, обрисовывающих психологию детей. М., 1907; Тулунов Н., Шестаков П. Новая школа: Книга для обучения русскому языку в школе и дома. М., 1908–1910. Ч. 2–3; Шалыгин А. Теория словесности и хрестоматия. СПб., 1909.

²⁰ Вахтерова Э. О чтении детей и юношества // Русская школа. 1909. № 7/8. С. 159.

²¹ Мендельсон Н. О чтении учащихся // Свободное воспитание. 1916–1917. № 4/5. Стлб. 2, 3.

Картина гимназической жизни начала XX в. описана в повестях К. Паустовского «Далекие годы» и Л. Кассиль «Кондуит и Швамбрания». Л. Кассиль называет ее «сизой тоской» и замечает: «Покровская гимназия была похожа на все другие мужские гимназии»²². Женские гимназии в этом отношении почти не отличались от мужских. В них не было литературных кружков, публичных лекций, театральных постановок. Отношения между учителями и воспитанниками не располагали к совместному обсуждению прочитанного. По данным анкеты, проведенной в 1914 г. в одной из провинциальных гимназий Московской губернии, «у учеников есть желание обсудить прочитанное, но в большинстве случаев обсуждать, не с кем»²³. В 1902 г. В. В. Каллаш констатировал: «...средняя школа начала теперь выпускать, за редким исключением, малограмотных юношей <...> неразвитых, с очень слабым интересом к литературе <...> у большинства видно почти незнание с произведениями литературы или неумение их понять; всё указывает на падение литературного интереса, потерю чутья языка и на равнодушное отношение <...> к классическим произведениям нашей литературы»²⁴. Ему вторит в 1907 г. А. Михневич: «В настоящее время наша средняя школа находится в безотрадном состоянии, так как среди учащихся обнаружилась неслыханная убыль душ»²⁵. Социальное положение гимназий приводило к тому, что гимназисты в массе своей оказывались мало активными и далеко не профессиональными читателями.

Конечно, в каждом правиле есть исключения, были они и в этом тоскливом гимназическом ряду. К таким исключениям относилась, например, Нежинская, Оренбургская гимназии, частная школа К. Мая в Петербурге. И. А. Порошин, прибыв в 7-й класс Нежинской гимназии, «из русских писателей был знаком только с такими „классиками“, как Тургенев, гр. Толстой, Гончаров, Достоевский <...> из литературных критиков знал одного Белинского и лишь отчасти — Добролюбова и Ап. Григорьева <...> этого оказывалось (в Нежине, по крайней мере) слишком мало, и я чувствовал себя глубоко несчастным от сознания своей духовной отсталости, сравнительно с большинством товарищей». Автор пишет о гимназии 1880-х гг. и одновременно констатирует состояние гимназии начала XX в.: «Для современного гимназиста XX века и такой начитанности было бы, пожалуй, более чем достаточно»²⁶.

Много читающие гимназисты, однако, отмечали, что «понимание русской литературы, всей ее классической ясности и глубины пришло к нам позже, чем понимание более легкой литературы Запада. Мы были молоды, и западная литература привлекала нас изяществом, спокойствием и совершенством рисунка <...> Но постепенно величайшая в мире русская литература овладевала нашими сердцами и вытесняла на второй <...> план литературу Запада»²⁷.

²² Кассиль Л. Кондуит и Швамбрания. М.; Л., 1936. С. 47, 46.

²³ Водарский В. Что и как читают ученики гимназии. С. 14.

²⁴ Каллаш В. В. Очерки по истории школы и просвещения. М., 1902. С. 268.

²⁵ Михневич А. Убыль душ // Сборник педагогических статей в честь редактора журнала «Педагогический сборник» А. Н. Острогорского. СПб., 1907. С. 390.

²⁶ Порошин И. А. Четверть века назад // Русская школа. 1905. № 2. С. 37.

²⁷ Паустовский К. Далекие годы // Паустовский К. Повести. М., 1989. С. 160–161.

В хороших гимназиях словесности отводилась, как правило, главенствующая роль, художественная литература была не просто предметом изучения, она становилась частью жизни, тесня другие занятия: «Детских обычных игр не существовало, никто не предлагал в рекреационное время просто побегать, поиграть в мяч, бабки <...> Это считалось унижительным даже. Если было свободное время, мы или читали, или вели нескончаемые разговоры о том, что и кто прочел отдельно у себя дома»²⁸. Устраивалось совместное чтение, писались рефераты, организовывались кружки, издавались рукописные журналы, проводились лекции, литературно-музыкальные вечера, ставились спектакли. О таких гимназиях можно сказать словами Д. В. Filosofova: «Когда я спрашиваю своих сверстников о гимназических годах, они все вспоминают их с ненавистью. Я почти никого не встречал, кто бы вспомнил с любовью казенную гимназию восьмидесятых годов. „Майские жуки“ (выпускники школы К. Мая в Петербурге. — Т. И.) — счастливое исключение»²⁹.

К таким счастливым исключениям относилась и школа Максимовича, которая была свободна от тесных рамок министерской цензуры, так как являлась земской и давала своим ученицам очень разностороннее образование. М. И. Грифцова вспоминала: «Общее образование нам, будущим учителям народных школ, стремились дать более широкое и разностороннее, и фактически мы проходили больше, чем позволяла нам казенная министерская программа царской России. Наши учителя значительно выходили за ее пределы, расширяя и углубляя ее».

Серьезное отношение к произведениям художественной литературы вытекало из общего характера школы, которая являлась гуманитарной по своему направлению: «Особенный интерес и значение имели для нас гуманитарные предметы и знания гуманитарного характера, связанные с изучением разных сторон жизни человека и человеческого общества <...> Теперь вспоминаю об этом с глубоким убеждением, что гуманитарные предметы, т. е. человековедение, должны быть общей наукой в развитии и образовании каждого, независимо от специальности, которую он изберет. Они помогают глубже и шире видеть, понимать человека и жизнь» (М. И. Грифцова). Это связано с тем, что школа возникла в 1870-е гг., когда само понятие личности выдвинулось на первый план, психология заняла главенствующее место в системе наук, когда к читателям пришли психологические романы Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского, философия Ф. Ницше. В педагогике произошла «педоцентристская революция», смысл которой состоял в превращении ребенка в «центр педагогической вселенной», вокруг которого организовываются средства обучения. Эта новая педагогика была закономерным следствием идеи, высказанной еще в XVII в. Я. А. Коменским, а позднее подхваченной Ж. Ж. Руссо, И. Г. Песталоцци, Ф. Фребелем, К. Д. Ушинским: образование должно быть направлено на развитие природных способностей детей. Любой маленький человек — это целый микрокосм, в котором природой заложены величайшие способно-

²⁸ Беккаревич Н. Оренбургская гимназия старого времени // Русская старина. 1903. № 11. С. 414.

²⁹ Цит. по: Лихачев Д. С. Школа на Васильевском. М., 1990. С. 114.

сти; для развития их педагог должен дать толчок и создать благоприятные условия, при этом педагог превращается в помощника ученика.

Именно так обстояло дело и в школе Максимовича. Здесь личность ученицы стояла на первом месте, а педагог ей служил, так же учили относиться к своим ученикам будущих учительниц. Книга К. Д. Ушинского «Человек как предмет воспитания» была настольной книгой педагогов и учениц школы. Понятно, что такая направленность требовала повышенного интереса к человеческой личности, а в изучении ее большая роль придавалась словесности.

В академическом литературоведении тех лет лидировала психологическая школа. Ф. Ф. Ольденбург писал, что в основе всех гуманитарных наук должна лежать психология³⁰. В самой же психологии развивается психологический анализ произведений искусства (О. Герасимов, А. Чиж, П. Викторов, И. Сикорский, А. Лазурский). На одном из первых заседаний Московского психологического общества в 1888 г. был заслушан доклад Д. Н. Стефановского «Пушкин как психолог». Проблеме психологии личности в искусстве отводилось много места в журнале «Вопросы философии и психологии». В книге «Учение о личности как нервно-психическом организме» (1887) П. П. Викторов показал зависимость психических изменений личности от физиологических на примере повести Л. Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича»³¹. Главным недостатком этого направления было перенесение акцента на психологию творчества и психологию восприятия, а не на само произведение с его специфическими законами.

В школе Максимовича произведения художественной литературы также использовались в качестве иллюстраций различных психолого-педагогических ситуаций. Доказательством такого подхода к литературе является тетрадь сочинений девочек 15–16 лет по произведениям художественной литературы на психолого-педагогические темы: «Дети, обиженные природой», «Дети бедных родителей», «Талантливые дети», «Любовь детей к матери» и т. д. Произведения искусства, таким образом, использовались в качестве пособия по психологии и педагогике, грань между искусством и жизнью стиралась, и художественные образы воспринимались как реальные характеры в реальной обстановке. Интересно, что для этой цели использовались не только реалистические произведения, но даже сказки, о чем свидетельствует, например, тема «Дети по сказкам Г. Х. Андерсена». Одной из самых авторитетных хрестоматий в школе была книга Л. и О. Рудевичей «Детская душа», в предисловии к которой составители пишут о ее цели: «Пусть же художники слова помогут нам в великой задаче понимания этого наивного, но глубоко задушевного детского мира! Мысль, облеченная в художественную форму, всегда производит на нас более глубокое и прочное впечатление. И нам кажется, что предлагаемые художественные иллюстрации гуманных педагогических идей должны неизбежно принести свою долю пользы. Мы думаем, что, прочтя этот ряд задушевных стра-

³⁰ Ольденбург Ф. Ф. Мысли о постановке преподавания психологии в средней школе // Русская школа. 1906. № 10. С. 140–160.

³¹ См.: Еремеева Д. Е. Русская художественная литература как объект психологического анализа в начале XX века // Русская культура и мир: Тезисы докладов участников II Международной научной конференции. Нижний Новгород, 1994. Ч. 1. С. 159–160.

ниц, написанных любящей рукой наших писателей, читатели станут ближе к пониманию детской души»³². Учитель, несомненно, должен быть психологом, должен уметь понимать другого человека. Методисты начала XX в. считали, что научиться этому можно, внимательно читая тексты художественных произведений. Чтение развивает воображение, заставляет человека переживать за героев произведения, учит понимать другого человека. А вызвать сильное эмоциональное переживание, следовательно развить воображение, готовность к сопереживанию может только серьезная литература. А. Н. Острогорский писал: «Одна наука не выручит воспитателя <...> Необходима наблюдательность и особое чутье к явлениям душевной жизни юношества. Нам кажется поэтому вполне правильным искать союза между психологией и педагогикой с одной стороны и художественными произведениями — с другой. Художественный талант и состоит ведь в том чутье духовной жизни, иметь которое так нужно воспитателю. Воспитателю есть чему поучиться у писателей, и по преимуществу у тех, которые посвящали свои силы описанию детской души. Мы разумеем Л. Толстого, Ф. Достоевского и друг.»³³

В отличие от гимназистов, «максимовки» читали много. С самого начала работы школы учителя-словесники, чтобы привить любовь к чтению, проводили по вечерам и воскресеньям, праздничным дням совместные чтения произведений русской и зарубежной литературы. Эта традиция сохранилась на протяжении всего времени существования школы. Последним учителем словесности в старших классах был М. М. Клебенский. Вот как пишет о вечерах с его участием выпускница 1913 г. А. П. Басалаева: «Вспоминаются живо сейчас наши „субботники“ и наши воскресные вечера в школе Максимовича. Каждую субботу мы, ученицы, усаживались в классе и ждали Вас. Вы приходили с томиком каких-нибудь новинок либо иностранной, либо русской литературы и читали нам те произведения, какие мы не успевали пройти изучением в классе. Весь класс слушал Вас с восторгом, потому что таких чтецов, каким были Вы тогда, мало. Ваша прекрасная дикция, Ваша выразительная мимика и артистическая смена интонаций для разных лиц — всё это создавало из Вашего чтения живой спектакль с яркими типами и образами»³⁴.

Воспитанию любви к чтению способствовали еженедельные театральные постановки, литературно-музыкальные вечера, работа литературного кружка. О любви к литературе свидетельствует и творчество самих «максимовок», которые выпускали рукописные журналы, где собраны воспоминания девушек о своем детстве, родном городе, описания всевозможных обычаев, поверий, праздников, а собственные стихи и рассказы ярко свидетельствуют о влиянии отдельных писателей на их творчество.

Библиотека школы, в отличие от гимназических библиотек, была очень хорошей, так как еще П. П. Максимович указывал на огромную роль книги в жизни сельской учительницы, для которой она подчас оказывалась единственным со-

³² Рудевич Л., Рудевич О. Детская душа. С. 2.

³³ Острогорский А. Н. Педагогические экскурсии в область литературы. М., 1897. С. 2.

³⁴ Цит. по: Сланевский В. У. Тверская женская учительская школа П. П. Максимовича. С. 121.

беседником в деревенской глуши. Максимович же разрабатывал проект частной кампании по изданию народной литературы для беднейшего населения губернии. Будучи европейски образован, он прекрасно осознавал роль художественной литературы в образовании и воспитании человека. Формированию библиотеки придавалось огромное значение, кроме основной существовали классные библиотеки, а девочек обучали основам библиотечной работы, приезжал читать лекции известный библиофил и исследователь проблемы чтения Н. А. Рубакин. «У нас была очень хорошая библиотека. Она оставила воспоминания не только о книгах, а научила работать по ним и с ними. Вышинская Мария Ипполитовна дала нам знания о системе книг в библиотеке, указания, как вести каталоги, как использовать критическую, философскую литературу, готовясь к сочинениям, рефератам по литературе, истории, биологии. Для нас читали лекции Рубакины (библиофилы)»³⁵. Возможности для хорошего чтения расширялись за счет того, что девочки пользовались не только библиотекой школы, но и личными книгами преподавателей и библиотеками тех учреждений, которые находились в здании школы: Общественно-педагогического кружка, Справочно-педагогического бюро, Отдела по народному образованию Тверского губернского земства. Беллетристическая литература составляла значительную часть этой объединенной библиотеки. К моменту закрытия школы в 1919 г. книжный фонд библиотеки школы составил приблизительно 15 тысяч томов. Библиотека Справочно-педагогического бюро к этому периоду достигла 30-ти тысяч, то есть в распоряжении «максимовок» была библиотека в количестве не менее 45-ти тысяч томов, в то время как даже у очень солидной Тверской духовной семинарии к этому же времени насчитывалось 30 тысяч книг³⁶. В 1920 г. при выдаче на библиотеку Справочно-педагогического бюро охранной грамоты помощник эмиссара Тверского губернского комитета научных библиотек М. Ф. Деревенская так писала о ней в докладе: «По числу томов библиотека является обширнейшей из библиотек, принимая во внимание ее научные ценности.

Перечислять ценные книги я нахожу невозможным, так как что ни книга — то большая ценность». По ценности эксперт на первое место ставит литературу педагогическую, что вполне понятно, а на второе — художественную и критическую: «Далее весьма ценным является отдел детских книг научного и беллетристического содержания <...> По истории русской, всеобщей, а также по истории литературы, критике имеются книги лучших авторов. Книг беллетристического содержания меньше, чем научных, но они представляют из себя ценный и необходимый материал для педагогических целей. Сюда входят русские и иностранные классики»³⁷.

Эти объективные причины и способствовали тому, что «максимовки» читали много, а репертуар их чтения был очень разнообразен: «Мы читали очень много. Всё свободное время проводили за чтением книг. Причем читали и коллективно: подбирались группа учениц, и одна из них читала, а все остальные слушали

³⁵ Пышнова Ю. Т. Воспоминания тверских учителей о школе Максимовича: Из фондов музея народного образования // 125-летие школы Максимовича. Тверь, 1997. С. 19.

³⁶ Овен О. Н. Библиотека Тверской духовной семинарии (1739–1918) // Книги. Библиотеки. История. Тверь. 1995. Вып. 2. С. 27.

³⁷ ГАТО. Ф. Р-57. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 63.

и рукодельничали»³⁸. При этом художественная литература становилась не просто предметом изучения, а органично входила в жизнь девочек, являясь средством эмоционального воздействия и формирования собственного мировоззрения. Это доказывается знанием многих текстов наизусть, при этом заучивание происходило не намеренно, а как бы само собой: «При этом мы не только много читали, но много знали и наизусть, и это получалось как-то само собой, необязательно <...> И с каким удовольствием, с каким интересом мы наполняли себя этим грузом, который никогда не казался тяжелым и лишним, и даже как-то помогал в жизни, украшая ее» (М. И. Грифцова).

Другой особенностью школы был ее научный характер, при котором одна из главных задач — формирование у учащихся научного мышления. Этому отвечало и преподавание словесности, при котором художественный текст оказывался предметом научного анализа. В программе школы 1882 г. записано: «Цель преподавания русского языка в школе двоякая: теоретическая — развитие мышления и практическая — развитие в учениках навыка правильно выражать свою мысль изустно и письменно»³⁹. Среди учителей школы было немало таких, которые стали крупными учеными: А. П. Павлов, Н. А. Кун, М. М. Клевенский, В. И. Колосов, Л. В. Кандауров, М. Ф. Савина. С 1906 по 1919 г., до последнего дня работы школы, словесность в старших классах преподавал М. М. Клевенский, историк литературы, который свои первые крупные работы написал в Твери. М. М. Клевенский много способствовал формированию научного мышления у своих учениц, огромную роль в этом сыграли его публичные лекции по истории литературы. «В старших классах большой интерес вызывали лекции М. М. Клевенского по истории литературы, в которых он разбирал литературные произведения, течения общественной мысли, затрагивал вопросы общественной жизни. Это увлекало и расширяло круг наших общественных и умственных интересов и понятий» (М. И. Грифцова).

Учитывая влияние педагогов и интерес к чтению, «максимовок» нельзя назвать непрофессиональными читателями, это были читатели с задатками профессиональных литературоведов. Отношения между преподавателями и учащимися были отношениями коллег, между которыми постоянно происходил обмен мнениями, разговор велся на равных, что также способствовало формированию более профессионального отношения к литературе и книге вообще. «К Митрофану Михайловичу <Клевенскому> мы все относились с глубоким уважением, даже преклонением, что, однако, не мешало некоторым старшеклассникам непринужденно с ним разговаривать, что-то обсуждать, а иногда, расхаживая в перемены по залу, горячо о чем-то спорить, так сказать, на равных» (М. И. Грифцова).

Неслучайно поэтому педагоги-словесники не признавали учебников и хрестоматий, предпочитая анализировать оригинальные тексты художественных произведений. «Никаких учебников по литературе у нас на руках не было, но,

³⁸ Пышнова Ю. Т. Воспоминания тверских учителей о школе Максимовича: Из фондов музея народного образования. С. 19.

³⁹ Программы учебных предметов в Тверской женской учительской школе Максимовича // Протоколы экстренного Тверского губернского земского собрания 30 мая 1882 года. Тверь, 1882. С. 90.

заканчивая урок, Митрофан Михайлович обычно называл книги, которые рекомендует прочесть. Помню, как в конце одного урока, окинув нас взглядом через пенсне и недоуменно пожав плечами, он добавил, очевидно отвечая на чей-то вопрос: „Ну, если хотите — то и Саводника“. И было понятно, что он не запрещает пользоваться учебником Саводника, но и не считает доблестью знакомиться с литературой даже по хорошему учебнику, принятому тогда в гимназиях. И мы, ученики его, понимали, что самое главное — это хорошо прочитать произведение самому, иметь свое впечатление от него, а потом уже читать о нем» (М. И. Грифцова).

«Максимовки», в отличие от гимназистов, активно читали и критическую литературу, которой в школьной библиотеке было достаточно. Судя по содержанию рабочих тетрадей учительницы словесности младших классов 1892—1919 гг. М. И. Вышинской, авторитетами были представители психологической (Д. Н. Овсянко-Куликовский, А. А. Потебня) и культурно-исторической (А. Н. Пыпин, П. Н. Сакулин) школ академического литературоведения.

Из отчетов публичных библиотек за 1896—1897 гг. из различных регионов страны видно, что самым читаемым автором был Л. Н. Толстой, за ним шли И. С. Тургенев, А. Ф. Писемский, И. А. Гончаров, А. К. Шеллер-Михайлов, Ф. М. Достоевский, Н. С. Лесков, П. Д. Боборыкин, П. И. Мельников-Печерский, Всеволод Крестовский, Н. А. Некрасов, Д. Н. Мамин-Сибиряк, М. Е. Салтыков-Щедрин и ряд других авторов⁴⁰.

В начале XX в. появляются «пролетарские поэты» Г. Кржижановский, Л. Радин, А. Богданов, Е. Нечаев, И. Привалов, Ф. Шкулев, Евг. Тарасов, А. Гмырев и др. Их творчество не было подлинным искусством, так как главный предмет искусства, человек, в их произведениях брался только в своей социальной сущности, как член общества, и они описывали в основном общество, а не человека. Этих поэтов практически не читала учащаяся молодежь. Но в школе Максимовича их знали, хотя по читаемости они уступали другим авторам. Так, в альбоме 1917 г.⁴¹ из 186 только одно стихотворение «Привет» принадлежит «пролетарскому поэту» Е. Нечаеву.

Разочарование в возможности социального переустройства мира выдвинуло на первый план человеческую личность и вечные проблемы. Именно эти годы дали плеяду оригинальных русских религиозных мыслителей: Н. Ф. Федоров, В. С. Соловьев, П. А. Флоренский, хотя многие из них начинали свой путь с попыток социального переустройства мира: С. Н. Булгаков, Н. А. Бердяев, Д. С. Мережковский. Имена этих философов также были известны «максимовкам». Особенно популярен был В. Соловьев, хотя как поэт, а не как философ. Его стихотворение «В тумане утреннем неверными шагами...»⁴² встречается в упомянутом альбоме 3 раза.

⁴⁰ Рейтблат А. И. От Бовы к Бальмонту. С. 74.

⁴¹ Архив ШИМ НБ ТвГУ. Ед. хр. 25. Л. 50.

⁴² Соловьев В. С. «Неподвижно лишь солнце одно». М., 1990. С. 38. Ср.: Архив ШИМ НБ ТвГУ. Ед. хр. 25. Л. 144, 163, 171.

В эти же годы к русским читателям приходит Ф. Ницше. Именно величие человека на фоне всеобщего хаоса привлекало в Ницше читательниц-«максимовок». «Через год у нас появилось новое литературное имя, которым я увлеклась. Это философ Ницше, имевший в то время большое влияние на образованное общество <...> у меня были поклонницы из другого, более младшего класса, и одна из них, узнав о моем интересе к Ницше, подарила мне самое популярное в то время произведение его „Так говорил Заратустра“. Составился небольшой кружок, в котором я читала и как бы толковала эту книгу. Читала я медленно, с многозначительными паузами, с восклицаниями. Идея сильного, красивого, волевого сверхчеловека, создающего жизнь и новую этику, увлекала. В восторге были и мои слушатели». Философия Ницше не могла быть понятной девушкам 15–16 лет, и Ницше привлекал как писатель-«символист» с его яркими афоризмами: «мы не всё у него понимали, а прежде всего были во власти стиля этой поэтической книги афоризмов. Нас покорял волевой, повелительный тон и красота речи Заратустры. А смысл её не доходил до полного сознания» (М. И. Грифцова). Восприятие именно художественной формы очень симптоматично для начала XX в. Но сама популярность философа, учение которого вращается вокруг человека, тоже является отражением времени. Каждый крупный писатель начала XX в. по-своему отразил трагизм соотношения одинокой человеческой личности с окружающей его действительностью, причем не только социальной, но и природно-космической.

Литературно-художественная жизнь России начала XX в. была очень пестрой, поэтому и читатели были разные. Пестрота литературных направлений и читательских групп вытекала из особенностей социально-исторической и культурной обстановки того времени. С одной стороны, наблюдается расцвет литературы и искусства, а на другом полюсе находился народ, который в своей массе оставался неграмотным. По имеющимся данным, грамотность населения старше 8 лет в России в начале XX в. была 40 %. Культурная ситуация в России «выражалась в существовавшем разрыве между духовным ренессансом и бушевавшей реальностью жизни, в которую вовлекались широкие массы»⁴³. Об этом писал Н. А. Бердяев: «Я вспоминаю яркий образ разрыва и раскола русской жизни <...> У Вячеслава Иванова на „башне“ <...> по средам в течение нескольких лет собиралась культурная элита: поэты, романисты, философы, ученые, художники, артисты <...> Присутствовал цвет русского ренессанса. В это же время внизу, в Таврическом дворце и вокруг бушевала революция. Деятели революции совсем не интересовались темами „Ивановских сред“, а люди культурного ренессанса <...> хотя и не были консерваторами и правыми <...> но большинство из них было асоциально и очень далеко от интересов бушевавшей революции»⁴⁴.

Социологи считают, что в России отсутствовал широкий «средний слой», который лежит в основе многих цивилизационных процессов. Однако учащаяся молодежь, особенно учащиеся таких демократических учебных заведений, как учительские

⁴³ Шульгин В.С., Кошман Л.В., Зезина М.Р. Культура России IX–XX вв. М., 1996. С. 242.

⁴⁴ Бердяев Н. А. Русская идея: Основные проблемы русской мысли XIX в. и начала XX в. М., 2000. С. 213.

семинарии, принадлежала именно к этому «среднему» слою. Не будучи ни элитой, ни неграмотным крестьянством, такая молодежь читала и современных писателей-«реалистов», и модернистов, и классику. Из современных писателей повышенный интерес вызывали произведения А. П. Чехова, А. М. Горького, А. И. Куприна, В. В. Вересаева, Л. Н. Андреева, В. Г. Короленко, И. А. Бунина и др. Среди поэтов «властителями дум» были С. Надсон и К. Бальмонт. Так, в «Мелком бесе» Ф. Сологуба на вопрос Людмилы гимназисту: «А какой у вас любимый поэт?» — «Надсон, конечно, — ответил Саша с глубоким убеждением в невозможности иного ответа»⁴⁵. В рассказе Бунина «Учитель» гости в доме помещика Линтварева «говорили о театре <...> рассказывали про Толстого, про поэта Надсона <...> Член суда декламировал пародии Буренина на надсоновские стихи»⁴⁶.

Несмотря на интерес к современной литературе, более востребованной у учащихся оказывается классика. Хотя, справедливости ради, надо отметить, что среди проанализированных источников есть один, в котором классической литературе отказывается в актуальности. «За исключением Л. Толстого, популярность которого не только не умалилась в настоящее время, а, наоборот, возросла, благодаря его продолжающейся литературной деятельности, все остальные столпы нашей новейшей литературы, как то: Тургенев, Достоевский, Гончаров, Некрасов — несомненно играют гораздо меньшую роль в литературном образовании современной школьной молодежи, нежели молодежи 80-х годов <...> Базаров ему (читателю начала XX в. — Т. И.) так же чужд, как Печорин или Онегин, — это типы для него одинаково исторические»⁴⁷. Но, по данным анкет, «наибольшее количество учеников читает классиков <...> вошедших в программу средней школы <...> Современных <...> писателей, каковы Андреев, Горький, Бальмонт, Куприн <...> и др., читало наименьшее и довольно незначительное число учеников»⁴⁸. Среди любимых писателей на первом месте называется Л. Н. Толстой, за ним А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, И. С. Тургенев, Н. А. Некрасов, И. А. Гончаров и др., то есть набор популярных у школьников авторов остался практически такой же, как в предыдущие годы. Таким образом, классическая литература оказалась очень востребованной в среде школьников. Но разочарование в возможности социального переустройства мира изменяет «литературную жизнь» знакомых произведений, меняется «общественный характер восприятия». Читатель читает их уже по-другому. Учащаяся молодежь начала XX в. «не ищет в художественной литературе той „пользы“, того идейного содержания, каких искала в ней молодежь 80-х годов»⁴⁹.

Интерес к психологии усиливает восприятие художественного произведения с психологической точки зрения. Поэтому вполне понятна высокая популярность у учащихся Ф. М. Достоевского. Читатели обращаются теперь к художественной литературе не как к учебнику, где четко написано, что и как нужно делать в прак-

⁴⁵ Сологуб Ф. Мелкий бес. С. 60.

⁴⁶ Бунин И. А. Собр. соч.: В 6 т. М., 1987. Т. 2. С. 76.

⁴⁷ Роков Г. Параллели. С. 173–174.

⁴⁸ Бачалдин И. Ученик-читатель. С. 122–123.

⁴⁹ Роков Г. Параллели. С. 180.

тической жизни, как это было в 1860—1890-е гг., а как к «науке жизни», где слово *наука* не подразумевает учения, а слово *жизнь* означает не столько социальную, сколько внутреннюю жизнь человека. Литература из учителя превращается в собеседника, с которым можно беседовать на самые важные мировоззренческие темы и одновременно сопереживать. Ученики в анкетах часто отмечали, что именно книга, а не учитель, оказывала главное «образовательное и воспитательное влияние»: «благодаря внеклассному чтению литературных произведений я узнал гораздо больше, чем за всё восьмилетнее пребывание в школе <...> чтение книг <...> а именно произведений изящной словесности, было виновником моего внутреннего перерождения и облагораживания»⁵⁰. Особенно важным для нравственного воспитания называется Л. Н. Толстой, М. Ю. Лермонтов, Н. В. Гоголь, И. С. Тургенев.

Особенностью восприятия учащихся этих лет были поиски идеала, «мода на отрицание» сменилась «модой на утверждение». Ученики 1860—1890-х гг. «из Некрасова заучивали преимущественно „идейные“ <...> стихотворения, вроде „Размышлений у парадного подъезда“, „Русских женщин“, „Кому живется весело“ и т. п. Нашим особенным вниманием пользовались стихи, воспевающие народ, рисующие его страдания. По той же причине, наряду с Некрасовым, мы любили Никитина. Кольцова. Современный юноша тоже ценит этих поэтов, но без всякого отношения к тому, что они являются певцами народного горя»⁵¹.

Теперь ученики называют любимыми те отрывки из художественных текстов, которые помогают им выработать собственное мировоззрение, «в которых говорится о Боге, душе, призвании человека, о свободе, о смерти и бессмертии». В «Войне и мире» это смерть князя Андрея, его размышления накануне Бородинского сражения, в «Анне Карениной» — смерть героини, в «Братьях Карамазовых» — легенда о великом инквизиторе, в «Преступлении и наказании» — чтение Евангелия Соней и Раскольниковым⁵².

Наконец, ещё одна особенность восприятия литературы этих лет — это умение относиться к художественному тексту как к произведению искусства, которое имеет свои специфические законы. Проще говоря, если раньше большее внимание уделялось идее произведения, то теперь — форме, эстетической стороне. Мы уже отмечали, что «интерес к тенденции и равнодушие к форме — таковы были <...> главные черты, определявшие литературный вкус школьной молодежи 80-х годов». От произведения требовалось, «чтобы оно содержало гражданские мотивы, чтобы описывало борьбу за право и свободу, чтобы обличало неправду. Притеснения и насилия, чтобы знакоило с нуждой, нищетой и забитостью, чтобы говорило о народе <...> Словом, при сильных отрицательных влияниях в деле эстетического развития молодежи положительных влияний на нее почти не было». Молодежь начала XX в. «любит красивые формы и требует их от художественного творчества <...> Ей нравятся „настроения“, яркие краски, смелые штрихи, звучная гармония сильных

⁵⁰ Одесский И. [Егурнов И. К.] Экскурсы в душевный мир учащихся: Психология юного читателя. С. 54, 55.

⁵¹ Роков Г. Параллели. С. 175.

⁵² См.: Одесский И. [Егурнов И. К.] Экскурсы в душевный мир учащихся: Психология юного читателя. С. 50, 51.

и образных слов. Ей не нужны тенденции и направление — ей нужны сила и оригинальность таланта, мастерство изображения, захватывающие впечатления, яркие типы»⁵³. Автор другой статьи подчеркивал, что при ответе на вопрос: «почему нравятся те или иные произведения» ученики выделяли, прежде всего, красоту слога, то есть эстетическую сторону, а затем уже идею, сюжет, конфликт.

А. И. Рейтблат выявил рейтинг популярности русских литераторов XIX в. у «профессиональных читателей», критиков трех периодов: 1860–1861 гг., 1880–1881 гг., 1900–1901 гг. — и выделил по 9 самых популярных авторов⁵⁴. В последнем периоде самыми читаемыми оказались: Л. Толстой, Достоевский, Пушкин, Лермонтов, Некрасов, Тургенев, Гоголь, Фет, Островский. Этот список отражает и читательские приоритеты учащейся молодежи, что еще раз подтверждает мысль, что передовые учащиеся приближались к «профессиональным читателям», а некоторые педагоги школы Максимовича таковыми и являлись.

Мы остановимся на «литературной жизни» Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, Н. А. Некрасова, И. С. Тургенева и Н. В. Гоголя. Выбор имен определен наличием достаточного количества эмпирического материала для анализа, в результате которого выяснилось, что И. С. Тургенев и Н. А. Некрасов оказали большое влияние на собственное творчество «максимовок», чего нельзя сказать об остальных авторах⁵⁵.

ЧТЕНИЕ, СТИМУЛИРУЮЩЕЕ ТВОРЧЕСТВО

И. С. ТУРГЕНЕВ

На собственное литературное творчество воспитанниц школы Максимовича очень большое влияние оказали И. С. Тургенев и Н. А. Некрасов. О популярности Тургенева у школьников начала XX в. свидетельствуют воспоминания: «мы собирались иногда по вечерам небольшими группами в 5–6 человек, чтоб прочесть что-либо из Тургенева, Л. Толстого или Достоевского». Даже мало читавшие гимназисты были знакомы с такими «классиками, как Тургенев, гр. Толстой, Гончаров, Достоевский»⁵⁶. Так пишут гимназисты 1880-х гг., для которых Тургенев был, прежде всего, выразителем актуальных социальных проблем, поэтому его имя упоминается в одном ряду с Шеллер-Михайловым и Помяловским: «Сколько вечеров, бывало, проводили мы <...> за чтением сочинений Михайлова (Шеллера), Помяловского, Тургенева и др. русских писателей»⁵⁷.

⁵³ Роков Г. Параллели. С. 177, 179.

⁵⁴ См.: Рейтблат А. И. От Бовы к Бальмонту. М., 1991. С. 75.

⁵⁵ За рамками данной работы был проведен анализ «литературной жизни» М. Е. Салтыкова-Щедрина: Ильина Т. А. Бытование произведений М. Е. Салтыкова-Щедрина в школьной среде конца XIX — начала XX вв. // М. Е. Салтыков-Щедрин в зеркале исследовательских пристрастий: Материалы науч. конф. Тверь, 1996. С. 226–233.

⁵⁶ Порошин И. А. Четверть века назад. С. 29, 37.

⁵⁷ Ольхина Р. Н. Былое // Русская школа. 1906. № 5/6. С. 140.

Отношение к Тургеневу учащейся молодежи начала XX в. можно коротко выразить следующими словами: «За Тургенева можно радоваться: он стоит на первом месте среди любимых писателей юноши. Действительно, в нем есть всё то, что может увлечь молодого читателя: обаятельность героев, увлекательность сюжета и мягкий лирический тон повествования»⁵⁸. Включение произведений Тургенева в новую школьную программу 1900 г. не встречает возражений при ее обсуждении, в отличие, например, от произведений Толстого и Достоевского⁵⁹. В программу мужских гимназий входят «Записки охотника», «Рудин». «Дворянское гнездо»⁶⁰. В женских гимназиях творчество Тургенева изучается только в трех старших классах: 7 рассказов из «Записок охотника» («Хорь и Калиныч», «Касьян с Красивой Мечи», «Бирюк», «Живые мощи», «Льгов», «Певцы», «Бежин луг»), «Муму» и «Дворянское гнездо»⁶¹. Много отрывков включалось в хрестоматии и книги для чтения, чаще всего для этой цели использовались «Записки охотника» и «Senilia. Стихотворения в прозе».

В школе Максимовича творчество Тургенева изучалось шире, чем в государственных учебных заведениях. Помимо «Записок охотника», «Муму», «Рудина», «Аси», «Дворянского гнезда», «Накануне», «Отцов и детей», «Дыма», «Вешних вод», «Стихотворений в прозе», «максимовки» читали не самые распространенные в школьной среде произведения: «Три портрета», «Три встречи», «Затишье», «Яков Пасынков», «Поездка в Полесье», «Призраки», «Пунин и Бабурин», «Часы», «Песнь торжествующей любви». Из 25 сочинений учениц 2-го класса (15–16 лет) 1903 г. на тему «Женские типы в произведениях русских писателей» десять написаны по произведениям Тургенева⁶². На литературном вечере 1905 г. из семи исполняемых прозаических отрывков — три из Тургенева, из четырех рукописных журналов — в трех имеются стихотворения в прозе, написанные в подражание Тургеневу; часто упоминаются произведения Тургенева в рабочих тетрадях М. И. Вышинской. Всё это подтверждает мысль о высоком «рейтинге» Тургенева в школьной среде.

Итак, читался Тургенев много. Чтобы ответить на вопрос, как он читался, что выдвигалось на первый план в его творчестве, обратимся к наиболее часто упоминаемому «Запискам охотника». При изучении этого произведения выделяется основной аспект: «идеальное в человеке и жизни»⁶³. В рабочей тетради М. И. Вышинской есть ссылка на учебник А. Шалыгина по теории словесности, где подробно объяснено, что имеется в виду под термином *идеальное*. Речь идет о том, что художник-реалист изображает не только типичные «посредственные и худые стороны жизни, но и редкие „проблески“ добра, „черты“ духовной красоты, „минуты“ счастья». «Записки охотника» рассматриваются как произведение, высвечивающее высокие

⁵⁸ Рудский Е. О литературном развитии учащихся средней школы // Вестник воспитания. 1916. № 8. С. 48.

⁵⁹ Труды высочайше учрежденной комиссии по вопросу об улучшениях в средней общеобразовательной школе. Журналы комиссии. СПб., 1900. Вып. 1. С. 329–330.

⁶⁰ Там же. СПб., 1900. Вып. 4. 4-й паг. С. 10.

⁶¹ Маврицкий В. Правила и программы женских учебных заведений. М., 1905. С. 46.

⁶² Сланевский В. У. Тверская женская учительская школа П. П. Максимовича. С. 17.

⁶³ Рабочая тетрадь М. И. Вышинской // Архив НБ ТвГУ. Ед. хр. 9. Л. 15 об.

нравственные качества человека из народа. Автор учебника четко формулирует эту задачу: «Представляет большой интерес разбор лучших произведений реального творчества в отношении передачи в них *идеального* в человеке и жизни»⁶⁴. В результате антикрепостническая направленность «Записок охотника» при изучении практически не затрагивалась. «С поля народной жизни, на котором растут и крапива, и чертополох, и репейник, автор сорвал только красивые и благоухающие цветы и сделал из них прекрасный букет»⁶⁵. Тургенев видел прекрасное в «низкой» действительности, это же выделяли в его творчестве учителя-словесники.

Из 25-ти рассказов «Записок охотника» в учебных книгах полностью, но чаще в отрывках, используются 11: «Бежин луг» — 7 раз, «Певцы» и «Живые мощи» — по 3 раза, «Касьян с Красивой Мечи», «Бирюк», «Татьяна Борисовна и ее племянник» — по 2 раза, «Хорь и Калиныч», «Льгов», «Смерть», «Свидание», «Гамлет Щигровского уезда» — по 1 разу. В этом списке к числу рассказов, которые обычно называют «антикрепостническими», относится только «Льгов», помещенный в тот раздел хрестоматии, где «выведены типы людей в различной общественной обстановке, деревенской и городской»⁶⁶. Акцент делается на характере человека из народа, а не на протесте против среды, в которой он живет. Ведь в рассказе выведены два типа крепостных людей: Сучок, совершенно ни к чему не способный человек, и Ермолай — находчивый, предприимчивый, умеющий выйти из любого положения. И дело тут, видимо, не в социальном статусе, ведь они оба крепостные, а в природной инертности Сучка, в привычке приспособливаться к любой обстановке. Сучок, оказавшись по горло в воде, «не чувствовал никакой надобности переменить свое положение» (3, 84)⁶⁷. Ермолай же, даже не умея плавать, отправляется на поиски брода, и в конце концов спасает незадачливых охотников, среди которых один дворянин, один бывший дворовый человек и свой брат крепостной. Герои попадают в обстановку, где их социальная принадлежность никакой роли не играет, они выступают как разные психологические типы: обеспокоенный, но ничего не предпринимающий барин, трусливый Владимир, совершенно апатичный Сучок и надежный, уверенный в своих силах Ермолай.

Традиционное восприятие связывает «Записки охотника» с известными высказываниями А. И. Герцена, Н. П. Огарева, М. Е. Салтыкова-Щедрина, его можно выразить словами А. Г. Цейтлина: «„Записки охотника“ — художественный суд писателя над крепостничеством и теми явлениями русской действительности, которые сложились в условиях векового господства этого строя. Вместе с тем — это широкое поэтическое полотно народной жизни России в крепостную эпоху» (3, 399). Конечно, отрицать «антикрепостническую направленность» книги не имеет смысла, тем более что и сам автор заявлял, что именно антикрепостническая направленность является основным пафосом цикла. Но если при выходе в свет книги

⁶⁴ Шалыгин А. Теория словесности и хрестоматия. СПб., 1909. С. 167, 168.

⁶⁵ Венгеров С. Основная идея «Записок охотника» и художественное ее воплощение // И. С. Тургенев. Его жизнь и сочинения: Сборник историко-литературных статей. М., 1915. С. 75.

⁶⁶ Наш мир. М., 1911. Ч. 2. С. 3.

⁶⁷ Здесь и далее тексты цитируются по изд.: Тургенев И. С. Полное собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 12 т. М., 1978–1986 — с указанием тома и страницы.

в 1852 г. она действительно воспринималась как «антикрепостническая», то в начале XX в. на первый план выдвинулись человеческие характеры, целая галерея которых представлена в произведении. На первом месте, конечно, народные типы, но нельзя забывать, что среди красивых, интересных характеров есть и дворяне: Татьяна Борисовна, Петр Петрович Каратаев, Чертопханов, Гамлет Щигровского уезда. Неслучайно рассказы «Татьяна Борисовна и ее племянник» и «Гамлет Щигровского уезда» входили в круг детского чтения. Это еще раз подтверждает, что учителям-словесникам важнее казалось показать не «реальную», суровую действительность, а людей, живущих в ней. Заслуга Тургенева, по словам В. Г. Белинского, в том, что он «зашел к народу с такой стороны, с какой до него к нему никто еще не заходил»⁶⁸. В начале XX в. это понималось как дифференциация народной массы на отдельные личности. По мнению Ю. Айхенвальда, Тургенев «до 19 февраля освободил крестьян: он их своим описанием дифференцировал, он в их общей и для многих безличной массе распознал отдельные физиономии, разнообразные души, но самое крепостничество и кровь, позорную эпопею рабства сумел написать все той же ровной и безобидной акварелью»⁶⁹. Отсутствие ярко выраженного обличительства отмечали многие критики начала века⁷⁰. Как писал П. Н. Сакулин, «по самым свойствам своей мягкой натуры Тургенев не мог быть суровым обличителем; в „Записках охотника“ он поэтически скорбит о поруганной красоте человеческой души, об унижении человеческого достоинства в крепостном рабе, с гуманным укором обращаясь к „братьям-помещикам“»⁷¹.

Если послереволюционная школа делала акцент на «реальном», то школа начала XX в. — на «идеальном», на красоте народного характера. С этим связано и внимательное отношение к художественным особенностям «Записок охотника». По замечанию Ф. И. Тютчева, «Тургенев в „Записках охотника“ соединил два трудно сочетаемых элемента — сочувствие к человеку и артистическое чувство»⁷². Гимназисты отмечали, что любимыми местами в «Записках охотника» были описания природы: «Более всех я любил последнего (Тургенева. — Т. И.), и его описания природы вызывали во мне истый восторг <...> Самым любимым чтением в этой области сделались для меня особенно „Записки охотника“, которые я перечитывал несколько раз»⁷³. Привлекает юных читателей начала XX в. богатый язык Тургенева: «Любимым моим писателем является Тургенев, потому что все его произведения в полном смысле слова русские, написанные простым, для всех понятным русским обыкновенным языком»⁷⁴.

Самым читаемым рассказом у молодежи стал «Бежин луг». Но поэтически-восторженный рассказ о крестьянских детях сами крестьянские дети воспринимали

⁶⁸ Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1958. Т. 10. С. 346.

⁶⁹ Айхенвальд Ю. Силуэты русских писателей. М., 1994. С. 256.

⁷⁰ См.: Покровский В. И. С. Тургенев. Его жизнь и сочинения: Сб. ст. М., 1915.

⁷¹ Сакулин П. Художник эпохи перелома // Вестник воспитания. 1908. № 5. С. 29.

⁷² Цит. по: Щеблыкин И. Книга о народе // Литература в школе. 1992. № 3/4. С. 27.

⁷³ Бен-Ами [Рабинович] Годы гимназии // Вестник воспитания. 1910. № 9. С. 182–183.

⁷⁴ Бачалдин И. Ученик-читатель. С. 133.

достаточно критически. Так, в тетради сочинений «максимовок» имеется три сочинения по рассказу «Бежин луг». Сочинения написаны на такие темы: «Крестьянские дети по книгам: „Крестьянские дети“ А. Потехина, „Бежин луг“ Тургенева и „Крестьянские дети“ Некрасова»; «Дети по произведениям Тургенева „Бежин луг“, „Накануне“, „Дворянское гнездо“, „Ася“»; «Дети по произведениям „Вечер в школьной ночлежной“, Михеев, „Бежин луг“, Тургенев, „Школяры“ Дмитриева, „Крестьянская школа“, Ростовская». Сочинения отличаются социально-психологическим подходом, при котором на первый план выдвигается анализ различных психологических типов и подчеркивается их социальная принадлежность. Так, сочинение «Дети по произведениям Тургенева „Бежин луг“, „Накануне“, „Дворянское гнездо“, „Ася“» построено на сравнении крестьянских и интеллигентских детей.

Во всех сочинениях как отрицательная сторона характера крестьянского ребенка отмечается суеверие. Девочки не очаровываются поэзией рассказов тургеневских мальчиков о всякой нечисти, может быть, потому, что сами с детства были окружены всевозможными преданиями, которые стали частью их прежней жизни. Теперь, учась в школе, бывшие крестьянки иначе воспринимают то, чем были окружены в детстве. Сейчас все эти предания воспринимаются ими как недостаток воспитания, так как родители не объясняют детям непонятных явлений природы. «В рассказе „Бежин луг“ Тургенев общему чертой отмечает суеверие <...> Они (дети. — Т. И.) верят, что существуют домовые, русалки, водяные, лешие, которые могут испортить христианские души»; «Дети видят вокруг себя много дивного, непонятного. Крестьянские дети непонятное приписывают действию какой-нибудь темной силы: различным русалкам, ведьмам и домовым; дети более интеллигентной семьи постараются поискать объяснения в науке»; «Они так глубоко суеверны, что их очень трудно разуверить. В этом виноваты их родители, так как они сами очень суеверны и, конечно, не могут не влиять на детей в этом отношении»⁷⁵. Эти строки из сочинений вторят цитатам из критических работ. «Общая черта, характеризующая всех мальчиков, заключается в их склонности к суеверию, коренящейся в глубоко невежестве, коренящемся в крестьянской среде»⁷⁶; «Вот перед нами детский крестьянский мир в „Бежином луге“, со всею налегшей на него с колыбели непроглядной тьмой суеверий, но и со всею бодростью и находчивостью существ, тоже почти с колыбели выведенных на открытое поле жизни и предоставленных почти совершенно самим себе»⁷⁷. Последние слова также находят отклик в школьных сочинениях: «Крестьянские дети рано становятся самостоятельными. Их родителям некогда смотреть за ними <...> Ребенок интеллигента находится в несравненно лучших условиях — за ним смотрят нянюшки <...> О воспитании и образовании крестьянских детей тоже мало заботятся. Крестьянские дети предоставлены самим себе. Детям интеллигентной семьи дают хоть кое-какое образование». Больше всего девочкам нравится Павлуша именно потому, что он наименее суеверен и наиболее

⁷⁵ Архив ШИМ НБ ТвГУ. Ед. хр. 1. Л. 165, 208, 251, 168, 209 об., 210, 251.

⁷⁶ Саводник В. Очерки по истории русской литературы. М., 1907. С. 37–38.

⁷⁷ Миллер О. Ф. Общественное значение «Записок охотника» // Покровский В. И. С. Тургенев. Его жизнь и сочинения. С. 113.

находчив и смел: «Менее суеверным в рассказе „Бежин луг“ является двенадцатилетний Павлуша. Это мальчик очень смелый, отважный, решительный в опасные минуты». «В нем не было суеверия, и все рассказы других мальчиков о русалках, домовых Павлуша объяснял реально»⁷⁸.

Тургенев подчеркивает в рассказе различие между бедными крестьянскими детьми и богатым Федей, который, в отличие от них, не знает преданий, они для него неорганичны. Он, так же как и охотник, выпадает из крестьянской среды и смотрит на мальчиков как бы со стороны. Когда Федя говорит: «А ведь вот и здесь должны быть русалки», — Костя со знанием дела замечает: «Нет <...> здесь место чистое, вольное» (3, 95). Федя таких тонкостей не знает. Таково же положение и барина-охотника, он — чужой в обществе крестьянских детей. Ему не о чем даже долго говорить с ними. «Я сказал мальчикам, что заблудился, и подсел к ним, Они спросили меня, откуда я, помолчали, посторонились. Мы немного поговорили» (3, 90). На этом общение с мальчиками закончилось. Сам писатель также осознает себя отчужденным от народного мира, но это не вызывает в нем трагического чувства, и он «не делает попытки проникнуть в душевный мир крестьянина»⁷⁹. Тургенев сознательно занимает позицию стороннего наблюдателя по отношению к крестьянству. «Я никогда не писал для народа <...> Я убедился <...> что я этого не умею <...> Я писал для того класса публики, к которому я принадлежу — начиная с „Записок охотника“ и кончая „Отцами и детьми“ <...> Я никогда не напишу повести для народа. Тут нужен совсем другой склад ума и характера»⁸⁰.

Тургенев в рассказе «Бежин луг» проявил удивительную чуткость, подметив одну из самых характерных черт крестьянского ребенка, который гораздо дольше, по сравнению с ребенком интеллигентским, живет в пределах «мифологического сознания», то есть такого мироощущения, когда сказка для него является реальностью. Крестьянские дети поздно знакомятся с книгой, поэтому для них часто средством познания окружающего мира являются такие рассказы, какие подслушал автор. Как пишет одна из «максимовок», «все дети любят слушать рассказы. Дети интеллигентные могут читать книги, крестьянские дети читать не умеют, но они пользуются „живыми“ книгами — они слушают стариков; сами дети знают очень много суеверных рассказов, как то: про домовых, русалок, ведьм; знают все народные поверья»⁸¹. Еще глубже это связано с тем, что в крестьянской среде языческая вера держится гораздо дольше, чем в городской. Как писала Л. М. Лотман, «оставаясь скептиком, совершенно чуждым древней полуязыческой вере крестьянских детей в чудесное, он допускает, что в традиционной, старинной народной системе понятий их вера оправдана и занимает свое, органическое место»⁸². Типичность та-

⁷⁸ Архив ШМ НБ ТвГУ. Ед. хр. 1. Л. 208, 208 об., 168 об., 256.

⁷⁹ Лотман Л. М. И. С. Тургенев // История русской литературы: В 4 т. М., 1982. Т. 3. С. 127.

⁸⁰ Тургенев И. С. Письмо Е. Ламберт 1863 г. // Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем. Письма: В 13 т. М., 1963. Т. 5. С. 120–121.

⁸¹ Тетрадь сочинений воспитанниц // Архив ШМ НБ ТвГУ. Ед. хр. 1. Л. 209, 209 об.

⁸² Лотман Л. М. И. С. Тургенев. С. 127.

ких сцен, какая описана в «Бежином луге», подтверждается, например, перекличкой со стихотворением «В ночном» И. З. Сурикова:

*По траве высокой кони
На просторе бродят;
Собрались дети в кучку,
Разговор заводят.*

*Мужички сторожевые
Улеглись под лесом
И заснули... Не шелохнет
Лес густым навесом. <...>*

*И на ум приходят детям
Бабушкины сказки:
Вот с метлой несется ведьма
На ночные пляски,*

*Вот над лесом мчится леший
С головой косматой,
А по небу, сыпля искры,
Змей летит крылатый;*

*И какие-то всё в белом
Тени в поле ходят...
Детям боязно — и дети
Огонек разводят⁸³.*

То, что Тургенев уловил одну из самых характерных черт крестьянского детства — любовь к всевозможным страшным рассказам, — подтверждает еще один факт. В рукописном журнале «максимовок» приготовительного класса три рассказа связаны с легендами и народными поверьями: «Часовня в Старкове», «Неразменный гривенник», «Ночь на Иванов день». Близок к ним рассказ о гадании «Рождественский вечер»⁸⁴.

Другой наиболее часто упоминаемый рассказ «Записок охотника» «Певцы» используется в качестве иллюстрации понятия *лирическое чувство*. Здесь мы сталкиваемся с тем влиянием психологической школы, которое она оказала в начале XX в. на преподавание словесности. В тетради М. И. Вышинской тема «Урок о поэзии» начинается с психологического экскурса, в котором учительница опирается на учебное руководство Д. Н. Овсяннико-Куликовского «Теория поэзии и прозы» (1909). Логика здесь очень проста: раз любое лирическое стихотворение отражает какое-то чувство поэта, то сначала необходимо выяснить, что такое чувство с точки

⁸³ И. З. Суриков и поэты-суриковцы. М.; Л., 1966. С. 149–150.

⁸⁴ Первые шаги. Приготовительный класс. № 2. Март 1908 г. // Архив ШМ НБ ТвГУ. Ед. хр. 3. Л. 7–8 об.; 13–14; 19–20; 27 об. — 28.

зрения психологии. Существуют различные виды чувств, среди которых особую группу составляет эстетическое чувство, которое чаще всего вызывается созерцанием произведений искусства. Оно может быть очень сильным и переходить в эмоцию, тогда оно превращается в *лирическое чувство*, что равнозначно *вдохновению*. Под воздействием искусства, особенно музыки, человек испытывает эмоциональное возбуждение — это и есть то *лирическое чувство*, которое передано в стихотворении. В качестве примера такого чувства Д. Н. Овсяннико-Куликовский приводит стихотворение А. С. Пушкина «Осень»:

*...И забываю мир и в сладкой тишине
Я сладко усыплен моим воображеньем,
И пробуждается поэзия во мне,
Душа стесняется лирическим волненьем,
Трепещет и звучит, и ищет как во сне,
Излиться, наконец, свободным проявленьем.*

Это эмоциональное возбуждение может возникать и у самого художника в момент создания произведения, и у тех, кто соприкасается с этим произведением. Примером такого чувства в прозе и является рассказ Тургенева «Певцы», который «передает музыкальную эмоцию, имея в виду и самого певца, и его пение, и впечатление, произведённое им на слушателей». Яков сам обладает ярко выраженной лирической эмоциональностью и поэтому способен вызвать ее у других. Тургенев психологически тонко передает все особенности «лирической эмоции в ее сильном выражении»⁸⁵. Яков, как все истинные поэты, ждет «вдохновения», волнуется и робеет: «Яков открыл свое лицо — оно было бледно, как у мертвого; глаза едва мерцали сквозь опущенные ресницы. Он глубоко вздохнул и запел <...> Первый звук его голоса был слаб и неровен <...> За этим первым звуком последовал другой, более твердый и протяжный, но всё еще видимо дрожащий, как струна, <...> за вторым — третий, и, понемногу разгораясь и расширяясь, полилась заунывная песня» (3, 221–222). Когда певец пел в полную силу, то им «овладевало упоение: он отдавался весь своему счастью: голос его не трепетал более — он дрожал, но той едва заметной внутренней дрожью страсти, которая стрелой вонзается в душу слушателя, и беспрестанно крепчал, твердел и расширялся» (3, 222). Тургенев показывает, что такой же эмоциональный подъем испытывают и слушатели. Как физиологическое выражение яркого лирического чувства слушателей здесь выступают слезы: «У меня, я чувствовал, закипали на сердце и поднимались к глазам слезы; глухие, сдержанные рыдания внезапно поразили меня <...> Я оглянулся — жена целовальника плакала <...> серый мужичок тихонько всхлипывал в уголку <...> по железному лицу Дикого-Барина <...> медленно прокатилась тяжелая слеза» (3, 222–223).

Следующее часто используемое произведение Тургенева — «Senilia. Стихотворения в прозе». Если современному школьнику известно только стихотворение «Русский

⁸⁵ Овсяннико-Куликовский Д. Н. Теория поэзии и прозы. М., 1909. С. 47 (ср.: Архив ШИМ НБ ТвГУ. Ед. хр. 9. Л. 4 об. — 5), 49.

язык», в лучшем случае еще «Как хороши, как свежи были розы...», то в школьное изучение начала XX в. было включено 12 стихотворений: «Деревня», «Нищий», «Маша», «Воробей», «Памяти Ю. И. Вревской», «Милостыня», «Щи», «Два богача», «Голуби», «Морское плавание», «Мы еще повоюем», «Русский язык». Как видно, в детское чтение не включаются стихотворения символические, мистические, любовные, сатирические. Но и те стихотворения, которые включены в школьное изучение, носят характер философских зарисовок, будят мысль ребенка, заставляя его не просто прочитывать, например, красивый рассказ о русской деревне или какую-то житейскую историю, но думать над теми вопросами, которые ставит автор. В любом отрывке совершенно прозрачна авторская позиция, иногда четко сформулированная словесно, но чаще легко прочитываемая в тексте. Может быть, по мнению методистов и словесников прошлого, именно наличие таких авторских сентенций помогало юному читателю задуматься над сложными вопросами бытия. Наиболее часто в учебных пособиях приводятся стихотворения «Деревня», «Нищий», «Русский язык», «Воробей» — по 3 раза, по 2 раза встречаются: «Морское плавание», «Два богача», «Голуби», «Мы еще повоюем», остальные по 1 разу. Видимо, именно эти стихотворения больше всего подходят не только для того, чтобы заставить маленького человека думать, но и для того, чтобы воспитывать в нем патриотизм, милосердие, истинную доброту, сострадание, умение любить и дружить, чувство единства с природой. Вряд ли сам Тургенев задумывался над тем, что его «стихотворения в прозе» послужат молодому поколению в качестве книги воспитания. Тем выше ценность их для юного читателя, который находит в них и пищу для ума, и средство для своего воспитания. Методисты предлагают школьнику подумать над различными моральными моментами: стихотворения «Голуби» и «Нищий» в одной хрестоматии помещены в разделе «Все люди — братья», а смысл стихотворения «Нищий» усилен помещенной за ним пословицей: «У Бога все равны»⁸⁶. Авторы другой хрестоматии предлагают читателям стихотворения «Воробей» подумать над вопросом: «Как вы понимаете: „Любовь — сильнее смерти и страха смерти?“»⁸⁷. Стихотворение «Деревня» рассматривается и в теоретическом плане — как пример жанра идиллии⁸⁸.

«Senilia. Стихотворения в прозе» Тургенева ввели в русскую литературу новый прозаический жанр малой формы. Многие писатели и поэты конца XIX—начала XX в. пошли по тургеньскому пути и стали создавать свои «стихотворения в прозе»: Я. Полонский, В. Гаршин, К. Бальмонт, И. Бунин. И. Анненский и др. Большую популярность получил этот жанр и у массового читателя: в трех, из четырех сохранившихся, рукописных журналах «максимовок» имеются их собственные стихотворения в прозе. Одно из них написано ученицей самого младшего класса. Оно очень несовершенно, несамостоятельно, но зато лучше других передает тургеньское влияние на школьницу: характерная для «стихотворений в прозе» Тургенева тема смерти и связанные с ней настроения тоски и печали, образы «Призраков».

⁸⁶ Тулунов Н. В. Новая школа. Ч. 2. С. 67; Ч. 3. С. 104–105.

⁸⁷ Попов В. И. Отблески: книга для чтения и изучения родного языка. Ч. 1. Вып. 2. С. 75.

⁸⁸ Рабочая тетрадь М. И. Вышинской. Л. 26; Овсяннико-Куликовский Д. Н. Теория поэзии и прозы. С. 74.

ПАМЯТЬ ДРУГА

Стихотворение в прозе

Он умер... Он давно в сырой земле лежит. На память от него лишь одно слово мне осталось: «трудись»! Когда я остаюсь одна, то вижу призрак кроткий твой. Твой призрак бледный и немой, а на устах улыбка запеклась, а взор твой говорит: трудись...! Но вдруг ты исчезаешь, а мне на память оставляешь тоску и горе и печаль. Друг⁸⁹.

Более совершенным является стихотворение старшеклассницы. Оно выдержано по форме: содержит в себе и эмпирическое описание события, и выражение лирического чувства, настроения, которое является главенствующим и пронизывающим весь отрывок. Чувствуется, что ученица старается сохранить определенный ритм, помогая себе тем, что каждое новое предложение стремится писать с новой строки.

ИЗ ДЕТСКИХ ВОСПОМИНАНИЙ

*Счастливое и невозвратимое время детства.
Как теперь сладостно вспоминается то милое времечко...
Живешь и не знаешь ни печали, ни горя...
Встанешь, бывало, зимой рано, рано...
Оденешься потеплее да хлеба схватишь кусочек,
как-то без хлеба не привык приниматься за дело,
и спешишь на улицу посмотреть, не завалило ли гору снегом...
как провели саночки мои у ворот ночь...
Поправишь их и скатишься с горы крутой...
Саночки на бок, и ты в снегу. Но это ничего.
Поспешно встанешь, и опять покатишься, еще шибче...
А мороз тебя в то время так и пробирает...
Но это опять ничего. Знай, продолжаешь свое дело,
забудешь и не чувствуешь его, воеводу.
Соберется нас много и еще веселее бывает.
Шум, крик, смех бывает тогда.
Да... весело, весело тогда...
Кажется, так бы и возвратила то времечко...
Но жаль, не возвратишь...
Стихотворение в прозе.
Приготовительная⁹⁰.*

Этот пример демонстрирует подражание Тургеневу в форме, а Никитину и Некрасову — в содержании. Еще одно произведение этого жанра — пример пейзажной лирики, написано оно в такой же форме, что и предыдущее.

⁸⁹ Первые шаги // Архив ШМ НБ ТвГУ. Ед. хр. 3. Л. 29 об.

⁹⁰ Еженедельник. 1905. Октябрь // Архив ШМ НБ ТвГУ. Ед. хр. 4. Л. 26 об.

ЛЕТНЕЕ УТРО

*Прекрасное летнее утро.
Туман на лугу проходит.
Солнце прекрасное встает,
Его лучи так ярки...
В воздухе свежо и приятно.
Всё встает, оживляется,
В лесу нарушается тишина.
Птички встали и песни поют.
Пчелки жужжат и собираются за медком.
В деревне задымились крестьянские избы.
Кое-где отворяются ворота,
И торопится крестьянский люд на работу.
Всё проснулось, зашумело, запело.
Здравствуй, солнце, да утро веселое.
Приготовительная⁹¹.*

Как видим, жанр «стихотворений в прозе» был очень органичен и любим «максимовками», но темы и образы брались из творчества Никитина и Некрасова.

Еще одно произведение Тургенева, серьезно читаемое «максимовками», — это «Поездка в Полесье». В рабочей тетради М. И. Вышинской есть указание на тему сочинения: «Письменная работа: выяснить содержание рассказа Тургенева „Поездка в Полесье“». В другом случае учительница использует этот рассказ как пример образного, поэтического мышления: «„Полесье“, „Два богача“ как пример образного мышления. Спросить, какие образы рисует поэт, и что эти образы вызывают добавочного <...> Каждому приходилось задуматься, поломать голову <...> натолкнуться на представление или образ и тогда уяснить себе мысль, которая раньше не давалась. Это мышление поэтическое. „Полесье“ Тургенева»⁹².

Вид Полесья возбудил в авторе мысль о ничтожности человека по сравнению с вечной природой, космосом, мысль о законе природы, неподвластном человеку. Трагедия человека состоит в том, что он оказывается отвержен от космоса, от природы: «Неизменный, мрачный бор угрюмо молчит или воеет глухо — и при виде его еще глубже и неотразимее проникает в сердце людское сознание нашей ничтожности. Трудно человеку, существу единого дня, вчера рожденному и уже сегодня обреченному смерти, — трудно ему выносить холодный, безучастно устремленный на него взгляд вечной Изиды <...> он чувствует свое одиночество, свою слабость, свою случайность — и с торопливым, тайным испугом обращается он к мелким заботам и трудам жизни; ему легче в этом мире, им самим созданном, здесь он дома. Здесь он смеет еще верить в свое значенье и в свою силу» (5, 130). И вот такой сложный рассказ предлагается вниманию юных читателей, ведь М. И. Вышинская преподавала в младших классах школы, что соответствует 14–16-летнему возрасту. Мы вновь сталкиваемся с интересом читателей к философским сторонам творчества

⁹¹ Еженедельник. 1905. № 1 // Архив ШИМ НБ ТвГУ. Ед. хр. 5. Л. 6–6 об.

⁹² Рабочая тетрадь Вышинской // Там же. Ед. хр. 9. Л. 6, 3.

Тургенева. Ведь «Поездка в Полесье» тематически и проблемно тесно связана со «Стихотворениями в прозе», столь любимыми ученицами. Эта связь давно замечена: «„Поездка в Полесье“ недаром стоит на рубеже между двумя периодами в жизни и творчестве Тургенева: к наслаждению природой здесь присоединяется в первый раз мучительное сознание ее безучастия, ее равнодушия, с наибольшей ясностью и силой выразившееся четверть века спустя в „Стихотворениях в прозе“»⁹³.

К сожалению, у нас недостаточно источников для того, чтобы говорить о непосредственном восприятии повестей и романов Тургенева. Анализ имеющихся материалов склоняет нас к выводу о том, что социальная тема была менее актуальна для молодежи данного периода. В этом смысле гораздо более востребованными являются женские типы. Чаще всего в хрестоматиях используется образ Лизы из «Дворянского гнезда», причем особо подчеркивается ее глубокое религиозное чувство. В сочинениях «максимовок» мы встретим подробное описание черт характера и особенностей воспитания Лизы («Дворянское гнездо»), Елены («Накануне»), Аси («Ася»), Лаврецкого («Дворянское гнездо») ⁹⁴. Никаких проблем «отцов и детей», героев времени, общественных идеалов в наших источниках нет. Мальчиков-гимназистов этого периода также привлекают прежде всего идеальные женские типы. Тургенев «особо привлекает его (ученика. — Т. И.) идеальностью женских типов. Перед этими светлыми типами он преклоняется с благоговением и жадно ищет их в действительной жизни»⁹⁵.

Девушкам-«максимовкам» предлагается письменная работа «Герои „Вешних вод“ Тургенева» на основе методических рекомендаций В. Голубкова. Автор пособия предлагает план сочинения, в котором три мужских характера рассматриваются исключительно как три различных психологических типа, безотносительно к их социальной природе:

«I. Карл Клубер как „мещанин“, эгоист:

- 1) неспособность к высоким душевным порывам,
- 2) стремление к сытому существованию,
- 3) слабость чувства собственного достоинства, трусливое благоразумие,
- 4) умственная ограниченность,
- 5) душевное спокойствие, самодовольство,
- 6) сила воли, умение добиться цели.

II. Эмиль как энтузиаст, альтруист:

- 1) способность к сильным душевным переживаниям, восторженность,
- 2) искренность и честность,
- 3) способность глубокой привязанности к другому,
- 4) преданность общепольному делу, последовательный героизм.

⁹³ Арсеньев К. К. Природа в произведениях Тургенева // Покровский В. И. С. Тургенев. Его жизнь и сочинения. С. 348.

⁹⁴ Тетрадь сочинений воспитанниц // Архив ШМ НБ ТвГУ. Ед. хр. 1. Л. 208–216.

⁹⁵ Одесский И. [Егурнов И.К.] Эскурсы в душевный мир учащихся: Психология юного читателя. С. 55.

III. Санин, не мещанин, но и не энтузиаст, а лишь „добрый малый“:

- 1) отсутствие глубокого нравственного чувства и стремлений к общественной деятельности,
- 2) отсутствие ярко выраженных «мещанских» интересов,
- 3) добродушие и чувство симпатии к людям,
- 4) способность к минутному героизму,
- 5) слабость воли, неустойчивость как результат отсутствия ярко выраженных, преобладающих в характере чувств»⁹⁶.

Если признать, что романы и повести Тургенева являются социально-психологическими, то можно сказать, что в начале века молодежь прочитывала в них психологическую сторону, не интересуясь социальной, в отличие от предыдущего периода. Знаменательно, что наиболее социальный роман «Отцы и дети» в начале XX в. не был особенно популярен в молодежной среде. Его не было в официальных курсах словесности для гимназий, в программе Тверской мужской классической гимназии на 1908–1909 гг.⁹⁷, а в хрестоматиях из этого произведения используется лишь отрывок «На могиле сына». В школе Максимовича роман изучался, о чем свидетельствует программа экзамена за 1909 г., где имеется один вопрос по этому произведению: «„Отцы и дети“. Взгляды современников Тургенева на этот роман. Люди 60-х гг. в изображении Тургенева»⁹⁸. Есть указание на сочинения по характеристике образов Анны Сергеевны и Кати⁹⁹. Тексты самих сочинений, к сожалению, не сохранились.

Н. А. НЕКРАСОВ

Проблема восприятия творчества Н. А. Некрасова не раз становилась предметом рассмотрения литературоведов, книговедов, библиотекарей. Для этого заполнялись всевозможные анкеты, возникавшие, как правило, в периоды споров о путях развития русской литературы. Это анкеты Н. А. Рубакина¹⁰⁰ и В. Е. Евгеньева-Максимова¹⁰¹, распространявшиеся в народной аудитории, и анкеты 1902 г.¹⁰² и 1919 г.¹⁰³, заполнявшиеся поэтами и писателями. «При желании можно назвать

⁹⁶ Голубков В. Новый путь изучения художественных произведений и составления письменных работ. М., б. г. С. 63–64.

⁹⁷ См.: ГАТО. Ф. 11. Оп. 1. Ед. хр. 4574. Л. 55 об.

⁹⁸ ГАТО. Ф. 861. Оп. 1. Ед. хр. 1246. Л. 33.

⁹⁹ См.: Сланевский В. У. Тверская женская учительская школа П. П. Максимовича. С. 17.

¹⁰⁰ См.: Розанова Л. А. Восприятие произведений Н. А. Некрасова читателями XIX — начала XX веков и нынешним их толкованием // Творчество Н. А. Некрасова: Исторические истоки и жизнь во времени. Ярославль, 1988. С. 90.

¹⁰¹ Евгеньев-Максимов В. Е. Из прошлого: Записки некрасоведа // Некрасовский сборник. Л., 1980. Т. 7. С. 214–220.

¹⁰² Новости дня. 1902. 27 декабря.

¹⁰³ Чуковский К. И. Некрасов: Статьи и материалы. Л., 1926. С. 388–394.

несколько статей, одну-две книги, авторы которых подошли к анализу собранного и включению результата этого анализа в общую проблематику своих исследований. Однако в целом материал не обобщен, не систематизирован, не вызывает глубоких заключений о динамике читательского восприятия»¹⁰⁴. В школьной среде второй половины XIX в. Некрасов воспринимается как обличитель социального зла, публицист¹⁰⁵. В начале XX в. характер восприятия и бытования меняется.

Судьба творчества Некрасова в школьной среде начала XX в. довольно интересна. Ныне достаточно широко изучаемый Некрасов в начале XX в. не был включен в программу мужских гимназий. До школьной реформы 1900 г. изучение словесности завершалось творчеством Гоголя¹⁰⁶, а после реформы из так называемых «новых» писателей, включала И. С. Тургенева, И. А. Гончарова, А. Н. Островского, Л. Н. Толстого¹⁰⁷. В женских гимназиях стихотворения Некрасова читали лишь в трех младших классах, где поэт был представлен как певец природы, крестьянского быта и христианского смирения. Здесь изучались «Крестьянские дети», «Влас», отрывок «Мороз-воевода» из поэмы «Мороз, Красный Нос» и отрывок «Рубка леса» из поэмы «Саша»¹⁰⁸.

В учебной литературе поэт был представлен детской аудитории как певец русской природы, но в основном — как выразитель нравственной красоты и силы крестьянства, основанных на православной вере и гармонии с природой, наконец, как выразитель страданий, обусловленных тяжелым социальным положением народа. Чаще всего используются следующие произведения: «Крестьянские дети», «Школьник», «Сельская церковь», «Влас», «На Волге», «Внимая ужасам войны», отрывки из поэм «Мороз, Красный Нос», «Саша», «Кому на Руси жить хорошо». В 90-х годах XX в. в школьной программе для обязательного изучения отсутствовали произведения, изучавшиеся в дореволюционной школе, но использовались такие произведения, которых в дореволюционных хрестоматиях вообще не было: «Железная дорога», «В дороге», «Размышления у парадного подъезда», «Вчерашний день, в часу шестом...», «Коробейники», «Тройка»¹⁰⁹. Так, самым популярным произведением Некрасова начала XX в. было стихотворение «Крестьянские дети», которое встречается во всех хрестоматиях, а в современной школе до недавнего времени из него читался в начальных классах небольшой отрывок «Однажды, в студеную зимнюю пору...» Составители школьной программы

¹⁰⁴ Розанова Л. А. Восприятие произведений Н. А. Некрасова читателями XIX — начала XX веков и нынешним их толкованием. С. 90.

¹⁰⁵ Роков Г. Параллели: (Из прошлого и настоящего учащейся молодежи). С. 175.

¹⁰⁶ Маврицкий В. Правила и программы классических гимназий и прогимназий ведомства Министерства народного просвещения. М., 1905. С. 103–104.

¹⁰⁷ Труды высочайше учрежденной комиссии по вопросу об улучшениях в средней общеобразовательной школе. СПб., 1900. Вып. 4. 4-й паг. С. 10.

¹⁰⁸ Маврицкий В. Правила и программы женских учебных заведений. С. 43–47.

¹⁰⁹ Программы общеобразовательных учреждений. Литература. М., 1994. Сегодня набор произведений Некрасова в школе изменился: «Соловьи», «Дедушка», «Тройка», «Внимая ужасам войны», «Тишина», «Кому на Руси жить хорошо» (В мире литературы: Программы по литературе для общеобразовательных учреждений / Под ред. А. Г. Кутузова. М., 2002).

конца XX в., как и педагоги начала этого же века, представляют Некрасова певцом «народа — созидателя всех духовных и материальных ценностей», но есть и существенное отличие. Для школьника недавнего прошлого на первый план в творчестве поэта выдвигались «гнетущие картины подневольного труда»¹¹⁰, тема материальной, социальной среды, в которой живет человек из народа. В начале же XX в. в стихах Некрасова подчеркивалось изображение человека, с его психологией, моралью и философией. Поэтому в хрестоматиях часто встречаются произведения, рисующие конкретный человеческий характер, а не среду: «Влас», «Саша», «Ермил Гирин», «Калистрат», «Дядюшка Яков», «Дедушка Мазай и зайцы». Публицистичность поэта, открытое неприятие пороков среды, протест против нее в начале XX в. намеренно сглаживался. Педагоги выбирали из творчества Некрасова светлые, положительные картины, как бы руководствуясь словами генерала из стихотворения «Железная дорога»:

*Знаете, зрелищем смерти, печали
Детское сердце грешно возмущать.
Вы бы ребенку теперь показали
Светлую сторону... (2, 162)¹¹¹*

В этом смысле показательно, что популярным оказывается стихотворение «Крестьянские дети». Автор рисует идиллию крестьянского детства, красоту гармоничного «естественного» человека, не развращенного городской цивилизацией. Но Некрасов не стремится выдержать заданного тона, и идиллия взрывается изображением социальных противоречий:

*Однако же зависть в дворянском дитяти
Посеять нам было бы жаль.
Итак, обернуть мы обязаны кстати
Другой стороною медаль.
Положим, крестьянский ребенок свободно
Растет, не учась ничему,
Но вырастет он, если богу угодно,
А сгннуть ничто не мешает ему.
Положим, он знает лесные дорожки,
Гарцует верхом, не боится воды,
Зато беспощадно едят его мошки,
Зато ему рано знакомы труды... (2, 97)*

Многоточие в конце строфы предполагает перечисление еще многих причин, которые помогут крестьянскому ребенку «сгннуть», ведь он защищен только Богом, в отличие от «дворянского дитяти», надежно оберегаемого социальными законами. Поэт обрывает себя на полуслове, как бы боясь внести диссонанс в такую красивую картину крестьянского детства. Составители хрестоматий тоже не хотят вносить

¹¹⁰ Там же. С. 15–16.

¹¹¹ Здесь и далее тексты цитируются по изд.: Некрасов Н. А. Полн. собр. стихотворений: В 3 т. Л., 1967 — с указанием тома и страницы.

диссонанс в идиллическую картину, и все как один убирают этот отрывок из текста стихотворения. Авторы учебных пособий не лишают Некрасова социальности, но сглаживают его яркую публицистичность. В книгах много произведений, рисующих тяжелые социальные условия, в которые поставлены герои произведений поэта: крестьянин, бурлак, женщина («Несжатая полоса», «Смерть Прокла», «На Волге», «Забытая деревня»). Но везде на первый план выдвигается не среда, а человек и его страдания, вызванные этой средой, да и герои в этих произведениях не протестуют против таких условий жизни, а страдают и смиряются. Некрасов был представлен юношеству прежде всего как певец народа, его силы и страданий. До недавнего времени в массовом сознании поэт воспринимался подобным же образом. «Я призван был воспеть твои страдания — терпением изумляющий народ» — именно эта сторона творчества Некрасова выдвигалась на первый план в послереволюционной науке¹¹².

Некрасова можно назвать одним из наиболее читаемых поэтов у «максимовок». М. И. Грифцова вспоминает: «Знали много басен Крылова, а у Пушкина, Лермонтова, Некрасова — не только стихов, но и глав поэм». По творчеству Некрасова написано сочинение ученицы 2-го класса 1906 г.: «Крестьянские дети по книгам: „Крестьянские дети“ Потехина¹¹³, „Бежин луг“ Тургенева и „Крестьянские дети“ Некрасова»¹¹⁴. Альбом 1917 г., подаренный М. И. Вышинской и содержащий любимые стихотворения всех учениц школы, свидетельствует о том, что интерес к Некрасову не пропадает у девушек всех возрастов. Несмотря на то, что «властителями дум» в эти годы становятся К. Бальмонт, С. Надсон, И. Бунин, имя Некрасова, наряду с Пушкиным, встречается 6 раз во всех классах, кроме самого младшего. Наиболее любимыми «максимовками» произведениями были «Письма», «Душно! Без счастья и воли...» (2 раза), «Свобода», отрывок «Русь» из поэмы «Кому на Руси жить хорошо», «Крестьянские дети»¹¹⁵. Таким образом, чаще встречаются социально значимые произведения поэта, которые отсутствовали в официальных учебных пособиях. Видимо, крестьянские девушки, которые составляли основной контингент учащихся, очень хорошо чувствовали отсутствие социального благополучия в деревне и после крестьянской реформы. Отсюда понятно появление стихотворения «Свобода», в котором дифирамбы свободе сменяются реалистически-ми размышлениями автора:

*В этих фантазиях много ошибок:
Ум человеческий тонок и гибок,
Знаю: на место сетей крепостных
Люди придумали много иных. (2, 100)*

¹¹² См., например: Чуковский К. И. Н. А. Некрасов // Некрасов Н. А. Полн. собр. стихотворений: В 3 т. Л., 1967. Т. 1. С. 5–54; Скатов Н. Н. Народный поэт // Некрасов Н. А. Собр. соч.: В 4 т. М., 1979. Т. 1. С. 3–50; Жданов В. В. Н. А. Некрасов // История русской литературы: В 4 т. Л., 1982. Т. 3. С. 333–381.

¹¹³ Потехин А. Крестьянские дети. М., 1881. См. о ней: Громов В. А. «Бежин луг» Тургенева и «Крестьянские дети» Некрасова: (Общее и своеобразное) // Некрасов и русская литература второй половины XIX — начала XX веков. Ярославль, 1982. С. 84.

¹¹⁴ Тетрадь сочинений воспитанниц // Архив ШМ НБ ТвГУ. Ед. хр. 1. Л. 165.

¹¹⁵ Альбом 1917 года // Там же. Ед. хр. 25.

О серьезном отношении к творчеству Некрасова свидетельствует и то, что в фонде Научной библиотеки Тверского государственного университета сохранилась книга из библиотеки школы Максимовича — «Полное собрание стихотворений» Н. А. Некрасова в 2-х томах (СПб., 1905). Во втором томе в стихотворение «Молебен» на место пропущенных 19-й и 20-й строк карандашом вписаны отсутствующие строки:

*Об осужденных в изгнание вечное,
О заточенных в тюрьму. (3, 314)*

Орфография свидетельствует, что строки эти были вписаны до революции. Известно, что впервые эти строки были опубликованы в газете «День» в 1913 г. (№ 354. 31 декабря)¹¹⁶. Таким образом, в школьной книге они могли появиться не ранее 1914 г. Скорее всего, кто-то из девочек вписал их с подсказки М. М. Клевенского, и этот факт свидетельствует о глубоком, внимательном отношении к тексту, а значит — и к творчеству поэта в целом. Кроме того, эти строки в заданном контексте опять представляют Некрасова как поэта-публициста, поэта социальных противоречий.

Анализ четырех рукописных журналов 1903, 1905 и 1908 гг.¹¹⁷ позволяет говорить, что среди писателей, чье творчество оказало наибольшее влияние на пробы пера подростков, был, кроме Тургенева, Некрасов. В 1903 г. ученицы 3-го класса, то есть старшеклассницы 15–16 лет, открывают свой журнал литературно-критической статьёй «Памяти Некрасова», посвященной, по-видимому, 25-летию со дня смерти поэта. Это свидетельствует об интересе к творчеству поэта, ведь выпуск рукописных журналов был добровольной, самостоятельной работой учениц. В этой статье Некрасов представлен довольно традиционно, как певец нравственной красоты народа, социальных противоречий и природы. В 1905 г. изменилась ситуация в стране — изменился и характер журнала. На первый план выдвигается открытая публицистика, появляются слова «революция», «забастовка», «манифест», появляется фельетон, большое место занимает сатира, и Некрасов уступает место поэтам-символистам, Тургеневу, чье влияние на собственное творчество «максимовок» очевидно. Но зато для младших школьников Некрасов остается любимым поэтом, а самым популярным его произведением — «Крестьянские дети», темы и образы которого развиваются во многих журнальных очерках: «Гулянье», «За грибами» (2 очерка), «Сенокос», «Заблудилась», «Ярмарка». Например, у Некрасова:

*Ребяческий крик, повторяемый эхом,
С утра и до ночи гремит по лесам. (2, 96)*

Развитие этой темы в очерке «За грибами»: «Лес был наполнен запахом грибов, ягод. Пением птиц и нашим ауканьем. Мы проходили в лесу не более полутора

¹¹⁶ Заборщикова М. М. О стихотворении Некрасова «Молебен» // Русская литература. 1969. № 1. С. 187–188.

¹¹⁷ См.: Первый труд: Иллюстрированный журнал 3-го класса. 1903. № 2; Ежедневник. 1905. Октябрь; Ежедневник. Наблюдения, впечатления и думы. 1905. № 1. Декабрь; Первые шаги. Приготов. кл. 1908. № 2. Март // Архив ШМ НБ ТвГУ. Ед. хр. 2, 4, 5, 3.

часов и, набрав грибов, стали собираться и пошли из лесу на нашу любимую полянку, на которой стояли несколько сосенок и два небольших дубка. Солнце поднялось высоко и пекло. На полянке мы сели в тень, начали закусывать и подняли возню»¹¹⁸.

У Некрасова:

*Вернулись. У каждого полно лукошко,
А сколько рассказов! (2, 94)*

В очерке «Заблудилась»: «В один прекрасный день я собиралась идти за малиной; малинник был за пять верст от деревни. Меня дедушка проводил до малинника и предупредил, что, если я потеряю из виду дорогу, то нужно идти на солнце, т. е. куда солнышко заходит. Я набрала целую корзину малины и собралась идти домой, но вот, точно нарочно, дорогу-то и потеряла. И пошла я, как сказал дедушка, на солнце. И вот иду и распеваю песни. Оглянулась я в сторону и думаю: „туда ли еще я иду?“ И покажись мне большой пень, я так и охнула — думала, что это медведь (так как я слышала, что где много малины, там есть и медведь). У меня и корзина из рук выпала, и я без оглядки побежала в ту сторону, куда солнце садится. И всё-то время бегу и плачу. В малиннике было много сучьев, и я перестарапала до крови себе ноги. И так пробежала семь верст, где полем, где леском и пришла уже домой в сумерки. Дома меня встретили вопросами: „Хорошо ли в малиннике? Много ли малины я набрала?“ Но я расплакалась и не могла ничего говорить, а пошла и легла спать. На другой день я рассказала домашним, в чем дело».

Этот журнал приговорительного, самого младшего, класса 1908 г. важен для нас как свидетельство непосредственного восприятия крестьянскими детьми стихотворений Некрасова, посвященных теме детства. Ведь младшие ученицы еще не обладают профессиональным восприятием, они относятся к Некрасову не как к поэту со своим художественным миром, а как к человеку, который рассказывает об их детстве. Журнал открывается статьей ученицы под псевдонимом «Смерч» «Крестьянские дети по стихотворению Некрасова и по моим личным наблюдениям». Здесь простая крестьянская девушка спорит с Некрасовым и разрушает идиллию, нарисованную поэтом: «По моим же личным наблюдениям уж не так хороша, легка и привлекательна их жизнь»¹¹⁹. Далее девочка рисует тяжелую и беспросветную крестьянскую жизнь, при которой социальные условия формируют «мрачные и жестокие» характеры.

Эта небольшая статья позволяет взглянуть на Некрасова с непривычной для нас стороны. Традиционно о нем пишут как о поэте крестьянской жизни, выразителе его интересов: «Он не только сочувствовал народу, он отождествлял себя с ним, с крестьянской Россией, говорил от ее имени, ее языком <...> Тесная связь с национальной жизнью, близость к народу и умение говорить от его имени, небывало активный характер вторжения в жизнь <...> вот главные свойства поэзии

¹¹⁸ Первые шаги // Там же. Ед. хр. 3. Л. 12–12 об.

¹¹⁹ Там же. Л. 15–15 об., 4 об.

Некрасова»¹²⁰. Небольшое сочинение крестьянской девушки позволяет усомниться в таких утверждениях. Так ли уж близок был поэт к народной жизни? В уже упомянутом нами сочинении «максимовки» по «Крестьянским детям» тоже прочитывается несогласие с автором: «Некрасов говорит, что он очень любит крестьянских детей, нередко завидует им, потому что в их жизни много поэзии». Далее следует пересказ содержания стихотворения. В конце ученица делает вывод о том, что «хотя дети и пользуются такой свободой, но никто завидовать им не будет. Им недолго приходится порезвиться, пожить такую вольною жизнью; они рано знакомятся с трудами, лишениями жизни. Они рано делаются самостоятельными, полными работниками»¹²¹. В этом смысле характерна оговорка М. И. Грифидовой о том, что ученицы знали наизусть «почти целиком Кольцова и Никитина, таких близких нам по народности, по восприятию родной природы и труда». Некрасова в этом ряду нет. Крестьянские поэты были ближе простым людям, чем раздвоенный мир Некрасова. По меткому выражению Ю. И. Айхенвальда, «поэзия Кольцова — это деревня нашей литературы <...> в Кольцове <...> нашла себе родственную индивидуальную душу и сказалась его певучими устами сама стихия природы и народа». А излюбленные темы Никитина: «сиротство сохи, бесталанность пахаря, одиночество бобыля» — взяты «из самой себя, из настроенности и предрасположении собственной души»¹²².

То, что Кольцов и Никитин были более органичны для крестьянской среды, говорит и тот факт, что в программе выпускных экзаменов школы Максимовича 1895 г. нет вопросов, посвященных Некрасову, зато есть вопрос о Кольцове и Никитине: «Песня искусственная или художественная. Сопоставление некоторых песен Кольцова и Никитина с песнями народными»¹²³. В программе 1903 г. остается один Кольцов как создатель жанра «искусственной песни»: «Искусственные песни. Биография Кольцова. Мотивы его поэзии по песням „Косарь“, „Песня пахаря“, „Что ты спишь мужичек“, „Песня Лихача-Кудрявича“»¹²⁴. В программках литературно-музыкальных вечеров имя Некрасова не встречается, зато стихотворение Никитина «Ссора» инсценируется на школьной сцене в 1911 г. В книге «Сочинения» И. С. Никитина (М., 1885) на с. 29 ученицей сделана запись: «Мне очень нравится Никитин. Да и кому он может не нравиться». К 1917 г. Кольцов утрачивает свою актуальность для «максимовок», его имя ни разу не встречается в уже упомянутом альбоме. Никитин несколько уступает Некрасову, его стихи встречаются 5 раз, а Некрасова — 6. Это объясняется тем, что по содержанию наиболее любимыми у «максимовок» становятся стихи философские с выраженным трагическим восприятием мира и социально-публицистические, меньше встречается пейзажной и любовной лирики. Некрасов предстает здесь в основном как публицист. Никитин же представлен философско-трагедийной лирикой: «Дитяти», «В альбом Н. В. П.».

¹²⁰ Жданов В. В. Н. А. Некрасов. С. 333.

¹²¹ Архив ШМ НБ ТвГУ. Ед. хр. 1. Л. 169–169 об., 170.

¹²² Айхенвальд Ю. И. Силуэты русских писателей. С. 127–128, 136.

¹²³ ГАТО. Ф. 861. Оп. 1. Ед. хр. 1128. Л. 112.

¹²⁴ ГАТО. Ф. 861. Оп. 1. Ед. хр. 1242. Л. 10.

«Вырыта заступом яма глубокая...», «Бегут часы, недели и года...» Понятно, что поэзия Кольцова не вписывалась в общее направление альбома: он не был ни философом, ни публицистом. Но это уже 1917 год, когда полновластными кумирами становятся поэты-философы: символисты, И. Бунин, Вл. Соловьев. И присутствие в этом ряду Никитина очень симптоматично: может быть, именно потому, что он был свой для крестьянских девушек, его поэзия им тоже оказывается близка.

В данном случае мы говорим о народности как выражении народного мировоззрения, о том, как именно эта черта творчества трех поэтов воспринималась самим народом. Поэтому нерелексирующие Кольцов и Никитин в этом смысле были ближе простому народу, чем «противоречивый» Некрасов.

Девочкам-«максимовкам» было знакомо и стихотворение И. С. Никитина «Поэту-обличителю», направленное против Некрасова, так как самое полное дореволюционное собрание сочинений Никитина с комментариями, изданное М. Ф. Де-Пуле, имелось в библиотеке школы в нескольких экземплярах¹²⁵. Поэт обвиняет Некрасова в лицемерии, лжи, непонимании народного горя:

*Что ж ты сделал для края родного,
Бескорыстный мудрец-гражданин?
Укажи, где для дела благого
Потерял ты хоть волос один?*

*Твоя жизнь, как и наша, бесплодна,
Лицемерна, пуста и пошла...
Ты не понял печали народной,
Не оплакал ты горького зла,*

*Нищий духом и словом богатый,
Понаслышке о всем ты поешь...¹²⁶*

Это «понаслышке» и чувствовали чуткие крестьянские девушки.

Именно за «лицемерие» не принимал Некрасова и С. Есенин: «А про Некрасова можешь даже судить по стихотворению Никитина „Поэту-обличителю“, — так он писал Г. А. Панфилову в начале 1913 г.¹²⁷

Таким образом, «максимовки» в силу своей социальной принадлежности почувствовали ту сторону творчества Некрасова, которую долго замалчивала послереволюционная наука. Интересно, что дореволюционная критика как одну из основных черт художественного мира поэта отмечает рефлексию. Так, А. М. Скабичевский выделяет «два элемента» в творчестве Некрасова: «разночинно-народный и рефлексивный»: «Как поэт переходной эпохи, отразивший в своих стихах самые разнохарактерные мотивы своего времени, Некрасов далеко не представляет той цельности

¹²⁵ Никитин И. С. Сочинения с портретом, fac-simile и биографией, составленной редактором издания М. Ф. Де-Пуле. М., 1900. Т. 1–2.

¹²⁶ Там же. С. 55; ср.: Никитин И. С. Полн. собр. стихотворений. М.; Л., 1965. С. 309–310.

¹²⁷ Есенин С. Собр. соч.: В 5 т. М., 1962. Т. 5. С. 93.

и одноформенности, какие мы замечаем в поэтах, выразителях духа и мотивов того тесного интеллигентного слоя, к которому они принадлежат, или, с другой стороны, чем бы мог отличаться поэт, вышедший прямо из народа и мало соприкасавшийся с высшими слоями общества, вроде Кольцова или Шевченко»¹²⁸. Наличие этих двух элементов и создает многомерный, неоднозначный мир поэта. Об этом же пишет Вл. П. Кранихфельд, объясняя отсутствие цельности в поэте психологическими причинами: влиянием с детства на Некрасова двух совершенно разных внутренних миров отца и матери¹²⁹. То же — в работе Ю. Айхенвальда: «...он хотел воспеть страдания народа, изумляющего своим терпением. Для того чтобы сделать это искренне и достойно, надо страдания не только петь, но и перестрадать, вонзять их, как копыя, в собственную грудь. Быть певцом великого народа и сострадателем великих страданий захотел Некрасов: объектом своей поэтической работы он избрал целую страну, целую нацию. Он мечтал бросить хоть единый луч сознания на путь русского народа, озарить его тьму, быть для него солнцем и песнью. Вот какая грандиозная задача, посильная только для героя и святого, оказалась непосильной для него. Он, как и все, был прикован к минутным благам жизни, он был рабом среды и привычек, рабом большого города. Он был человек перемирия; в свои заводи манила его „робкая тишина“, он „к цели шел колеблющимся шагом и для нее не жертвовал собой“, — к цели не житейской, а возвышенной <...> Он не взошел на вершину собственных требований и погрязал внизу, в житейской тине, полный отчаянья, слез и стыда»¹³⁰. О той же неоднозначности и противоречивости поэзии Некрасова писал и К. И. Чуковский: «Его беда (и его красота) была в том, что он не хотел быть двойным человеком, ненавидел в себе эту двойственность, считал ее чуть не преступной. Всю жизнь Некрасов-плебей проклинал Некрасова-барина. Оба жившие в нем человека постоянно ссорились друг с другом.

*Что враги? Пусть клеветуют язвительней,
Я пощады у них не прошу.
Не придумать им казни мучительней
Той, которую в сердце ношу.*

„Я не слишком нравлюсь себе самому“ <...> „Я осудил сам себя беспощадным судом“, — это самомучительство было его постоянной болезнью. Плебей осуждал в нем барина, барин чуждался плебея»¹³¹.

Наконец, М. М. Клеверский, выделяя три ипостаси поэта: «поэт-народник, поэт-гражданин и поэт покаянных настроений русской интеллигенции», отмечает: «В минуты мучительного размышления над самим собою Некрасов с болью чувствовал, что его личная жизнь, жизнь человека богатого, пользующегося различными удобствами, слишком уж отличается от тяжелого существования народа, певцом

¹²⁸ Скабичевский А. М. История новейшей русской литературы (1848–1890). С. 463.

¹²⁹ Кранихфельд Вл. П. Н. А. Некрасов // История русской литературы XIX века / Под ред. Д. Н. Овсяннико-Куликовского. М., 1909. Т. 3. С. 373–407.

¹³⁰ Айхенвальд Ю. И. Силуэты русских писателей. С. 140.

¹³¹ Чуковский К. И. Некрасов: Статьи и материалы. Л., 1926. С. 59–60.

Первые
шаги.

ΛΟΓΟΤΕΧΝΙΑ.

№ 2.

M2PT6 1908.

Из рукописного альбома учениц

Всученіе жупана. № 9.

Кремлянскій гарн.	не considered	русс
Подпорожск и не муним муним	наблюд	
нигус.	- - - - -	Евстаф
		Урахов.
		X.

(Handwritten notes)

Писать Из казачьих детей За грядущим. Ност на Уб Во невоин.	считать сокращенное слово, а изначальны правды.
---	--

иногда шоколадные станы,
и мушкетеры приносят
кошачьи. Во время
эпидемии ^ввоздухе кажутся
стены неведомых рас-
копаний, и восточный туман

Hydrophoraceae

Забудьтаси.

В одно утро я была на даче. В один прекрасный день я собралась идти за машинкой; машинный был за мной верный или добрый. Меня удручила прова-
дил до машинного и предупредил меня, что если я поше-
ржу из виду дачу, то нужно идти на солнце, т. е.
куда солнышко выходит. Я набрала целую корзину
машин и собралась идти домой, но вот, точно на-
рекло, дачу то и потеряла. И пришла я, как вся =

Исторія одного рисунка
съ натуры.

1-ый рисунокъ:
не выходитъ...

Лѣтнее утро.

Стихотвореніе изъ прозы.
Прекрасное лѣтнее утро.
Туманъ на лугу проходитъ.
Солнце прекрасное встаетъ,
Его лучи такъ ярки...
Въ воздухѣ свѣжо и пріятно.
Все встаетъ, оживаетъ,
Въ лѣсу нарушается тишина.
Птички встали,
Пчелки жу...

Въ деревнѣ зад...

Из рукописного
альбома
«Еженедельникъ»
1905 г.

Исторія одного рисунка
съ натуры:

2-ой рисунокъ:
Ахъ какъ трудно...

Исторія одного рису-
нка съ натуры.

8-й рисунокъ:

Чаять будто выходить...

На перевозѣ.

Старшая сестра Анушкина оба-
дился мамѣ, что сегодня мы идемъ къ сенок-
нику за 5 верстѣ. Дорогу никто не знаетъ
изъ насъ. "Язвѣкъ до Нѣмки доведетъ", сказала
Нулл и мы пошли. Въ ближайшей деревнѣ стари-
чекъ, такъ рас-
сказалъ, а такъ по берегу,
дети и деревня видна, гдѣ
это значить на озеро. И

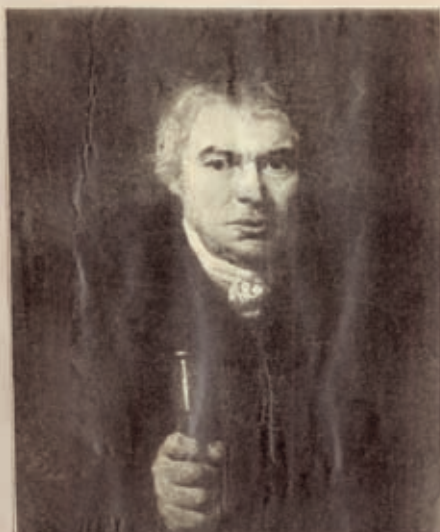

Исторія одного ри-
сунка.

4-й рисунокъ: Рано

„Выходить...выходить...“

Портрет вице-короля ПИИ г.б.
Орловского из музея Императора Александра III.

ИЗ ГАЛЕРЕИ ПОРТРЕТОВ В. А. ХРУЩЕВОГО.
ИЗ ГАЛЕРЕИ ПОРТРЕТОВ В. А. ХРУЩЕВОГО. ПОРТРЕТ В. А. ХРУЩЕВОГО.
1892 г. из Гал.

Портрет князя Дмитрия Дмитриевича, Вице-Корора Императора Александра III.

Альбом «Живонись» 1912 г.

Александр Гаврилович Венецианов, российский живописец, родился в 1816 г. Его отец был греческим консулом в городе...

А. Г. ВЕНЕЦИАНОВЪ.

Венецианов, на 85 году жизни умер (14 декабря 1902 г.) от болезни сердца. Счастливый человек, он прожил жизнь, полную радости, любви, счастья...

Гаврилович - Венецианов

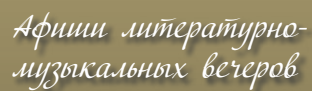
Е. Введенская. 3 класс

1878 год. Апрель. проект моста

Рисунки учениц

Кузнецова. 1879 год. Апрель. проект здания

Программки литературно-музыкальных вечеров

Морозы не веда
да стоять не веда

«Морозные вальсы» из цикла

Альбион 20. Нар. * Альбион 20. Нар.

Поминки ввосточном, 11. Нар. 20. Нар. А.А. Миклашевский

1. Восточный 11. Нар. 20. Нар.

2. Нар. 20. Нар. 20. Нар.

3. Нар. 20. Нар. 20. Нар.

4. Нар. 20. Нар. 20. Нар.

5. Нар. 20. Нар. 20. Нар.

6. Нар. 20. Нар. 20. Нар.

7. Нар. 20. Нар. 20. Нар.

8. Нар. 20. Нар. 20. Нар.

9. Нар. 20. Нар. 20. Нар.

10. Нар. 20. Нар. 20. Нар.

11. Нар. 20. Нар. 20. Нар.

12. Нар. 20. Нар. 20. Нар.

13. Нар. 20. Нар. 20. Нар.

14. Нар. 20. Нар. 20. Нар.

15. Нар. 20. Нар. 20. Нар.

16. Нар. 20. Нар. 20. Нар.

17. Нар. 20. Нар. 20. Нар.

18. Нар. 20. Нар. 20. Нар.

19. Нар. 20. Нар. 20. Нар.

20. Нар. 20. Нар. 20. Нар.

21. Нар. 20. Нар. 20. Нар.

22. Нар. 20. Нар. 20. Нар.

23. Нар. 20. Нар. 20. Нар.

24. Нар. 20. Нар. 20. Нар.

25. Нар. 20. Нар. 20. Нар.

II. Восточный

1. Нар. 20. Нар. 20. Нар.

2. Нар. 20. Нар. 20. Нар.

3. Нар. 20. Нар. 20. Нар.

4. Нар. 20. Нар. 20. Нар.

5. Нар. 20. Нар. 20. Нар.

6. Нар. 20. Нар. 20. Нар.

7. Нар. 20. Нар. 20. Нар.

8. Нар. 20. Нар. 20. Нар.

21-40 Нар. 20. Нар. 20. Нар.

Думаю
чтобы не было
слова "взвешивать"

Даже
вспомню
верно или

КТО ИХ НЕ ЗНАЕТ?
КТО НЕ ВИДЕЛ?
КТО БЫЛ ВЗЛ
ДА ИХ ТАМЗН

Программа

4-й класс
учебного
Материала
27.1.1905

Чтение. Письмо. Счет.

«Во имя божье»

«Мне не надо»

«Кто не знает»

«Кто не знает»

«Кто не знает»

«Кто не знает»

«Кто не знает»

«Кто не знает»

«Кто не знает»

«Кто не знает»

«Кто не знает»

«Кто не знает»

«Кто не знает»

«Кто не знает»

«Кто не знает»

«Кто не знает»

«Кто не знает»

«Кто не знает»

«Кто не знает»

«Кто не знает»

«Кто не знает»

«Кто не знает»

Чтение. Письмо. Счет.

«Во имя божье»

«Кто не знает»

«Кто не знает»

«Кто не знает»

«Кто не знает»

«Кто не знает»

«Кто не знает»

«Кто не знает»

«Кто не знает»

«Кто не знает»

«Кто не знает»

«Кто не знает»

«Кто не знает»

«Кто не знает»

«Кто не знает»

«Кто не знает»

«Кто не знает»

«Кто не знает»

«Кто не знает»

«Кто не знает»

«Кто не знает»

«Кто не знает»

«Кто не знает»

«Кто не знает»

«Кто не знает»

«Кто не знает»

«Кто не знает»

«Кто не знает»

«Кто не знает»

«Кто не знает»

«Кто не знает»

«Кто не знает»

Урок гимнастики

Комната воспитательниц

Спальня учениц

Кабинет рисования

СВИДѢТЕЛЬСТВО.

Отъ Педагогическаго Совѣта ТВЕРСКОЙ ЗЕМСКОЙ ЖЕНСКОЙ
УЧИТЕЛЬСКОЙ ШКОЛЫ П. П. МАКСИМОВИЧА дано сіе свидѣтель-
ство воспитанницѣ *Маріи Викентьевнѣ Селивановой*
дочери *Михаила Викентьевича Селиванова*,
окончившей полный курсъ учительской школы въ томъ, что она, при
отличномъ поведеніи, оказала успѣхи:

- въ Законѣ Божіемъ *хорошіе*
- Педагогій *хорошіе*
- Русскомъ и церковно-славянскомъ языкахъ *хорошіе*
- Ариметикѣ *хорошіе*
- Геометріи *хорошіе*
- Географіи *хорошіе*
- Исторіи *хорошіе*
- Естествовѣдѣніи *хорошіе*
- Числосисаніи *хорошіе*
- Рисованіи *хорошіе*
- Практическихъ занятіяхъ *хорошіе*
- Пѣніи *хорошіе*

Въ силу статьи 19, п. 6., устава учительской школы дѣвица
Марія Викентьевна Селиванова
имѣетъ права учительницы начальнаго училища.

Г. Тверь, 1904 года *мая 22* дня.

Директоръ Каролинск. Училищъ Тверской губерніи

Начальница Школы

Законоучитель, *Селивановъ*

Преподаватели:

М. Н. П.
МОСКОВСКИЙ УЧЕБНЫЙ ОКРУГЪ
ДИРЕКТОРЪ
ТВЕРСКОГО
УЧИТЕЛЬСКАГО ИНСТИТУТА.

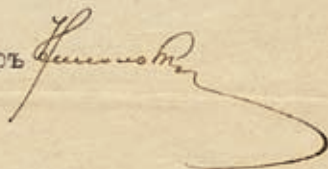
Октября 26 дня 1917 г.

№ 213
г. ТВЕРЬ.

Г. Преподавателю Тверского об-
щественнаго реального училища Л. В.
К а н д а у р о в у .

Увѣдомляю Васъ, что предложе-
ніемъ Г. Попечителя Московскаго учеб-
наго округа отъ 22 сего октября, за
№ 34337, Вы опредѣлены, согласно про-
шенію, штатнымъ преподавателемъ есте-
ствовзнанія и физики ввѣреннаго мнѣ
учительскаго института, съ 1 сентября
1917 года.

Директоръ

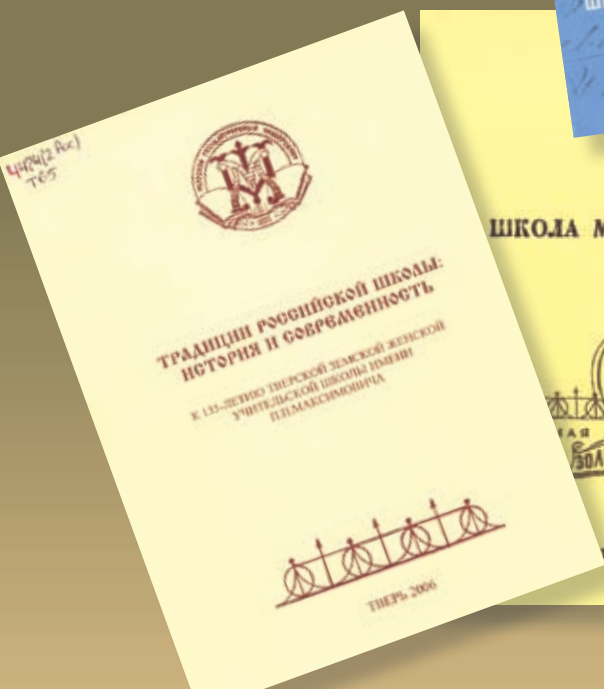

Письмоводитель

Издания
Научной библиотеки ТвГУ

которого он был, и плохо вяжется с проповедью служения народу. У Некрасова не хватало того гражданского мужества, перед которым он преклонялся. И он мучительно каялся в собственной слабости. Покаянные настроения занимают видное место в его поэзии»¹³².

Конечно, нельзя отказать Некрасову в народности, в любви к нему простого народа, о чем свидетельствуют приведенные выше источники: воспоминания, сочинения, журналы. Но нельзя и замалчивать того, что это был поэт противоречивый, негармоничный, рефлексирующий. Во всяком случае, Некрасов, вместе Тургеневым, оказал самое большое влияние на самостоятельное творчество «максимовок». Причем влияние Некрасова выразилось в использовании тем и образов его поэзии, а Тургеневу ученицы подражали в основном в жанре, создавая собственные «стихотворения в прозе». Новый жанр, введенный в русскую литературу Тургеневым, нашел горячих поклонниц и последовательниц не только в литературном кругу, но и в среде читателей-подростков начала XX в.

«ПАССИВНОЕ» ЧТЕНИЕ

Н. В. Гоголь, Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой не оказали влияния на литературное творчество школьниц: образы, темы, жанры этих писателей в рукописных журналах не встречаются. Единственный раз влияние Достоевского сказалось в очерке Е. П. Свешниковой «Из моих воспоминаний»¹³³, где поднимается тема «Бедных людей». Она же, вслед за Толстым, занималась адаптацией текстов для народного чтения и изданием «народных книг».

Н. В. Гоголь

Судя по анализу А. И. Рейтблата¹³⁴, Н. В. Гоголь занимает лидирующее положение в первых двух периодах (третье и первое место), а к третьему опускается на седьмую позицию. Связано это с тем, что годы, предшествовавшие крестьянской реформе 1861 г. и непосредственно последовавшие за ней, характеризовались общественным подъемом. Художественную литературу молодежь воспринимала как «учебник жизни» и требовала от нее ответа на вопрос «что делать?». По мнению В. П. Острогорского, художественное произведение привлекало «беспощадным сатирическим бичеванием всего того, что противоречило идее прогресса»¹³⁵. В эти годы оно воспринималось с точки зрения своей социальности и публицистичности, а его эстетической ценности уделялось мало внимания. Лидирующее положение Гоголя с его сатирой вполне закономерно. Интересно, что даже А. С. Пушкин не вошел в девятку самых популярных авторов в 1880–1881 гг.

¹³² Клевенский М. М. Поэт Н. А. Некрасов: Его жизнь и произведения. Тверь, 1919. С. 40, 35.

¹³³ См.: Свешникова Е. П. О детях и взрослых. С. 196–210.

¹³⁴ См.: Рейтблат А. И. От Бовы к Бальмонту. С. 75.

¹³⁵ Острогорский В. П. Из истории моего учительства. СПб., 1914. С. 99.

К началу XX в. Гоголь, как Пушкин и Лермонтов, воспринимался уже в качестве классика, и включение его произведений в программу средней школы не вызывало никаких возражений. Более того, произведения Гоголя, по мнению педагогов, могли являться отправной точкой для изучения современных авторов при сравнительно-историческом анализе. Так, И. Ф. Анненский при обсуждении новой школьной программы 1900 г. отмечал: «Я являюсь защитником мысли расширить наш историко-литературный курс, но стою при этом за необходимость связывать новые произведения со старыми. Гимназия может по праву ввести в свой обиход новых писателей лишь в том случае, если ей удастся показать связь их творчества с ходом нашей литературы. Об Островском следует, по-моему, говорить при разборе классической комедии Гоголя; об Обломове по поводу Тентетникова, о Калиновиче Писемского по поводу Чичикова, о первых повестях Достоевского по поводу петербургских повестей Гоголя „Шинель“ и „Записки сумасшедшего“, к которым они являются полными параллелями. И потому классное изучение произведений новейшей литературы может иметь место лишь при усилении исторического элемента в курсе нашей отечественной словесности»¹³⁶. В итоге в мужских гимназиях начала XX в. изучались «Старосветские помещики», «Тарас Бульба», «Ревизор» и «Мертвые души»¹³⁷, в женских — к этому была добавлена «Шинель»¹³⁸.

В школе Максимовича список изучаемых произведений был значительно шире и включал, помимо названных, следующие: «Вечера на хуторе близ Диканьки», «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», «Вий», «Невский проспект», «Портрет», «Записки сумасшедшего», «Женитьба», «Развязка Ревизора», «Выбранные места из переписки с друзьями». Для сравнения приведем современную школьную программу: «Заколдованное место» (5 кл.), «Портрет» (8 кл.), «Ревизор», «Шинель» (9 кл.), «Мертвые души» (10 кл.) — для общеобразовательных школ; для школ гуманитарного профиля к этому добавляются «Нос», «Выбранные места из переписки с друзьями» и «Размышления о Божественной Литургии»¹³⁹.

В 1901 г. в школе ставился спектакль «Женитьба», а в 1911 г. — «Майская ночь». Особенно широко творчество Гоголя изучается с 1906 г., когда преподавателем русского языка становится М. М. Клевенский, хотя сам он, видимо, не очень любил этого писателя. В архиве школы Максимовича хранятся рукописные тетради М. М. Клевенского с цитатами из прочитанных им произведений. Гоголь не входит в десятку наиболее часто цитируемых, во многом уступая Тургеневу, Достоевскому и Л. Толстому: Тургенев — 179 обращений, Гоголь — 27. С другой

¹³⁶ Труды высочайше учрежденной комиссии по вопросу об улучшениях в средней общеобразовательной школе. СПб., 1900. Вып. 8. С. 222.

¹³⁷ См.: Маврицкий В. Правила и программы классических гимназий и прогимназий ведомства министерства народного просвещения. С. 104.

¹³⁸ См.: Он же. Правила и программы женских учебных заведений. С. 46.

¹³⁹ В мире литературы: Программы для общеобразовательных учреждений: 5—11 (12) классы, для учебных заведений гуманитарного профиля: 10—11 (12) классы / Под ред. А. Г. Кутузова. М., 2002. С. 12, 34, 38—39, 46, 75, 96, 101, 113.

стороны, М. М. Клевенский читает Гоголя внимательно, профессионально, цитируя не столько его художественные творения, сколько публицистику (статьи из сборника «Арабески», «Приложение к „Ревизору“», черновые наброски к этой комедии, «Выбранные места из переписки с друзьями») и переписку¹⁴⁰.

Анализ хрестоматий для средних учебных заведений показал, что чаще всего в них включались отрывки из «Мертвых душ», «Тараса Бульбы», «Страшной мести», «Майской ночи» и «Старосветских помещиков». При этом из «Страшной мести» и «Майской ночи» используются знаменитые отрывки «Чуден Днепр» и «Знаете ли вы украинскую ночь» в качестве характеристики украинской природы и включаются в разделы: «По белу свету» (Вахтеров В. П., Вахтерова Э. О. Мир в рассказах для детей), «Картины русской и чужой природы» (Родная нива / Сост. М. А. Гусева), «Человек и природа», «Летний день в Малороссии» (Жизнь и слово / Сост. А. Зевич и др.), «Географические очерки и картины» (Новая хрестоматия / Под ред. В. А. Воскресенского). Из «Тараса Бульбы» используются чаще всего первая и вторая главы: отъезд Бульбы с сыновьями в Сечь, описание Сечи. Причем текст чаще всего адаптируется, из него убираются ненужные, с точки зрения методистов, фрагменты. Например, в хрестоматии Вахтеровых из первой главы убран фрагмент о жене Бульбы: «В самом деле, она была жалка, как всякая женщина того удалого времени. Она миг только жила любовью, только в первую горячку страсти, в первую горячку юности — и уже суровый прельститель ее покидал ее для сабли, для товарищей, для бражничества. Она видела мужа в год два-три дня, и потом несколько лет о нем не бывало слуху. Да и когда виделась с ним, когда они жили вместе, что за жизнь ее была? Она терпела оскорбления, даже побои; она видела из милости только оказываемые ласки, она была какое-то странное существо в этом сборище безжизненных рыцарей, на которых разгульное Запорожье набрасывало суровый колорит свой. Молодость без наслаждения мелькнула перед нею, и ее прекрасные свежие щеки и перси без лобзаний отцвели и покрылись преждевременными морщинами»¹⁴¹. Для школьников отрывок приведен как описание материнской любви, поэтому всё, что не касается этого и снижает образ женщины в глазах юного читателя, убирается.

Показательным является частое обращение к повести «Старосветские помещики», которая приводится либо полностью, либо только ее первая часть. Интересен, во-первых, сам факт включения этого произведения в обязательную программу (напомним, что в современной школе его нет), а во-вторых — характер восприятия. Красноречивы даже названия разделов, в которые включена повесть: «Из быта разных сословий и людей» (Родная нива) и «Крепостничество» (Жизнь и слово). В последнем случае после текста следует вопрос: «Возможна ли теперь для помещиков такая жизнь, при которой „ни одно желание не перелетело бы за частокол двора и за деревенские избы?“»¹⁴² А это значит, что повесть воспринималась как реалистическое изображение дореформенного уклада

¹⁴⁰ См.: Архив М.М. Клевенского НБ ТвГУ. Ед. хр. 1.

¹⁴¹ Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: [В 14 т.] М.: АН СССР, 1937. Т. 2. С. 49–50.

¹⁴² Жизнь и слово: Хрестоматия... С. 586.

помещичьей жизни. Типичность такого восприятия подтверждает критическая литература. Так, например, Н. И. Коробка в авторитетном издании «Истории русской литературы XIX века» под редакцией Д. Н. Овсянико-Куликовского отмечал, что Гоголь идеализирует патриархальные отношения знакомой ему мало-российской помещичьей жизни, которая начала разлагаться уже в 1820–1830-е гг. В героях «Старосветских помещиков» «он любит патриархальность, еще не совсем исчезнувшую из родного ему быта, но быстро в нем разлагающуюся и сменяющуюся именно мещанством. Этот процесс разложения патриархальности помещичьего и в частности мелкопоместного быта начался задолго до Гоголя, в связи с эволюцией всей жизни, но в начале 19-го в., под влиянием войн с Наполеоном и финансового напряжения страны, очень обострился и дальше шел все усиливавшимся темпом. Гоголю как раз пришлось войти в жизнь в эпоху обострения этого процесса и стать бытописателем его развития. Под влиянием перехода от натурального хозяйства к денежному патриархальность мелкопоместного быта разлагалась и сменялась мещанством. Переход от патриархальности к буржуазности лишает жизнь некоторой ее примитивной красоты: господство денег приносит с собой много некрасивого. В среде, из которой вышел Гоголь, мещанство было весьма существенным элементом, но он чувствовал большую красоту патриархальности и любил ее. Патриархальность была для него, как и для среды, из которой он вышел, дорогим заветом старины; мещанство — печальной необходимостью, средством самообороны, приспособляемости к жизни»¹⁴³. В центральной России после реформы 1861 г. процесс разложения патриархального помещичьего уклада, развитие капиталистических отношений, основанных на власти денег, пошел быстрыми темпами, поэтому то, как Гоголь описывал жизнь старосветских помещиков в 1835 г., стало актуально для российских школьников в 1900-х гг.

Подобным же образом — как реалистическая картина дореформенной России — воспринимаются и «Мертвые души». Отрывки из поэмы включаются в те же разделы, что и «Старосветские помещики», а Н. И. Коробка пишет: «Мертвые души — это картина Руси <...> распада примитивного патриархального уклада». Из помещиков чаще всего упоминается Плюшкин, может быть, потому что именно в нем «процесс распада помещичьего патриархального уклада жизни отражается <...> более чем в каком бы то ни было другом герое»¹⁴⁴. Как реалиста и бытописателя воспринимают Гоголя С. Шевырев, Н. Котляревский, В. Шенрок¹⁴⁵. Автор одного из школьных учебников М. А. Орлов пишет: «Он поэт-бытописатель; собрание его сочинений можно назвать художественной статистикой России»¹⁴⁶.

¹⁴³ Коробка Н. И. Гоголь // История русской литературы XIX в. / Под ред. Д. Н. Овсянико-Куликовского. М., 1911. Т. 2. С. 293.

¹⁴⁴ Там же. С. 312, 316.

¹⁴⁵ См.: Н. В. Гоголь: Его жизнь и сочинения: Сб. ист.-лит. ст. / Сост. В. И. Покровский. М., 1915.

¹⁴⁶ Орлов М. А. Учебник истории русской словесности по программе духовных семинарий. СПб., 1901. Ч. 2. С. 93.

Анализ физического состояния книг из коллекции школы Максимовича, которые сохранились в фонде Научной библиотеки Тверского университета, подтверждают данные проведенного анализа.

В школе были многие издания произведений Гоголя¹⁴⁷. Конечно, далеко не все многотомные собрания сочинений сохранились в полном объеме, у многих книг отсутствуют титульные листы, поэтому приходилось идентифицировать их по справочникам и электронным каталогам Российских государственной и национальной библиотек. Выходные данные одного издания, к сожалению, установить не удалось. Это Собрание сочинений. Б. м., б. г. 819 с.: ил. Из отдельных изданий дошла только очень красивая книга «Мертвые души»: по причине размера и особого оформления она, видимо, не выдавалась на дом и была на особом учете, поэтому прекрасно сохранилась, но поэтому же оказалась мало информативной в плане читательского восприятия. Зато все остальные экземпляры названных выше изданий представляют собой яркий пример высокой читательской востребованности в школьной среде: они крайне ветхие, зачитанные, содержат много карандашных подчеркиваний, помет и маргиналий.

Школа Максимовича была небогатым учебным заведением, а потому все книги переплетены в дешевые картонные переплеты, обклеенные мраморной бумагой. Когда на полках видишь книги одного автора из разных коллекций, то создается впечатление, что «максимовки» читали больше всех, поскольку книги из коллекций мужской гимназии, духовной семинарии, реального училища дошли до нас в прекрасном состоянии, в отличие от ветхих книг школы.

Подробный анализ помет в текстах может дать очень интересные результаты для характеристики их восприятия, но дело это кропотливое и пока невозможное. Наиболее читаемыми являлись «Мертвые души» и «Старосветские помещики», поскольку наиболее ветхими и содержащими большее количество помет оказались те тома, в которые они включены. Пометы в текстах пьес «Ревизор» и «Женитьба» свидетельствуют о том, что по ним ставились спектакли. Пометы в текстах второго тома «Мертвых душ», «Выбранных мест из переписки с друзьями», некоторых статей из сборника «Арабески» говорит об их серьезном изучении.

Особенно зачитанными оказались «Мертвые души». Так, в третьем томе «Полного собрания сочинений» 1884 г. утрачены листы со страницами 3–4 и 13–14, их текст переписан вручную М. И. Вышинской на 4-х тетрадных листах, которые обрезаны в размер книги и вплетены в нее. Настолько высока была потребность

¹⁴⁷ Вот их полный перечень: 1) Полное собрание сочинений: [В 4 т.] / Изд. его наследников. М., 1862; 2) Полное собрание сочинений: [В 4 т.] 5-е изд. М.: Тип. Гагена, 1884; 3) Полное собрание сочинений: [В 1 т.] / Под ред. П. В. Смирновского. М.: изд. А. С. Панафидиной, 1914; 4) Полное собрание художественных произведений / С биогр., напис. А. И. Кирпичниковым. М.: Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1914; 5) Собрание сочинений: [В 4 т.] 9-е изд. М.: Изд. кн. маг. В. Думнова под фирмой наслед бр. Салаевых, 1888; 6) Собрание сочинений / Под ред. А. Кирпичникова. М.: Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1902; 7) Сочинения: [В 7 т.] / Ред. Н. Тихонравов. 10-е изд. М.: Изд. кн. маг. Думнова под фирмою «Наследники Салаевых», 1889–1896. 7 т.; 8) Сочинения: [В 12 т.] / Ред. Н. Тихонравов. 15-е изд. СПб.: Тип. А.Ф. Маркса, 1900; 9) Сочинения: [В 10 т.] / Под ред. В. В. Каллаша. [Пг.]: Тип. акц. об-ва Брокгауз-Ефрон, [1915]; 10) Похождения Чичикова или Мертвые души: Поэма / Текст по посл. ред. Н. С. Тихонравова. СПб.: Тип. А. Ф. Маркса, 1900.

в этом произведении! На 4-м рукописном листе имеется надпись дореволюционной орфографии: «Мария Ипполитовна Вышинская», а ниже кто-то после революции подписал: «Вечная ей память! Царство небесное». В том же экземпляре на полях 9-й главы первого тома, где рассказывается, как чиновники в испуге перед приездом нового генерал-губернатора стали размышлять о личности Чичикова и его влиянии на окружающих, красивым размашистым почерком написано «Милый Николай Васильевич!» А в другом издании «Мертвых душ», в конце 11-й главы, на полях лирического отступления о писательском труде, об истинном и ложном патриотизме, находим просто крик души: «Как скучно. Всё одно и то же. Ужасно», а в самом конце тома большими буквами слово «конец». Такие разные эмоции вызывало самое читаемое в школьной среде произведение Гоголя.

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ

Популярность Ф. М. Достоевского в среде учащейся молодежи начала XX в. является общепризнанной и не требует доказательств. Имя его в качестве любимого писателя встречается в воспоминаниях, а в «рейтинге популярности» за 1900—1901 гг. Достоевский занимает второе место после Толстого. Таким образом, писатель, бывший кумиром молодежи 1880-х гг. и которого студенчество «провозглашало вслед за Владимиром Соловьевым „пророком Божиим“»¹⁴⁸, остается властителем дум и у подростков начала XX в. Но характер восприятия изменяется. В 1880-е гг. Достоевский ценится за социальную остроту произведений, среди которых публицистический «Дневник писателя» за 1880 г. «сделал его имя известным всей России, сделал его учителем и кумиром молодежи, да и не только молодежи, а всех мучимых вопросами, которые Гейне назвал проклятыми»¹⁴⁹. В начале XX в. читателя Достоевского интересует, прежде всего, психологизм, мировоззренческие и этические проблемы. Кроме того, этот читатель обращается к художественному тексту не как к назидательному учебнику, а как к собеседнику, с которым можно вести диалог и одновременно сопереживать. Достоевский, не дающий однозначных оценок своим героям, не осуждающий и не возвеличивающий их, как нельзя лучше подходил на роль такого собеседника. М. И. Грифцова писала: «Когда мне было 15—16 лет, я много читала Достоевского. А летом в деревне зачитывалась им иногда до утра <...> Трудные вопросы о жизни, душевные противоречия, которые мучают героев Достоевского, захватили и меня, тем более, что и сама я испытывала тогда какую-то смутную неудовлетворенность жизнью». О том, как Достоевский влиял на умы школьной интеллигенции, опосредованно свидетельствует автобиографический очерк начальницы школы Максимовича в 1888—1905 гг. Е. П. Свешниковой «Из моих воспоминаний», в котором явственно звучит тема маленького «бедного человека» и призыв к защите «униженных и оскорбленных».

¹⁴⁸ Ансберг О. Н. К истории восприятия творчества Ф. М. Достоевского студенческой молодежью 1880-х гг. // Книжное дело в России во второй половине XIX — начале XX века. Л., 1990. Вып. 5. С. 38.

¹⁴⁹ Цит. по: Рейтблат А. И. От Бовы к Бальмонту. С. 72.

Но педалирование темных сторон жизни вызывало неприятие юными читателями этого писателя. Педагог и психолог И. К. Егурнов писал: «Достоевский часто страшно влияет на подростков, вызывая в их душах „ужас существования“»¹⁵⁰. Один из подростков отмечал: «Из сочинений чисто художественных мне особенно нравятся те, которые возбуждают энергию, бодрость и жизнерадостность. Достоевского, при всем желании я читать не могу». Воспитанница епархиального училища: «Только Достоевский оставлял всегда тяжелое впечатление»¹⁵¹. Часто ученикам мешало именно то, что автор, ставя «проклятые вопросы», не отвечал на них с полной ясностью. Та же М. И. Грифцова писала: «...не в силах разобраться во всём, я чувствовала полную растерянность и беспомощно барахталась в „достоевщине“, не видя никакого выхода из тоски и мрака».

Произведения Достоевского не были включены в программы по словесности для женских и мужских гимназий. В докладе комиссии, которая занималась вопросами реформы средней школы и разработкой новых программ, отмечалось, что цель изучения художественной литературы — это «выработка в миросозерцании учеников положительных, светлых идеалов и развитие эстетическое»¹⁵². С этой точки зрения педагоги считали, что произведения Достоевского не способствуют формированию «положительных, светлых идеалов». Ф. Ф. Зелинский отмечал, что гимназисты в возрасте 14–15 лет еще не готовы к восприятию этого писателя. О том же писала и М. И. Грифцова: «Впоследствии мой муж Борис Александрович Грифцов говорил, что Достоевский, как и греческая трагедия, вызывая определенные трагедийные переживания, затем приносят человеку освобождение, очищение души. У меня в этот период этого не было, может быть потому, что я обратилась к Достоевскому слишком рано».

Но не все члены комиссии, которая занималась разработкой новых программ, были согласны с этим мнением. Резко отрицательно отнесся к невключению в программу произведений Достоевского И. Ф. Анненский. Он обратил внимание на то, что помимо обозначенной выше цели преподавания литературы в школе в официальном докладе приводится и способ достижения этой цели: «Согласно с нравственно-воспитательной целью, для изучения должны выбираться преимущественно произведения, отличающиеся ясным изображением положительных нравственных и национальных идеалов»¹⁵³. Он считает, что «с этой стороны пропуск имени Достоевского особенно непонятен. У кого же из наших корифеев был более определенный и глубокий национальный идеал? Между тем среди произведений, указанных в проекте, много ли мы находим таких, которые освещают положительную сторону жизни? Уж не „Обломов“ ли? Не комедии ли Островского? Не „Записки ли охотника“?»¹⁵⁴

¹⁵⁰ *Одесский И.* [Егурнов И. К.] Экскурсы в душевный мир учащихся: Психология юного читателя. С. 67.

¹⁵¹ *Бачалдин И.* Ученик-читатель. С. 132.

¹⁵² Труды высочайше учрежденной комиссии по вопросу об улучшениях в средней общеобразовательной школе. СПб., 1900. Вып. 4. 4-й паг. С. 8.

¹⁵³ Там же. С. 8.

¹⁵⁴ Там же. Вып. 8. С. 223.

Программы тех лет не являлись догмами, они имели рекомендательный характер и оставляли большие возможности для творчества педагогов, которые вводили Достоевского в круг детского чтения, тем более что, как отмечал И. Ф. Анненский, «с произведениями этого писателя дети знакомятся с первых лет своей учебной жизни. Есть два сборника, специально посвященные выборкам из сочинений Достоевского, для детского возраста (Миллера и Круглова)»¹⁵⁵. Авторская программа словесности И. Лыкова предлагала для изучения следующие произведения Достоевского: «Бедные люди», «Униженные и оскорбленные», «Записки из Мертвого дома», «Преступление и наказание», «Идиот», «Братья Карамазовы»¹⁵⁶.

Анализ источников позволяет представить степень популярности произведений Достоевского в школьной среде: «Записки из Мертвого дома» — 12 обращений, «Братья Карамазовы» — 11 обращений, «Дневник писателя» — 8 обращений, «Неточка Незванова», «Подросток» — по 3 и «Униженные и оскорбленные», «Бедные люди» — по 1 обращению. Как видим, репертуар невелик, а наиболее известное современным школьникам «Преступление и наказание» вообще не входило в круг чтения подростков начала XX в., хотя молодежь читала это произведение, о чем свидетельствуют воспоминания. Альтернативные авторские программы также его включали. Изучали «Преступление и наказание» и учащиеся Тверской мужской гимназии, и ученицы школы Максимовича, о чем свидетельствуют программы экзаменов для выпускных классов этих учебных заведений за 1909 г.¹⁵⁷ Об этом же свидетельствует и разбор «Преступления и наказания» в учебнике В. Саводника¹⁵⁸. Но это произведение, по-видимому, еще долго вызывало споры среди педагогов. Так, если в программе экзаменов по русскому языку в школе Максимовича за 1909 г. есть два вопроса по «Преступлению и наказанию», то в 1913 г. их нет¹⁵⁹.

Итак, наиболее часто используемыми в школьной практике являются «Записки из Мертвого дома», из которых в хрестоматиях приводятся практически неадаптированные отрывки из глав: «Каторжные животные» — 4 раза; «Мертвый дом» (сюжет о «дорогой копеечке»), «Первые впечатления» (образ Алея), «Представление» (описание спектакля) — по 2 раза; «Летняя пора» (влияние весеннего дня на аре-

¹⁵⁵ Там же. С. 222–223. Книги, о которых идет речь: Достоевский для детей школьного возраста / Сост. А. В. Круглов. М., 1897 (содержание: из «Дневника писателя», «Бедных людей», «Подростка», «Неточки Незвановой», «Братьев Карамазовых»); Русским детям: Из соч. Ф. М. Достоевского / Под ред. О. Миллера. СПб., 1883; содержание: Записки Вареньки («Бедные люди»); Неточка и Катя («Неточка Незванова»); Рассказ Нелли («Униженные и оскорбленные»); Летняя ночь в тюрьме («Записки из Мертвого дома»); Смерть Мармеладова («Преступление и наказание»); Мальчик у Христа на елке, Мужик Марей, Столетняя, Фома Данилов, замученный русский герой («Дневник писателя»); В барском пансионе («Подросток»); Старец и послушник, Из воспоминаний старца Зосимы, Алеша, Илюшечка, Школьники, У капитана, Коля Красоткин, Жучка, У Илюшиной постели, Доктор, Проводы («Братья Карамазовы»).

¹⁵⁶ Лыков И. К. К вопросу о преподавании новейшей русской литературы в VIII классе // Русская школа. 1905. № 1. С. 178.

¹⁵⁷ См.: ГАТО. Ф. 861. Оп. 1. Ед. хр. 1246. Л. 41 об.; Ф. 11. Оп. 1. Ед. хр. 4574. Л. 55 об.

¹⁵⁸ Саводник В. Очерки по истории русской литературы. С. 258–270.

¹⁵⁹ ГАТО. Ф. 861. Оп. 1. Ед. хр. 1122. Л. 20 об.

стантов и описание Пасхи), «Праздник Рождества Христова» (описание праздника) — по 1 разу.

Чем же привлекала методистов эта мрачная и тяжелая книга, тема которой трудно подходит для детского восприятия? Скорее всего, своей идейной направленностью, гуманизмом, умением полюбить любого человека, в том числе и каторжника, найти в нем доброе и светлое. На первый план выдвигается народность автора, его конечный вывод: «ведь этот народ необыкновенный был народ. Ведь это, может быть, и есть самый даровитый, самый сильный народ из всего народа нашего. Но погибли даром могучие силы, погибли ненормально, незаконно, безвозвратно. А кто виноват?» (4, 231)¹⁶⁰. Литературоведение XX в. делало упор на герценовский вопрос «кто виноват?» и само за Достоевского отвечало на него: крепостничество и царский режим. Так, Г. М. Фридлендер, хотя и выделяет три сквозные идеи «Записок из Мертвого дома» (многообразие народных типов, разрыв между дворянами и простым народом, народная точка зрения на каторжан как на «несчастных», которую исследователь презрительно именует «плебейским гуманизмом»), в первую очередь говорит о социальном протесте Достоевского: «Записки из Мертвого дома» — это важнейший художественный документ, где «яркими, незабываемыми чертами запечатлен ад царской каторги и всей стоящей за нею крепостнической социально-политической системы Николая I, на пышном фасаде которой красовались слова: „самодержавие“, „православие“ и „народность“»¹⁶¹. Но в книге изображены страдания не только людей из народа, но и дворян, несших равное, а в моральном отношении и более тяжелое наказание, так как они чувствовали свою постоянную отчужденность от общей каторжной массы. Кроме того, это протест не против конкретного социального устройства, а против бесчеловечного отношения к любому человеку. Ведь неслучайно Тургенев сравнивал эту книгу с «Божественной комедией» Данте, а Герцен — со «Страшным судом» Микеланджело, что выводит «Записки» на более высокий уровень. Ценность этого произведения не в публицистичности, а в обращении к вечным проблемам, решением которых занимается религия, в частности христианство. Может быть, лучше всего это выразил Л. Толстой: «...не знаю лучше книги из всей новой литературы, включая Пушкина. Не тон, а точка зрения удивительная — искренняя, естественная и христианская». А в трактате «Что такое искусство?» он отнес эту книгу к числу немногих произведений мировой литературы, являющихся образцами «высшего, вытекающего из любви к богу и ближнему, религиозного искусства»¹⁶².

Читатели 1860–1870-х гг. вычитывали из «Записок» социальный протест, о чем свидетельствуют, например, воспоминания П. Д. Боборыкина: «...публика, особенно молодежь, еще смотрела на него как на бывшего каторжника, на эксполитического преступника. „Мертвый дом“ явился небывалым документом русской каторги. А то, что в нем уже находилось мистически-благонамеренного,

¹⁶⁰ Здесь и далее тексты цитируются по изд.: Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972–1990, с указанием тома и страницы.

¹⁶¹ История русской литературы: В 4 т., Л., 1982. Т. 3. С. 714–715.

¹⁶² Цит. по: Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 3. С. 297.

еще не было всеми понято, как должно, и тогдашний Достоевский еще считался чуть не революционером»¹⁶³.

В критических же работах начала XX в., напротив того, подчеркивается отсутствие какого-либо протеста со стороны автора «Записок»: «Он (Достоевский. — Т. И.) показал это всё без злобы, без иронии, без идеализации и преувеличения»¹⁶⁴. Автор школьного учебника В. Саводник главную идею книги видит в высоком гуманизме, в нахождении «искры Божией» в любом человеке, даже преступнике, в изучении народной психологии: «Достоевского можно по справедливости назвать „великим искателем душевных кладов“, так как он умеет их находить даже там, где другие видят одну лишь грязь, злобу и ужас нравственного падения <...> Под однообразной арестантской курткой он разглядел бесконечное разнообразие человеческих типов»¹⁶⁵. Достоевский никого не обличает, он смотрит на человека с точки зрения христианства: человек создан по образу и подобию Бога. Любой человек, даже в кандалах — это человек с теологической точки зрения, а следовательно — требует к себе человеческого обращения. «Боже мой! Да человеческое обращение может очеловечить даже такого, на котором давно уже потускнел образ Божий» (4, 147).

Критики, вслед за Толстым, подчеркивают глубоко народный, основанный на православии, взгляд Достоевского на каторжан. В. Саводник пишет: «Вообще, под влиянием ближайшего знакомства с миром отверженных, у Достоевского установился относительно них такой же высоко-гуманный взгляд, который заставляет простой народ смотреть на преступления как на несчастья, а на преступников, как на „несчастных“»¹⁶⁶. Это христианская, по сути, точка зрения, которая отражена в поговорке: «От сумы да от тюрьмы не зарекайся». Каторжник — это человек, в котором его грехи заслонили образ Божий, и это — несчастье, действие сил зла, сатаны.

Таким образом, «Записки из Мертвого дома» — это отражение христианского взгляда на человека и мир в целом. Ведь неслучайно в остроге Достоевский читал только Библию и был благодарен судьбе за возможность на каторге «хорошо узнать русского человека <...> лучше понять самого себя <...> глубже понять смысл христианства». После ссылки Достоевский «еще внимательнее всматривался в людей, отверженных обществом, и старался отыскать в них ту искру Божию, о которой говорил в своих позднейших сочинениях. Вспоминая о преступниках <...> он не относился к ним с безразличностью и презрением человека, который по образованию стоял неизмеримо выше их, а старался найти какую-нибудь человеческую черту в самом ожесточенном сердце»¹⁶⁷.

Народно-христианскую позицию автора как основополагающую всего произведения выделяет и О. Миллер: «Взгляд Достоевского на преступника —

¹⁶³ Боборыкин П. Д. Воспоминания. М.; Л., 1965. Т. 1. С. 281.

¹⁶⁴ Кони А. Ф. Жизнь каторжной тюрьмы в освещении трезвой правды // Покровский В. И. Ф. М. Достоевский: Его жизнь и сочинения: Сб. ст. М., 1908. Ч. 1. С. 149–150.

¹⁶⁵ Саводник В. Очерки по истории русской литературы. С. 244–245.

¹⁶⁶ Там же. С. 243.

¹⁶⁷ Миллюков А. П. Ф. М. Достоевский // Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников. М., 1990. Т. 1. С. 239, 279.

это наш русский народный взгляд <...> взгляд этот <...> вынесен из учения, столь же хорошо известного и всему христианскому миру; взгляд этот непосредственно основывается на словах: „не судите, да не судимы будете“ — или: „кто из вас без греха, тот первый подними камень и брось в нее“ <...> некоторые стороны христианского нравственного учения запали <...> уже очень давно в глубину души нашего народа и, однажды запав, прочно пустили там корни. Вот этим-то объясняется и тот мягкий, сострадательный взгляд на преступника, который доставил ему у нас <...> несколько не оскорбительное название „несчастливого“»¹⁶⁸. Еще более акцентирует внимание на религиозной стороне произведения Вл. Соловьев, видя именно в приходе к христианству окончательно главный урок каторги для Достоевского: «Но и худшие люди простого народа обыкновенно сохраняют то, что теряют лучшие люди интеллигенции: веру в Бога и сознание своей греховности. Простые преступники, выделяясь из народной массы своими дурными делами, несколько не отделяются от них <...> в своем религиозном мирозерцании <...> Худшие люди мертвого дома возвратили Достоевскому то, что отняли у него лучшие люди интеллигенции <...> Как бы забытые Церковью, придавленные государством, эти люди верили в Церковь и не отвергали государства. И в самую тяжкую минуту за буйной и свирепой толпой каторжников встал в памяти Достоевского величавый и кроткий образ крепостного мужика Марая, с любовью ободряющего испуганного барчонка. И он почувствовал и понял, что перед этой высшей Божьей правдой всякая своя самодельная правда есть ложь, а попытка навязать эту ложь другим есть преступление»¹⁶⁹.

О распространенности в школьной среде «Записок из Мертвого дома» и сопоставимого с ними по народности «Мужика Марая» («Дневник писателя» 1876. Февраль) говорит замечание Н. Ахутина, который, обследовав несколько учительских семинарий в 1905 г., сделал вывод, что «будущие учителя зачастую выходят из семинарии, ничего не зная из Достоевского, кроме „Мужика Марая“ да „Записок мертвого дома“»¹⁷⁰.

Отрывки, которые представлены в проанализированных хрестоматиях, подтверждают этот взгляд на произведение. Глава «Каторжные животные», из которой в основном используется отрывок про орла, служит для характеристики птицы, а не человека. А вот остальные отрывки показывают светлые стороны преступников. Из главы «Первые впечатления» используется рассказ о чистом мальчике Алее, глава «Представление» показывает, как преобразуются уголовники, поставленные в иные, пусть вымышленные, условия; описание двух великих праздников — Пасхи и Рождества — выбрано из глав «Летняя пора» и «Праздник Рождества Христова». Из главы «Мертвый дом» используется рассказ о «дорогой копеечке», а христианская мораль его подчеркнута приведенной после рассказа пословицей:

¹⁶⁸ Миллер О. Общественное значение «Записок из Мертвого дома» // Покровский В. И. Ф. М. Достоевский: Его жизнь и сочинения. С. 195.

¹⁶⁹ Покровский В. И. Ф. М. Достоевский: Его жизнь и сочинения. С. 152.

¹⁷⁰ Ахутин Н. К вопросу о подготовке народных учителей. С. 134.

«Милость творить — с Богом говорить»¹⁷¹. Такое же понимание этого отрывка отражает название раздела, в который он включен: «Живи по правде». Таким образом, жить по правде — это творить добро и милосердие, что непосредственно вытекает из христианского миропонимания.

Методисты начала XX в. хорошо понимали, что ценность этого произведения не в острой социальности и публицистичности, а в постановке вечных нравственных вопросов; и именно эти стороны «Записок из Мертвого дома» должны были играть важную роль в деле воспитания подростков. Христианская точка зрения, «проведенная через всё произведение Достоевского, проступающая во всех его отношениях к тем „несчастливым“, с которыми он временно был „сравнен и даже приравнен“, и придает вечное значение книге, несмотря на всю теперешнюю архаичность представленного в ней бытового материала»¹⁷².

Почему же именно это произведение столь популярно у методистов, хотя христианская точка зрения ярче выражена, например, в «Идиоте» или «Преступлении и наказании»? Во-первых, в «Записках из Мертвого дома» христианство предстает как основа миропонимания и нравственных законов простого народа, а демократизация общества, вовлечение в образовательные структуры крестьянских масс ставили перед методистами задачу подбора такого текстового материала для хрестоматий, который был бы близок и понятен самым бедным крестьянам. А во-вторых, может быть, прав А. Кирпичников, говоря: «„Записки из Мертвого дома“ — наиболее художественное, единственное безусловно-художественное произведение Достоевского, так как в них великая идея и прекрасная форма вполне уравновешены между собою. Во всех его последующих произведениях идея как будто подавляет самого автора и берет над формою верх»¹⁷³. По мнению Ю. Айхенвальда, это — «самое спокойное, самое здоровое и мягкое произведение Достоевского»¹⁷⁴. Ту же мысль высказывает и А. М. Скабичевский: «Здесь не найдете вы такого, чем отличаются не всегда выгодно для себя прочие произведения Достоевского: ни запутанного, сложного и искусственно придуманного сюжета, ни преобладания психиатрического анализа, доходящего до крайнего терзания нервов читателей, ни излишней растянутости и неуклюжести»¹⁷⁵. Преобладание умозрительного построения мешало эстетическому удовольствию от чтения Достоевского. М. И. Грифцова поняла это с помощью книги В. В. Вересаева «Живая жизнь»: «Из моей душевной смуты тогда помог мне выбраться В. В. Вересаев своей книгой „Живая жизнь“ <...> У героев Достоевского, тоскующих от мировой дисгармонии, в глубине души теплится надежда, что в мире ужаса и скорби есть „живая жизнь“, светлая, радостная, знающая свои пути. Но ни сам Достоевский, ни герои его не могут найти эту живую, про-

¹⁷¹ Тулупов Н. Новая школа. С. 57.

¹⁷² Батюшков Ф. Д. Ф. М. Достоевский // История русской литературы XIX века / Под ред. Д. Н. Овсяннико-Куликовского. М., 1910. Т. 4. С. 301.

¹⁷³ Кирпичников А. Ф. М. Достоевский // Энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1893. Т. 11. С. 75.

¹⁷⁴ Айхенвальд Ю. Силуэты русских писателей. С. 244.

¹⁷⁵ Скабичевский А. М. История новейшей русской литературы (1848–1890). С. 199.

стую жизнь, к которой так рвутся. Не могут, потому, что ее нельзя найти разумом, путем логической мысли.

Находит ее та сила, которая идет у человека рядом с его разумом, но познает жизнь иначе — не анализом и логическими рассуждениями, а интуицией. Эта сила утеряна героями Достоевского, но в полной мере есть у героев Толстого, сохранивших непосредственность, воспринимающих жизнь без отвлеченной умственной рефлексии, чутьем».

Другое произведение, часто употребляемое методистами для детского чтения, — это «Дневник писателя», из которого один раз берется рассказ «Мужик Марей», тематически и идейно связанный с «Записками из Мертвого дома», и семь раз — «святочный рассказ» «Мальчик у Христа на елке». Знаменательно, что методисты включают в круг чтения именно те рассказы из «Дневника писателя», которые, по свидетельству А. Г. Достоевской, сам автор больше всего ценил¹⁷⁶. Во всех хрестоматиях текст рассказа «Мальчик у Христа на елке» приводится без авторского вступления и концовки, что делает его самостоятельным художественным произведением. Составители всех пособий убирают из текста строки о детях: «но одни замерзли еще в своих корзинах, в которых их подкинули на лестницы к дверям петербургских чиновников, другие задохлись у чухонки, от воспитательного дома на прокормлении, третьи умерли у иссохшей груди своих матерей (во время самарского голода), четвертые задохлись в вагонах третьего класса от смраду...» (22, 16—17). Строки, превращающие святочный рассказ в острую публицистику, имеющую узнаваемый петербургский колорит, убраны. Тем самым, тема одинокого и обиженного ребенка приобретает философское осмысление, символизируя незаслуженное страдание безвинного ребенка на земле и воздаяние за это на небе.

Большая часть всех остальных отрывков из «Братьев Карамазовых», «Неточки Незвановой», «Подростка», «Униженных и оскорбленных» характеризует Достоевского как психолога и служит в качестве примера различных психологических типов детей или психологических состояний. Так, в «психологической» хрестоматии Л. и О. Рудевичей «Детская душа» использовано 8 отрывков из «Братьев Карамазовых» при общем количестве обращений к этому произведению 11, 2 отрывка из «Неточки Незвановой» (общее количество обращений — 3). Наиболее часто встречаются эпизоды с Колей Красоткиным (главы «Коля Красоткин», «У Илюшиной постельки», «Жучка», «Раннее развитие»). Причем Коля однозначно отнесен авторами хрестоматий к «светлым натурам». Алеша Карамазов характеризует его как «прелестную натуру, но извращенную» (14, 503). «Извращения» Коли (самолюбие, эгоизм, мстительность) при адаптации текста сводятся до минимума, и на передний план выводятся «прелести» (ум, жажда нового знания, смелость, непосредственность, доброта, душевность). Методисты чаще всего используют эпизод у Илюшиной постели, когда Коля приводит к умирающему мальчику его любимую потерянную собаку Жучку. Этот эпизод должен показать читателям Красоткина как хорошего друга, что подтверждает название раздела, в который помещен этот отрывок: «Дружба между детьми». Но в хрестоматии «Жизнь и слово» замечание

¹⁷⁶ См.: Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 22. С. 324.

Достоевского о поступке Коли: «И если бы только знал не подозревавший ничего Красоткин, как мучительно и убийственно могла влиять такая минута на здоровье больного мальчика, то ни за что бы не решился выкинуть такую штуку, какую выкинул» (14, 491) и реплика Алеши: «И неужели, неужели вы из-за того только, чтоб обучить собаку, всё время не приходили!» (14, 492) убраны из текста, а ведь именно они характеризуют поступок Коли как неоднозначный. Это не просто порыв благородного сердца, это еще и огромная гордыня, самолюбование и необдуманность.

Но в основном образ Коли используется во всей полноте как наиболее сложный психологический тип ребенка, в котором наряду с положительными качествами много и отрицательных. Об этом пишет «максимовка» Суворова в сочинении «Дети по произведениям Достоевского»¹⁷⁷, а хрестоматия Л. и О. Рудевичей приводит тексты, характеризующие этот образ, без той адаптации, о которой говорилось выше. Так же трактует образ Красоткина и Р. А. Янтарева-Виленкина, которая видит причину уродливых искажений характера мальчика в особенностях русской школьной системы. «Неурядица школьной жизни — один из злободневнейших вопросов нашего времени. Среди всех чудовищ, врагов юного человеческого рода, в первую голову идет школа <...> Она не дает пищи ни уму, ни сердцу юноши; вместо знания ему преподносятся лишь жалкие суррогаты, вместо истины — ложные теории и построения, которые не уясняют, а лишь затемняют для него смысл жизни и его собственное назначение в ней»¹⁷⁸. Она же относит Колю к типам детей-феноменов, по своим интеллектуальным способностям отличающихся от основной массы.

Так же, как образ Коли, воспринимается и образ княжны Кати из «Неточки Незвановой». Коля вылечивается от непомерного самолюбия при помощи Алеши Карамазова, Кате же в этом помогает Неточка Незванова. «От природы Катя обладала большими способностями, быстро соображала и понимала, но гордость и детский эгоизм, отчасти унаследованный от матери, отчасти развившийся от неумеренных похвал, создавали ей большие затруднения <...> В лице Неточки она сначала хотела найти не друга, а просто живую игрушку, которая бы удовлетворяла ее различным прихотям, но вышло иное. В ней, благодаря благотворному влиянию Неточки, произошел нравственный переворот в лучшую сторону. Детский эгоизм и болезненное самолюбие были побеждены»¹⁷⁹. К разряду «нервных» детей, у которых чистая прекрасная душа исковеркана уродливым воспитанием, относит Катю Янтарева-Виленкина.

Как самый светлый образ традиционно воспринимается Алеша Карамазов. Это — «глубоко-нравственная натура, проникнутая возвышенными христианскими чувствами без всякой тени фанатизма»¹⁸⁰. Но количество обращений к этому персонажу значительно меньше, чем к образу Коли Красоткина. В хрестоматии

¹⁷⁷ Тетрадь сочинений воспитанниц // Архив ШИМ НБ ТвГУ. Ед. хр. 1. Л. 218.

¹⁷⁸ Янтарева-Виленкина Р. А. Детские типы в произведениях Достоевского. СПб., 1907. С. 71–72.

¹⁷⁹ Тетрадь сочинений воспитанниц // Архив ШИМ НБ ТвГУ. Д. 1. Л. 224–224 об.

¹⁸⁰ Рудевич Л., Рудевич О. Детская душа. С. 195.

Рудевичей имеется лишь один отрывок из главы «Третий сын Алеша», характеризующий героя. В Красоткине, видимо, привлекала психологическая сложность, многомерность, неоднозначность, в отличие от безусловно положительного Алеши.

«Одинокие и обиженные» дети представлены образами Илюши Снегирева (отрывки из глав «И на чистом воздухе», «У Илюшиной постельки»), Неточки («Неточка Незванова») и Нелли («Униженные и оскорбленные»). К этой же теме примыкает используемый методистами рассказ Вари из романа «Бедные люди»

Итак, детские образы воспринимаются как иллюстрации различных психологических типов. Характеристикой определенного психологического состояния является отрывок из романа «Подросток» «В барском пансионе», который используют авторы трех хрестоматий. При адаптации его на первый план выносятся состояние и поведение Аркадия, который сначала выказывает непомерную гордость и спесь, стесняясь своей бедной матери и ее жалкого подаяния, а затем испытывает стыд и раскаяние.

Еще два отрывка из «Братьев Карамазовых» опять представляют Достоевского как писателя религиозного. Это глава «Верующие бабы» и «Из жития, в Бозе преставившегося иеросхимонаха старца Зосимы, составлено с собственных слов его Алексеем Федоровичем Карамазовым. Сведения биографические». Отрывок из второй главы иллюстрирует «первое религиозное чувство», влияние книг Священного Завета и церковной службы на сознание ребенка и сохранение этого эмоционального состояния на всю жизнь. Интересно, что библейский рассказ об Иове, имеющийся у Достоевского, в хрестоматии опущен. С одной стороны, он, по-видимому, был хорошо известен ученикам начала XX в., а с другой — методистам важнее было привести не содержание этого рассказа, а показать его воздействие на ребенка, как при помощи Библии и звучащего в Церкви слова развивается религиозное чувство.

О романе «Преступление и наказание» мы можем сделать некоторые выводы, исходя из статьи о нем в школьном учебнике В. Саводника, который кратко пересказывает содержание романа, подчеркивая соединение в нем психологизма и философии. Главной он называет мысль об искупительной силе человеческого страдания: «„Страдание — великое дело“, — говорит Порфирий в „Преступлении и наказании“, и эта мысль является вместе с тем излюбленной мыслью самого автора: только путем страдания человек очищается от всякой скверны, от всякого преступления; страдание является в глазах Достоевского залогом спасения даже для самого закоснелого злодея: оно — привилегия человека, отличающая его от животного; эту возможность сознательного страдания Достоевский и старается показать во всех выведенных им лицах, потому что в ней он видит проблеск лучших стремлений человеческой души, искру искупительного огня»¹⁸¹.

Учение о спасительности страдания для человеческой души является одним из основных в христианстве, значит, Достоевский воспринимается прежде всего как писатель религиозный¹⁸². Даже психологизм Достоевского рассматривается с точки зрения христианства. Итак, в школьной среде Достоевский бытовал

¹⁸¹ Саводник В. Очерки по истории русской литературы. С. 259.

¹⁸² См.: О Достоевском: Творчество Достоевского в русской мысли 1881–1931 годов: сб. ст. М., 1990.

главным образом как писатель христианский и тонкий психолог, знаток детских типов, их психологических состояний и поведения. В программе И. Лыскова творчество Достоевского предлагалось изучать так: «Ф. М. Достоевский: его биография. Особенности таланта. Достоевский — художник и мыслитель. Достоевский — представитель религиозного искусства. Связь между религией и нравственностью по произведениям Достоевского. Невозможность заменить религиозную мораль какой-либо другой. Психологический элемент в произведениях. Неправдоподобность изображения внешней стороны жизни. Типы Достоевского. Сознание ими своей греховности. Детские типы и детская жизнь»¹⁸³.

Л. Н. Толстой

Л. Н. Толстой в начале XX в. был самым читаемым автором в среде профессиональных читателей, которая во многом совпадала со средой передовых учащихся¹⁸⁴. По результатам опроса 142 гимназистов старших классов, на втором месте по популярности после И. С. Тургенева стоит Л. Н. Толстой. Из любимых книг наиболее часто называются «Анна Каренина» и «Война и мир», причем Толстого больше любят гимназистки, нежели гимназисты¹⁸⁵. По сравнению с 1880-ми гг. в начале XX в. популярность Толстого «не только не уменьшилась <...> а, наоборот, возросла, благодаря его продолжающейся литературной деятельности»¹⁸⁶. Если в 1880—1881 гг. его имя стояло четвертым в ряду наиболее читаемых авторов, то в 1900—1901 гг. оно вышло на первое место¹⁸⁷.

Уже в 1859 г. несколько глав из «Детства» Л. Н. Толстого были включены в «Сборник избранных мест из произведений современных писателей» вместе с «Бежиным лугом» И. С. Тургенева, отрывками из «Фрегата „Паллада“» И. А. Гончарова и повести «Антон-горемыка» Д. В. Григоровича. Н. А. Добролюбов в рецензии на «Сборник» писал, что «дети будут очень благодарны редакции „Подснежника“ за выбор четырех названных <...> произведений для „Сборника“»¹⁸⁸. Однако Министерство народного просвещения ввело Толстого в круг школьного чтения только в 1900 г., что встретило возражения профессиональных учителей. Директор императорской Царскосельской гимназии И. Ф. Анненский и ординарный профессор Петербургского университета Ф. Ф. Зелинский считали, что «Война и мир» не имеет более или менее устойчивой оценки в критической литературе, поэтому «иная статья, случайно прочтенная учеником, может уронить в глазах учащихся авторитет учителя»¹⁸⁹. Некоторые члены комиссии по обсуждению новой программы

¹⁸³ Лысков И. К вопросу о преподавании новейшей русской литературы в VIII классе. С. 178.

¹⁸⁴ См.: Бачалдин И. Ученик-читатель. С. 110—134.

¹⁸⁵ Ананьин С. А. Детские идеалы // Русская школа. 1911. № 7/8. С. 210—219.

¹⁸⁶ Роков Г. Параллели: (Из прошлого и настоящего учащейся молодежи). С. 173.

¹⁸⁷ Рейтблат А. И. От Бовы к Бальмонту. С. 75.

¹⁸⁸ Добролюбов Н. А. Полн. собр. соч.: В 6 т. М., 1936. Т. 3. С. 500.

¹⁸⁹ Труды высочайше учрежденной комиссии по вопросу об улучшениях в средней общеобразовательной школе. Вып. 1. Журналы комиссии. СПб., 1900. С. 330.

предлагали изучать «Войну и мир» только как историческое произведение, то есть как иллюстрацию к войне с Наполеоном. Консервативные методисты не включали Толстого в курс новейшей русской литературы, но другие учителя проводили уроки по его произведениям. Так, учитель 4-й Московской гимназии И. Гаярин еще в 1857 г. на уроках словесности читал и разбирал «Детство» и «Отрочество» Толстого¹⁹⁰. Сразу же после публикации «Войны и мира» появился методический труд Е. Лескина¹⁹¹. А. Незеленов и В. Острогорский считали, что без Толстого не может обойтись русская школа¹⁹². Известный методист Ц. Балталон разработал систему бесед по произведениям Толстого¹⁹³. В 1860–1890-е гг. методисты чаще всего использовали для разбора на уроках «Детство», «Отрочество», «Юность», «Утро помещика», «Севастопольские рассказы», «Три смерти», рассказ «Поликушка», «Семейное счастье», роман «Война и мир», народные рассказы¹⁹⁴.

В принятую комиссией программу в качестве обязательных для изучения в последнем (8-м) классе мужской гимназии вошли следующие произведения Толстого: «Севастопольские рассказы», «Детство», «Отрочество», «Война и мир»¹⁹⁵. В программу женских гимназий еще раньше, чем в программу мужских, было внесено «Детство», «Отрочество», «Война и мир»¹⁹⁶. «Севастопольские рассказы» исключались из женского чтения. В современной школьной программе также отсутствует это произведение¹⁹⁷. В школе Максимовича, помимо программных произведений, читались «Три смерти» и «Анна Каренина». По поводу изучения «Анны Карениной» в школе также возникали большие споры, многие педагоги опасались за нравственность воспитанников. И хотя Министерство народного просвещения разрешало ученикам читать это произведение, «домашняя цензура во многих учебных заведениях вычеркивала „Анну Каренину“»¹⁹⁸.

Можно составить следующий «рейтинг» произведений Толстого в юношеской аудитории: «Война и мир» — 54 обращения, «Детство» — 38, «Отрочество» — 14, «Вторая русская книга для чтения» — 10, «Четвертая русская книга для чтения» — 8, «Третья русская книга для чтения», «Севастопольские рассказы» — по 7,

¹⁹⁰ Тиховодов А. А. Творчество Л. Н. Толстого в дореволюционной русской школе // Толстовский сборник. Тула, 1962. С. 211, 209.

¹⁹¹ Лескин Е. Разбор и извлечения из романа гр. Л. Н. Толстого «Война и мир». М., 1870.

¹⁹² См.: Незеленов А. О преподавании русской словесности. М., 1880; Острогорский В. Русские писатели как воспитательно-образовательный материал для занятий с детьми. М., 1891. С. 270–304.

¹⁹³ Балталон Ц. Пособие для литературных бесед и письменных работ. М., 1891.

¹⁹⁴ Тиховодов А. А. Творчество Л. Н. Толстого в дореволюционной русской школе. С. 213.

¹⁹⁵ Труды высочайше учрежденной комиссии по вопросу об улучшениях в средней общеобразовательной школе. Вып. 4. Труды подкомиссий. СПб., 1900. 4-й паг. С. 10.

¹⁹⁶ Маврицкий В. Правила и программы женских учебных заведений. С. 46.

¹⁹⁷ См.: Программы общеобразовательных учреждений: Литература. 5–11 классы. М., 1995; В мире литературы: Программы для общеобразовательных учреждений: 5–11 (12) классы / Под ред. А. Г. Кутузова. М., 2002.

¹⁹⁸ Ахутин Н. К вопросу о подготовке народных учителей // Русская школа. 1905. № 1. С. 133–134.

«Анна Каренина» — 5, «Первая русская книга для чтения», «Воскресенье» — по 3, «Казак», «Люцерн», «Три смерти», «Новая азбука» — по 2, «Хозяин и работник», «Юность», «Семейное счастье» — по 1.

Итак, наиболее распространена «Война и мир». Это вполне соответствует школьной программе и объему произведения, ведь из большого текста можно выбрать большее количество отрывков для чтения, чем из маленького. Из 9 проанализированных хрестоматий отрывки из «Войны и мира» имеются в семи. Отсутствие именно этого произведения Толстого, при наличии других, в хрестоматиях Н. Тулупова и В. Попова вызвано, по всей видимости, теми же причинами, что и возражения некоторых педагогов против включения «Войны и мира» в круг детского чтения. Наиболее активно используют это произведение авторы хрестоматий «Из родной литературы» (М., 1912), публикуя в ней 35 сокращенных отрывков романа, в остальных учебных книгах — по два или три отрывка. Из произведения берутся, прежде всего, описания дворянских семей Ростовых и Болконских, Пьера Безухова и Ростопчина, высшего военного начальства. Вторая тема — народ как основная сила в этой войне и в истории. Главы о Кутузове показывают народный характер его деятельности, в отличие, например, от Бенигсена. Особенно выделяется в Кутузове его религиозность, отсутствие личной воли, умение подчиняться некоей высшей силе, предопределяющей действия человека на земле: «Он понимает, что есть что-то сильнее и значительнее его воли, это — неизбежный ход событий, и он умеет видеть их, умеет понимать их значение, и в виду этого значения умеет отречься от участия в этих событиях, от своей личной воли» (6, 182)¹⁹⁹. Религиозность Кутузова представлена у Толстого не столько как внутреннее чувство, сколько как выполнение церковных обрядов, что очень характерно для простого человека. Близость Кутузова к солдатам, его народность, выразившаяся, например, в единении при совершении молебна перед Смоленской иконой Божией Матери накануне Бородинского сражения, усилена тем, что солдаты не обратили внимания на подошедшего главнокомандующего и «не глядя на него продолжали молиться» (6, 204). Соседство в хрестоматии глав о Кутузове и Платоне Каратаеве подчеркивает их общность: подчинение Богу, отсутствие индивидуальной воли. Жизнь Платона Каратаева, «как он сам смотрел на нее, не имела смысла как отдельная жизнь. Она имела смысл только как частица целого, которое он постоянно чувствовал» (7, 56). Еще более резко подчеркивается религиозность Кутузова как смирение перед волей Бога на фоне индивидуализма Наполеона, для которого существует только воля игрока, собственными действиями определяющего жизнь свою и своих подчиненных.

Авторы хрестоматий дают возможность читателю сравнить дворянскую и народную среду, поведение их представителей в годы войны. С одной стороны, нелепые афиши Ростопчина, раздача бисквитов, смешные штрафы за французские слова, амбициозность военного начальства, а с другой — патриотизм Тушина, Тихона

¹⁹⁹ Здесь и далее «Война и мир» и «Книги для чтения» цит. по: Толстой Л. Н. Собр. соч.: В 22 т. М., 1978–1985, остальные тексты по: Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. М.; Л., 1928–1959 — с указанием тома и страницы.

Щербатого, Платона Каратаева. Более велик простой народ, а степень нравственности дворянства определяется его близостью к народу. Отсюда включение в книги для чтения сцен охоты, пребывания Наташи у дядюшки, русской пляски. Из эпилога используется линия Николая, сумевшего организовать жизнь крестьян, ставшего настоящим народным хозяином.

Итак, методисты начала XX в. выделили в романе народную линию, показав простого человека носителем лучших качеств русского народа. Основа нравственности народа — его религиозность, чувство зависимости от высшей силы, умение смиряться перед ней, жить по евангельским законам. В. Саводник большую часть анализа «Войны и мира» посвящает именно этой проблеме: «нравственное превосходство народных типов, как их изображает Толстой, основано главным образом на бессознательном подчинении чему-то высшему, какой-то высшей воле, объединяющей народ в одно гигантское целое». Трагедия князя Андрея — это трагедия индивидуализма, «трагедия личности в ее роковой обособленности». Разрешить ее можно только «подчинив свою личность какому-нибудь высшему началу, устанавливающему связь между отдельным человеком и окружающим его миром, проникшись духом бескорыстной любви <...> ко всему Божьему миру». Только к концу жизни князь Андрей понимает это и обращается к Евангелию. Пьер сумел при жизни разрешить эту трагедию, через сближение с Платоном Каратаевым придя к Богу. «Главная идея „Войны и мира“ — идея философско-религиозная. Она заключается в признании полного подчинения человека <...> Провидению <...> определяющему все его жизненные отношения <...> Благо человека заключается в сознательном или бессознательном подчинении этому высшему руководящему началу, в отказе от собственной воли, в смирении перед неисповедимыми путями Промысла». К таким выводам приходит Пьер: «Прежде разрушавший все его умственные постройки страшный вопрос: зачем? теперь для него не существовал. Теперь на этот вопрос — зачем? в душе его всегда готов был простой ответ: затем, что есть Бог, тот Бог, без воли которого не спадет волос с головы человека» (7, 218). Фатализм, который, по мнению В. Саводника, лежит в основе философии истории Толстого, «носит религиозно-нравственную окраску и тесно связан с идеей Провидения»²⁰⁰.

Здесь мы сталкиваемся с вопросом о религиозной концепции «Войны и мира». Одни пытаются решить его, оперируя термином *фатализм* (А. Скабичевский, Р. Иванов-Разумник, С. Цабель²⁰¹), другие говорят о религиозности безотносительно к какой-то отдельной религии (Е. Соловьев (Андреевич), Ю. Айхенвальд²⁰²), наконец третьи пишут о христианстве и язычестве Толстого (Т. Полнер,

²⁰⁰ Саводник В. Очерки по истории русской литературы. С. 205, 217, 237, 243.

²⁰¹ Скабичевский А. История новейшей русской литературы (1848–1890); Иванов-Разумник Р. В. Лев Николаевич Толстой // История русской литературы XIX века / Под ред. Д. Н. Овсяннико-Куликовского. М., 1910. Т. 5. С. 327–401; Цабель С. А. Общее содержание и построение «Войны и мира» // Покровский В. Л. Н. Толстой: Его жизнь и сочинения: Сб. ист.-лит. ст. М., 1908. С. 119–121.

²⁰² Соловьев (Андреевич) Е. Л. Н. Толстой // Соловьев (Андреевич) Е. Очерки истории русской литературы XIX века. СПб., 1902. С. 455–477; Айхенвальд Ю. Лев Толстой // Айхенвальд Ю. Силуэты русских писателей. М., 1994. С. 217–241.

Д. Мережковский²⁰³). Интерес к этой стороне творчества существовал не только у критиков, но и у гимназистов, что подтверждается данными социологических опросов тех лет. Ученики выделяют среди любимых те отрывки художественных произведений, «в которых говорится о Боге, душе, призвании человека, о свободе, о смерти и бессмертии»²⁰⁴. В «Войне и мире» — это смерть князя Андрея, его размышления накануне Бородинского боя и др.

Неразрывно с этой проблемой стоит и философия человека в романе. Большинство исследователей отмечают, что идеал Толстого — это «смирный человек», повторяя давнюю концепцию Н. Н. Страхова. В этом смирении Н. Н. Страхов видит национальную черту русского народа: «Как нельзя отрицать, что Россия победила Наполеона не деятельным, а смирным героизмом, так вообще нельзя отрицать, что простота, добро и правда составляют высший идеал русского народа, которому должен подчиняться идеал сильных страстей и исключительно сильных личностей»²⁰⁵. О том, что эта сторона романа особенно привлекала юношество, свидетельствуют воспоминания М. И. Грифцовой, которую привлекает мир «героев Толстого, сохранивших непосредственность, воспринимающих жизнь без отвлеченной умственной рефлексии, чутьем. Эта „живая жизнь“ особенно полно и ярко выражена в Наташе Ростовской». Мемуаристка подчеркивает в философии Толстого принижение роли разума в жизни человека: приоритет отдается некоей интуиции, которая и делает жизнь человека «живой» и осмысленной. Такое восприятие было типично для педагогических работ: «Во всех своих произведениях Толстой относится в высшей степени отрицательно к человеческому разуму: наш разум — это „плут и мошенник“, роль которого в деле познания высшей правды, добра, красоты — не созидательная, а чисто разрушительная; познать истину мы можем только интуитивным путем — непосредственным сознанием, а потому убедиться в ней лучше всего можно лишь непосредственным переживанием, — это основные, самые любимые идеи Толстого, к ним он постоянно возвращается»²⁰⁶.

Второе произведение Толстого, наиболее часто включаемое в детское чтение, — это «Детство», из 28 глав которого в хрестоматиях и книгах для чтения используются отрывки из 19: «Детство» — 7 раз, «Учитель Карл Иванович» — 5, «Разлука» — 4, «Маман», «Ивины» — по 3, «Гриша», «Что ожидало нас в деревне» — по 2, «Папа», «Классы», «Юродивый», «Приготовление к охоте», «Что-то вроде первой любви», «Занятия в кабинете и гостиной», «Княгиня Корнакова», «Собираются гости», «После мазурки», «В постели», «Горе», «Последние грустные воспоминания» — по 1. Мы видим, что самой любимой у методистов была глава

²⁰³ Полнер Т. «Война и мир» Л. Н. Толстого // «Война и мир»: Сб. / Под ред. В. П. Обнинского и Т. И. Полнера. М., 1912. С. 40–99; Мережковский Д. С. Л. Толстой и Достоевский // Мережковский Д. С. Л. Толстой и Достоевский: Вечные спутники. М., 1995. С. 156.

²⁰⁴ Одесский И. [Егурнов И. К.] Экскурсы в душевный мир учащихся: Психология юного читателя. С. 50.

²⁰⁵ Страхов Н. Н. Смысл произведения Толстого «Война и мир» // Покровский В. Л. Н. Толстой: Его жизнь и сочинения. С. 158.

²⁰⁶ Годнев Д. Педагогические воззрения графа Л. Н. Толстого // Русская школа. 1907. № 1. С. 22.

«Детство», очевидно потому, что именно она отражает в краткой форме основную идею повести — передать «всю прелесть и поэзию детства»²⁰⁷. Характерно, что из этой главы опускаются строки, характеризующие взгляд взрослого человека на детские чувства: «Вернутся ли когда-нибудь та свежесть, беззаботность, потребность любви и сила веры, которыми обладаешь в детстве? Какое время может быть лучше того, когда две лучшие добродетели — невинная веселость и беспредельная потребность любви были единственными побуждениями в жизни?»

Где те горячие молитвы? где лучший дар — те чистые слезы умиления? Прилетал Ангел-утешитель, с улыбкой утирал слезы эти и навевал сладкие грезы неиспорченному детскому воображению.

Неужели жизнь оставила такие тяжёлые следы в моем сердце, что навеки отошли от меня слезы и восторги эти? Неужели остались одни воспоминания?» (1, 90).

Для методистов важнее было дать читателю-подростку художественное описание внутренних переживаний такого же подростка, а не взрослого человека. Точно так же поступают авторы учебных пособий во всех случаях, когда в тексте совмещается описание поступков и чувств ребенка и оценка этих же поступков и чувств взрослым. Так, в главе «Ивины» опущена заключительная часть, в которой уже взрослый герой раскаивается в жестокости десятилетнего Николеньки: «Я решительно не могу объяснить себе жестокости своего поступка. Как я не подошел к нему (Иленьке Грапу. — Т. И.), не защитил и не утешил его? Куда девалось чувство сострадания, заставлявшее меня, бывало, плакать навзрыд при виде выброшенного из гнезда галчонка, которого несут, чтобы кинуть за забор, или курицы, которую несет поваренок для супа?»

Неужели это прекрасное чувство было заглушено во мне любовью к Сереже и желанием казаться перед ним таким же молодцом, как и он сам? Незавидные же были эти любовь и желание казаться молодцом! Они произвели единственные темные пятна на страницах моих детских впечатлений» (1, 62–63).

Все критики и методисты начала XX в. толковали «Детство», «Отрочество» и «Юность» как художественную автобиографию самого Толстого, где в основе всех образов (за исключением матери Николеньки) лежали подлинные родные и знакомые автора. «Весьма характерным для всего творчества Толстого является то обстоятельство, что литературная деятельность его началась именно с произведения, имеющего несомненное автобиографическое значение. Такое начало ясно указывает на преобладание субъективных элементов в его творчестве, на особенный интерес его к собственной личности и её внутренним переживаниям. Этот субъективный элемент <...> составляет <...> принадлежность всех его произведений»²⁰⁸. Но это была биография не внешней, а внутренней жизни Толстого: «Перед нами проходит всё развитие души Л. Толстого». Особо отмечалось то, что канва внешних событий жизни Николеньки и автора совпадают далеко не всегда: «внешняя история этого „Детства“ была в некоторых частях не история маленького Лёвы,

²⁰⁷ Булгаков В. Л. Н. Толстой в последний год его жизни. М., 1960. С. 162.

²⁰⁸ Саводник В. Очерки по истории русской литературы. С. 172–173.

но внутренние переживания детской души были от первого до последнего слова автобиографичны»²⁰⁹. Как духовную автобиографию воспринимали трилогию и читатели-подростки. Так, ученица М. Смирнова начинает свое сочинение на тему «Дети по произведениям Толстого „Детство“ и „Отрочество“, „Война и мир“» словами: «„Детство и Отрочество“ — это художественная автобиография, в которой Толстой раскрывает душу ребенка — себя»²¹⁰.

Главная ценность трилогии для критиков и читателей-подростков начала XX в. заключается «в психологическом анализе детской души»²¹¹. Здесь мы опять сталкиваемся с отношением к художественной литературе как к учебнику по психологии. Именно с таких позиций подходит к «Детству» известный педагог А. Н. Острогорский. Считая Толстого и Достоевского первыми среди писателей, кто посвятил свое творчество описанию детской души, он с детальной точностью разбирает психологию развития Николеньки, его чувств, впечатлений, представлений в работе «Педагогические экскурсии в область литературы» (М., 1897). Такой же подход демонстрирует хрестоматия для будущих учителей «Детская душа» (1907), в которой отрывки распределены по тематическим группам, отражающим различные чувства человека: «Любовь к родным и близким лицам» (сюда отнесены отрывки из глав: «Учитель Карл Иванович», «Детство», «Горе»), «Детская любовь» («Что-то вроде первой любви», «Собираются гости», «После мазурки», «В постели»), «Дружба между детьми» («Ивины») и «Религиозное чувство» («Гриша»). Такое восприятие отражается и в сочинении ученицы школы Максимовича, которая пишет: «Более ценного источника для знакомства с детским внутренним миром не найдешь <...> В детстве и отрочестве как бы намечается схема, план будущего развития человека, окончательную шлифовку он получает в юношестве»²¹².

Из всех чувств десятилетнего ребенка наиболее сильными, преобладающими над другими Толстой называл два: «Чувство любви к богу и к ближним»²¹³. Среди «ближних» самым дорогим для ребенка является мать, поэтому главнейшие чувства — любовь к Богу и к матери, а потом и ко всем близким людям. Причем, по мнению ученицы-«максимовки», эти два чувства неразрывно связаны между собой, так как любовь к Богу воспитывает в ребенке именно мать, то есть от любви к матери человек приходит к вере. «Мать Николеньки заронила в сыне искру горячей живой веры в Бога, которая была сильна в нем во всё продолжение детства; она научила его любить Бога, она развила в нем хорошие стороны его души — любовь и сострадание ко всем несчастным и одинокими <...> Таково значение матери

²⁰⁹ Иванов-Разумник Р. В. Лев Николаевич Толстой. С. 330. Ср.: Житецкий И. «Детство, Отрочество и Юность» Л. Н. Толстого // Русская школа. 1907. № 5/6. С. 117.

²¹⁰ Тетрадь сочинений воспитанниц // Архив ШМ НБ ТвГУ. Ед. хр. 1. Л. 180.

²¹¹ Саводник В. Очерки по истории русской литературы. С. 174. Ср.: Овсянко-Куликовский Д. «Детство, Отрочество и Юность» Толстого как автобиография автора; Дистерло. Постепенное изменение жизни как неизбежное следствие метаморфоз души — основная идея «Детства и Отрочества» // Покровский В. А. Н. Толстой: Его жизнь и сочинения. С. 63, 67.

²¹² Тетрадь сочинений воспитанниц // Архив ШМ НБ ТвГУ. Ед. хр. 1. Л. 180, 187 об.

²¹³ Цит. по: Толстой Л. Н. Собр. соч.: В 22 т. М., 1978. Т. 1. С. 399.

в деле воспитания не для одного Николеньки, но для всех детей»²¹⁴. Именно мать, по мнению читателей и методистов, закладывает в ребенке самое нравственное чувство — веру и любовь к Богу. Вот почему самой любимой главой первого произведения Толстого при выборе текстов для детского чтения, что должно было иметь и воспитательное значение, явилась глава «Детство», в которой звучит апофеоз этим двум качествам детской души: «Повторяя молитвы, которые в первый раз лепетали детские уста мои за любимой матерью, любовь к ней и любовь к Богу как-то странно сливались в одно чувство» (1, 44). Из этих двух основных вытекала и любовь ко всем близким, родным людям и даже к неодушевленным игрушкам: «Вспомнишь, бывало, о Карле Иваныче и его горькой участи <...> и так жалко станет, так полюбишь его, что слезы потекут из глаз, и думаешь: „дай Бог ему счастья, дай мне возможность помочь ему, облегчить его горе; я всем готов для него пожертвовать“ — потом любимую фарфоровую игрушку <...> уткнешь в угол пуховой подушки и любишь, как хорошо, тепло и уютно ей там лежать. Еще помолитесь о том, чтобы дал Бог счастья всем» (1, 44). Квинтэссенцией любви ребенка к матери называет эту главу и Д. Н. Овсянко-Куликовский, но, по его мнению, Толстой не сумел достичь того эффекта, на который рассчитывал: «...вызвать живое чувство поэзии детства, любви детской и материнской. Очевидность такого намерения и отсутствие соответственного эффекта производит впечатление антихудожественное». А произошло это оттого, что «здесь ясно виден сочиняющий автор, сознательно подбирающий подходящие черты для изображения душевных состояний, которых он не испытал»²¹⁵, поскольку мать свою Толстой не помнил. За счет такого «сочинительства», не подкрепленного личными воспоминаниями, образ матери, единственный из всех, вышел вялым и бледным. «Это воплощение идеи „материнства“ в ее типичных проявлениях, а не живое, конкретное лицо»²¹⁶. А. Скабичевский вообще не увидел никакой поэзии в повести и в отношении главного героя к матери: «Перед ним (Николенькой. — Т. И.) мать отстаивает в слезах при виде легкомыслия отца, губящего семейство, и сходит в могилу обманутая, униженная, оскорбленная <...> всё это остается совершенно незамеченным ребенком, без малейшего протеста или простого вопроса о том, что делается вокруг него»²¹⁷. Несмотря на такую оценку критики, методисты и читатели-подростки не увидели ни антихудожественности, ни иронии в описании любви главного героя к матери. Об этом свидетельствует преобладание главы «Детство» над всеми другими и цитированное выше сочинение «максимовки». Смерть матери является границей между детством и отрочеством. Мать защищает ребенка от всего окружающего мира и дает ему возможность анализировать только свои собственные чувства, не особенно обращая внимание на окружающих его людей и их чувства. Со смертью матери этот защитный слой исчезает, и вмиг повзрослевший Николенька начинает

²¹⁴ Тетрадь сочинений воспитанниц // Архив ШИМ НБ ТьГУ. Ед. хр. 1. Л. 181.

²¹⁵ Овсянко-Куликовский Д. «Детство, Отрочество и Юность» Толстого как автобиография автора. С. 58.

²¹⁶ Саводник В. Очерки по истории русской литературы. С. 177.

²¹⁷ Скабичевский А. История новейшей русской литературы (1848—1890). С. 163.

думать о других людях, задумываться над общественными вопросами, а позднее его занимают отвлеченные вопросы о душе, вечности, бессмертии. Кончается детство, начинается отрочество. «Со смертью матери окончилась для меня счастливая пора детства и началась новая эпоха — эпоха отрочества» (1, 93). Осознание этого усилилось во время переезда семьи в Москву: «Мне в первый раз пришла в голову ясная мысль о том, что мы не одни, т. е. наше семейство, живем на свете, что не все интересы вертятся около нас, а что существует другая жизнь людей, ничего не имеющих общего с нами, не заботящихся о нас и даже не имеющих понятия о нашем существовании. Без сомнения, я и прежде знал всё это; но знал не так, как я это узнал теперь, не сознавал, не чувствовал» (2, 15).

После чувства любви к матери важнейшим является любовь к ближним. Наиболее ярко это чувство описано в отношении Николенки к Карлу Ивановичу, поэтому глава «Учитель Карл Иванович» также наиболее часто используется методистами для детского чтения. Причем в этой главе оба этих чувства соединяются, и перед читателем является десятилетний ребенок, переполненный любовью ко всему окружающему миру, живущий с ним в гармонии и согласии. Еще нет раздражающих душу «проклятых» вопросов, нет стремления сделать из себя изысканного щеголя, есть искренность, непосредственность и большая любовь ко всем. «Его (Карла Ивановича. — Т. И.) доброе немецкое лицо, участие, с которым он старался угадать причину моих слез, заставляли их течь еще обильнее: мне было совестно, и я не понимал, как за минуту перед тем я не мог любить Карла Ивановича и находить противными его халат, шапочку и кисточку; теперь, напротив, все это казалось мне чрезвычайно милым, и даже кисточка казалась явным доказательством его доброты. Я сказал ему, что плачу оттого, что видел дурной сон, — будто татап умерла и ее несут хоронить. Всё это я выдумал, потому что решительно не помнил, что мне снилось в эту ночь, но когда Карл Иванович, тронутый моим рассказом, стал утешать и успокаивать меня, мне казалось, что я точно видел этот страшный сон, и слезы полились уже от другой причины» (1, 4).

Итак, «Детство» читалось как автобиографическое, автопсихологическое произведение, на первый план выдвигались описания чувств, преобладающих в данном возрасте: любовь к матери, любовь к Богу, любовь к ближним и в целом любовь ко всему окружающему миру.

Вторая книга трилогии «Отрочество» используется авторами хрестоматий более чем в два раза реже, нежели «Детство», а «Юность» — вообще 1 раз. Из «Отрочества» в учебных книгах имеется 16 отрывков из следующих глав: «Гроза» — 4 раза, «Поездка на долгих» — 2 раза, «Новый взгляд», «В Москве», «Затмение», «Мечты», «Перемелется, мука будет», «Ненависть», «Отрочество», «Приятель Володи», «Рассуждения», «Начало дружбы» — по одному разу. Как видно, чаще всего используется, причем везде полностью, текст главы «Гроза». Используется он как пример описания природного явления: в хрестоматии «Наш мир» (М., 1909) он отнесен к разделу «Природа»; в книге М. Гусевой «Родная нива» (М., 1907) к теме «Природа в разное время дня и года»; а в хрестоматии «Жизнь и слово» (СПб., [после 1900]) к разделу «Человек и природа». Глава «Поездка на долгих» отражает расширение кругозора главного героя, выход его

за рамки собственной персоны. Окружающие предметы отвлекают Николеньку даже от молитвы, и он замечает медленно бредущих богомолок, промелькнувшую коляску, поющего ямщика, церковь с зеленой крышей. И он не только замечает всё это, он задумывается над наблюдаемыми явлениями, и вопросы, которые герой раньше задавал только себе, теперь он обращает к посторонним людям: «куда, зачем они идут? долго ли продолжится их путешествие <...> Кто живет в этом доме? есть ли в нем дети, отец, мать, учитель?» (2, 6). Мир расширился, и авторы хрестоматии «Жизнь и слово» после этой главы задают читателям вопрос: «Какие картины наблюдал Николенька по дороге?»²¹⁸. Это расширение кругозора является переходным моментом от детства к отрочеству. «Кончилось детство <...> Ребенок, всё время живший только собой и для себя, вдруг неожиданно рассмотрел перед глазами обширный Божий мир, с миллионами таких же людей, как и он сам, — людей, погруженных в собственные думы, радости, печали. Он не сознавал, да и не мог еще сознать своего места в этом обширном Божием мире: он не сознавал, да и не мог еще сознать тех отношений, в которые он вступит <...> с миллионами ему подобных, но он в минуту прозрения почувствовал себя частицей чего-то огромного, сложного, необъятного. Рамки детского эгоизма раздвинулись, и кончилось детство»²¹⁹.

Все остальные главы помещены в хрестоматии «Детская душа» в качестве примеров различных психологически-возрастных ситуаций. Так, те части текста, где описывается внутреннее состояние героя и отношения с St-Jerome'ом, помещены в разделе «Одиноким и обиженным детям»; дружба с Нехлюдовым — в разделе «Дружба между детьми»; расширение кругозора, внимание к окружающим, социальным проблемам — в разделе «На пороге к отрочеству». Глава «Отрочество» приводится полностью, отнесена она к теме «Раннее проявление природных способностей». Само название темы указывает на то, что авторы хрестоматии воспринимают главного героя как нетипичного ребенка, а в какой-то мере гениального, в котором слишком рано по педагогическим меркам развилась способность к «умствованиям». В этом опять проявляется автобиографичность произведения. Овсяннико-Куликовский пишет о нетипичности «умствований» для людей круга Толстого 1850–1860-х гг.: «Философские упражнения Николеньки Иртеньева <...> рисуют нам любопытную картину пробуждения и первых шагов мощного, но в высокой степени своеобразного ума <...> Эта картина несколько не характерна для мыслящей части того круга, к которому принадлежит Николай Иртеньев, она не может быть также названа типичною для философствующей части человечества вообще. Она характерна только для Л. Н. Толстого»²²⁰.

Привычка к самоанализу привела к тому, что свежесть чувств детства, гармония исчезла, «поэтому эпоха отрочества не оставила в нем (Николеньке. — Т. И.) особенно отрадных воспоминаний, и он даже называет этот период своей жиз-

²¹⁸ Жизнь и слово: Хрестоматия... С. 11.

²¹⁹ Андреевич. Родина Толстого, его родители и детство // Покровский В. Лев Николаевич Толстой: Его жизнь и сочинения. С. 8.

²²⁰ Овсяннико-Куликовский Д. «Детство, Отрочество и Юность» Толстого как автобиография автора. С. 65.

ни „пустыней“»²²¹. Из этой «пустыни» его выводит дружба с Нехлюдовым, через которую он приходит к мысли о нравственном самосовершенствовании как цели своей жизни. Такая интерпретация «Отрочества» является достаточно традиционной и для сегодняшнего времени. Но есть и такое восприятие, которое характерно именно для начала XX в. Так, к главе «Отрочество» в хрестоматии «Детская душа» сделано примечание: «Эти автобиографические страницы весьма интересны для характеристики духовной личности будущего философа и проповедника чистого христианства»²²². Составители опять выделяют как типичную черту Толстого его религиозность, что, как мы отмечали выше, было весьма характерно в это время. Более того, Толстой толкуется как чистый христианин и проповедник этого вероучения.

Еще один жанр, к которому наиболее часто обращаются методисты этого периода — книги для чтения, составленные Толстым специально для детей. Наибольшей популярностью пользуется «Вторая русская книга для чтения» — 10 обращений, затем «Четвертая русская книга для чтения» — 8, «Третья русская книга для чтения» — 7 обращений и «Первая русская книга для чтения» — всего 3 обращения.

Известный русский педагог С. А. Рачинский писал: «Нет в мире литературы, которая могла бы похвалиться чем-либо подобным»²²³, давая, таким образом, высокую оценку этому произведению. Однако очень популярными у методистов, а тем более у читателей-подростков эти книги не были. Тексты из них включаются лишь в хрестоматии для детей младшего возраста (10–12 лет), из которых нам известно четыре. При этом используются рассказы четырех тематических групп: нравоучительные басни («Ровное наследство», «Садовник и сыновья», «Дележ наследства», «Отец и сыновья», «Старик и смерть», «Два товарища», «Агун»); рассказы о природе («Русак», «Черемуха», «Черепашка», «Шелковичный червь», «Чутье»); естественно-научные «рассуждения» («Тепло», «Солнце-тепло», «Лед, вода и пар», «Сырость», «Отчего потеют окна и бывает роса», «Отчего в морозы трещат деревья», «Газы», «Как делают воздушные шары», «Отчего бывает ветер»), «исторические» рассказы («Ермак», «Как тетушка рассказывала бабушке о том, как ей разбойник Емелька Пугачев дал гривенник»). Не вписываются в эти группы рассказы «Прыжок», «Акула», «Кавказский пленник», «Как мужик убрал камень» и «Вредный воздух». Самыми многочисленными оказываются первая и вторая группы, рассказы которых являются пособием для нравственного и умственного развития ребенка. Использование басен Толстого для морального воспитания детей соответствует традиции и самому жанру басни. Так, после басни «Садовник и сыновья» стоят вопросы: «Чему садовник хотел научить своих детей? Что сделали дети в винограднике после смерти отца? Отчего дети стали богаты?» и пословица: «Горька порой работа, да хлеб от нее сладок»²²⁴. Авторы учебных пособий часто достаточно вольно обращаются с толстовскими текстами, позволяя себе их переделывать. Самая невинная адаптация — это изменение заглавия. Так, Тулупов басню «Ровное наследство» публикует под названием «Знание — лучшее богатство»; «Садовник и сыно-

²²¹ Саводник В. Очерки по истории русской литературы. С. 166

²²² Рудевич Л., Рудевич О. Детская душа. С. 240.

²²³ Письма Толстого и к Толстому. М.; Л., 1928. С. 216.

²²⁴ Тулупов Н. Новая школа. Ч. 2. С. 13.

вья» — «Клад»; «Камбиз и Псаменит» — «Любовь отца»; «Дележ наследства» — «Спорный дележ». Методист, скорее всего, считает нейтральное заглавие недостаточно действенным для нравственного воспитания. Если заглавие Толстого «Ровное наследство» не несет в себе никакой оценки, то вариант Тулупова «Знание — лучшее богатство» является законченной моральной сентенцией, которая иллюстрирует рассказ. Такими же, более или менее оценочными, являются и все остальные заглавия Тулупова. Составитель хрестоматии тем самым нарушает законы жанра басни, в котором заглавие определяет лишь тему произведения, идея же его находится внутри текста и выводится в конце в виде моральной сентенции.

Еще более вольно с текстами Толстого поступает автор хрестоматии «Отблески» В. Попов. Он не только меняет заглавия, но так адаптирует текст, что басня превращается в рассказ. Еще Б. М. Эйхенбаум заметил о «Кавказском пленнике», что это — «чистейшая графика <...> этюд, художественная задача которого состоит в чистоте и простоте рисунка, в чёткости линий, в ясности и элементарности сюжета. Нет никакой психологической раскраски, никаких отступлений в сторону, никаких описательных подробностей»²²⁵. Нам представляется, что эти слова можно отнести в целом ко всем «книгам для чтения». Тексты — это схемы, которые читатель наполняет определенным содержанием. Как известно, Толстой стремился именно к такому письму и считал его в 1870-е гг. образцом литературного творчества: «Это образец тех приемов и языка, которым я пишу и буду писать для больших»²²⁶. Толстой считал, что именно так надо писать для детей: сжато, суховато, а главное объективно, то есть как можно больше скрывать авторское отношение к героям, чтобы выводы делал сам ребенок-читатель. Видимо, такой подход к литературе для детей наиболее точно соответствовал идее «свободного воспитания», которое проповедовал Толстой. Известно, что своим детям собственных произведений, «кроме рассказов из „Азбуки“ и „Книг для чтения“, он не рекомендовал <...> читать»²²⁷. Но педагоги начала XX в. не считают стиль Толстого приемлемым для детского восприятия, поэтому на свой вкус изменяют текст рассказов. Так, например, у Толстого басня «Старик и смерть» имеет такой вид: «Старик раз нарубил дров и понес. Нести было далеко, он измучился, сложил вязанку и говорит: „Эх, хоть бы смерть пришла!“ Смерть пришла и говорит: „Вот и я, чего тебе надо?“ Старик испугался и говорит: „Мне вязанку поднять“» (10, 119). У Попова этот текст, уже без обозначения жанра, приобретает следующий вид: «Старик нарубил в лесу дров, поднял вязанку на плечи и понес домой. Нести было тяжело, а до дому далеко. Измучился старик, сбросил вязанку на землю и говорит: „Эх, хоть бы Смерть, что ли, пришла и развязала с нуждой!“ А Смерть тут как тут. Пришла и говорит: „Вот я! Зачем звал?“ Старик испугался и говорит: „Помоги мне вязанку поднять“»²²⁸. Короткая, не очень ясная для детей, басня превратилась в развернутый, понятный рассказ.

²²⁵ Эйхенбаум Б. Лев Толстой: Семидесятые годы. Л., 1974. С. 72.

²²⁶ Цит. по: Эйхенбаум Б. Лев Толстой: Семидесятые годы. С. 72.

²²⁷ Толстой С. А. Мой отец в семидесятых годах — высказывания его о литературе и писателях // Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников. М., 1978. С. 216.

²²⁸ Попов В. Отблески. С. 30.

Таким образом, педагоги-методисты начала XX в. не приняли ту манеру, которую Толстой выдвигал в качестве образца для детской литературы, предпочитая многословного автора «Войны и мира» скупому на слова автору «Книг для чтения». Интересно, что, например, и сын Толстого Сергей так же предпочитал «Книгам для чтения» автобиографическую трилогию: «„Детство“, „Отрочество“ и „Юность“ были одними из моих любимых книг»²²⁹. Как воспринимали «Книги для чтения» те, кому они предназначались, установить не удалось, так как ни одного непосредственного детского отзыва о них во всех используемых источниках найдено не было.

Установить причины включения остальных произведений Толстого в круг детского чтения достаточно сложно, так как используются они не так часто и в основном в виде небольших отрывков, непосредственных отзывов о них тоже нет. Даже из «Анны Карениной», которая в социологических опросах называется в ряду любимых произведений подростков, в хрестоматии включено всего несколько отрывков, а сочинения «максимовок» о нем не сохранились. Интересно, что в ряду произведений нет народных рассказов, кроме небольшого отрывка из примыкающего к ним «Хозяина и работника». Видимо, та манера, в которой были написаны эти рассказы, не воспринималась педагогами как образец словесности, который можно использовать для развития и воспитания детей и подростков.

Итак, в творчестве Толстого выдвигалась на первый план его автобиографичность, психологизм и философско-религиозные мотивы. Так, автор программы по истории новейшей русской литературы для 8 класса гимназий И. Лысков в 1905 г. писал: «Л. Толстой интересуется более всего своей собственной личностью; его волнения и страдания настолько дороги, что он в каждом произведении наиболее очерченным типом выводит самого себя». Под этим же углом зрения он предлагает программу изучения Толстого в школе: «Граф Л. Н. Толстой: его биография. Автобиографический характер произведений Толстого. Стремление постигнуть смысл жизни. Противоречие между Толстым-художником и мыслителем. Оценка религиозно-философских взглядов Л. Н. Толстого. „Детство и Отрочество“, „Война и мир“, „Анна Каренина“»²³⁰.

В 1908 г. 80-летие Толстого отмечали и школы. В сборнике К. Лукашевич «Школьный праздник в честь Л. Н. Толстого» (М., 1909) есть «Гимн Льву Толстому»:

*Мудрым и смиренным словом
Над вселенною паришь,
Под божественным покровом
С тех высот, где мир и тишь*²³¹.

²²⁹ Толстой С. Л. Мой отец в семидесятих годах — высказывания его о литературе и писателях. С. 216.

²³⁰ Лысков И. К вопросу о преподавании новейшей русской литературы в VIII классе. С. 169, 178–179.

²³¹ Цит. по: Тиховодов А. А. Творчество Л. Н. Толстого в дореволюционной русской школе. С. 221.

Итак, мы видим, что все методисты начала XX в. стремились представить Толстого таким смиренным мудрецом, лишенным какого-либо протеста против основ государственного и общественного строя.

Анализ исторических источников и художественных текстов о русской школе показал, что педагоги и учащиеся начала XX в. воспринимали ее как не самое лучшее место для воспитания гармоничной личности. Например, после опубликования «Записок учителя гимназии» Н. Белозерского, в которых он описывает нечитающих гимназистов и их учителей, автору воспоминаний пришли письма из 11 городов России, и все посчитали, что город N в «Записках» — это их родной город. По этому поводу Белозерский справедливо замечает: «...в учебном строе и жизни русских классических гимназий на всём пространстве империи есть так много общего, что достаточно дать характеристику одной из них, чтобы и многие другие гимназии увидели в ней свое собственное изображение»²³².

Особенно плачевную картину представляли провинциальные женские гимназии и учительские семинарии, где учебная программа была упрощена по сравнению с мужскими учебными заведениями, а уровень преподавания оказывался ниже. Оклад у учителей женских гимназий был меньше, чем у учителей мужских. «Пониженная программа еще более разжижалась в <...> обстановке, где словом и делом, обстановкой и намеками говорят:

— Для чего так далеко с ними идти...»²³³

Да и «разве может содействовать умственному и нравственному образованию личности процедура, которая во многих случаях сводится к скучному и утомительному сидению целыми часами в классе, почти при полной умственной праздности, и к зубрению дома учебников, которое представляет для многих только мучительное напряжение памяти»²³⁴. Вот почему в 1917 г. «многие в страхе ожидали, что при свободе, когда „полицейское“ начальство ушло, дети в отношении к ненавистой школе покажут лицо зулуса или погромщика, вследствие естественно накопившегося и долго сдерживавшегося чувства недовольства, обиды, скуки, оскорбления»²³⁵.

Тверская земская женская учительская школа им. П. П. Максимовича была исключительным учебным заведением. Об этом свидетельствует, как мы уже видели, ведущая роль художественной литературы в воспитании и образовании «максимовок», и прежде всего — русской литературы XIX в. Писатели и поэты начала XX в. также прочно входили в жизнь школы. Имена А. П. Чехова, А. И. Куприна, Л. Н. Андреева, В. В. Вересаева, А. М. Горького были хорошо знакомы подросткам. Н. Мендельсон в 1917 г. писал, что «замечается повышенный

²³² Белозерский Н. [Порошин И. А.] Письмо в редакцию: (По поводу «Записок учителя гимназии») // Русская школа. 1903. № 7/8. С. 322.

²³³ Сергеев Б. В женской гимназии // Русская школа. 1905. № 11. С. 95.

²³⁴ Рутцен В. Что дают наши провинциальные женские гимназии и прогимназии // Русская школа. 1914. № 5/6. С. 111.

²³⁵ Васильков П. В. Учительские организации // Русская школа. 1917. № 2/4. С. 67.

интерес к произведениям современных писателей, особенно — Куприна, Горького, Чирикова и Л. Андреева»²³⁶. Кумирами молодежи были К. Бальмонт и С. Надсон. В альбоме «максимовок» 1917 г. наибольшее количество обращений (6) к стихотворению К. Бальмонта «Чайка»:

*Чайка, серая чайка с печальными криками носится
Над холодной пучиной морской.
И откуда примчалась? Зачем? Почему ее жалобы
Так полны безграничной тоской?*

*Бесконечная даль. Неприветное небо нахмурилось.
Закурчавилась пена седая на гребне волны.
Плачет северный ветер, и чайка рыдает, безумная,
Бесприютная чайка из дальней страны*²³⁷.

Мы не будем решать вопрос, случайно ли тема человеческого одиночества становится столь актуальной накануне страшных социальных катаклизмов. Но анализ жизни произведений XX в. приводит нас к теме провинциальной духовной культуры. Если в бытовании произведений писателей и поэтов XIX в. в провинции и в столице к началу XX в. уже нет принципиальных различий, то по отношению к современникам есть. Так, в массовом сознании бытует мнение, что «властителем дум» молодежи этого периода был А. Блок. Например: «Наша первая юность проходила под знаком Блока <...> “Блоком бредила вся молодежь обеих столиц, — вспоминал Борис Пастернак <...> Блок — это явление Рождества во всех областях русской жизни”»²³⁸. Но Блок действительно был кумиром столиц, к 1917 г. в провинции его имя еще практически неизвестно. Провинция отставала от столиц, и в школе Максимовича были популярны символисты «первой волны» — З. Н. Гиппиус, К. Д. Бальмонт, Ф. К. Сологуб, Н. Н. Минский. Поэты-«младосимволисты»: А. Белый, А. А. Блок, Вяч. Иванов не были здесь известны.

Наряду с Бальмонтом был популярен и С. Я. Надсон. «Какой восторг возбуждало тогда даже в самой глухой провинции это имя!» — так писал И. А. Бунин в «Жизни Арсеньева»²³⁹. С. Ананьин в 1911 г., исследовав ответы 142 учеников мужских и женских провинциальных гимназий, отмечал, что «из поэтов наибольшей симпатией пользуется Надсон, поэт настроений, причем настроений, главным образом, пессимистических. Молодежь в этот период своей жизни переживает период первых столкновений идеалов с жизнью, период первых разочарований. Вполне понятно, что стихотворения Надсона уже падают на готовую, восприимчивую почву. Больше читают Надсона в женских гимназиях и в той мужской гимназии, где состав учащихся отличается сравнительно большей демократичностью. Таким уча-

²³⁶ Мендельсон Н. О чтении учащихся // Свободное воспитание. 1916—1917. № 4/5. Стлб. 2.

²³⁷ Бальмонт К. Избранное. М., 1989. С. 36. Ср.: Альбом 1917 г. // Архив ШИМ НБ ТвГУ. Д. 25. Л. 24, 52, 78, 151, 156, 172.

²³⁸ Анненков Ю. Дневник моих встреч. Л., 1991. Т. 1. С. 58.

²³⁹ Бунин И. А. Собр. соч.: В 6 т. М., 1988. Т. 5. С. 105.

щимся больше приходится сталкиваться с тёмными сторонами жизни, переживать больше разочарований, в силу чего они становятся более чуткими к поэзии грусти и разочарований»²⁴⁰. Школа Максимовича была женской, и здесь имя Надсона пользовалось несомненным успехом. История духовной культуры провинции начала XX в. — это тема отдельного исследования.

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Истоки многих научных дисциплин, преподаваемых в Тверском университете, восходят к школе Максимовича. История русской литературы не является исключением, поэтому интересно проследить развитие этой дисциплины на самом раннем этапе ее существования в Тверском регионе. Следует напомнить, что литературы как привычного ныне учебного предмета в дореволюционной средней школе (т. е. гимназиях, семинариях, училищах) не было, ее изучение входило в предмет под названием «русский язык». История русской литературы изучалась в школе Максимовича в двух старших классах, ее преподавали: Александр Николаевич Робер (в 1872–1880), Евгений Иванович Воскресенский (1881–1887), Иван Андрианович Бойчевский (1887–1899), Флор Степанович Климко (1899–1901), Александр Михайлович Суворовский (1901–1903), Николай Альбертович Кун (1903–1905), Митрофан Михайлович Клевенский (1906–1919).

Первая учебная программа школы, которая была утверждена Министерством народного просвещения 30 марта 1870 г., была элементарной и включала в себя из филологических дисциплин только начальный курс русского языка и чтение по-церковнославянски²⁴¹. К 1876 г. программа была значительно расширена и впервые напечатана. Истории литературы здесь пока нет, но есть уже изучение теории литературы. В 3-ем классе должны изучаться «роды и виды поэзии при чтении образцовых русских писателей»²⁴². Кто принадлежит к «образцовым русским писателям» не конкретизируется, но замечательно то, что элементарное церковнославянское чтение, необходимое для понимания богослужения, сменяется изучением светских произведений.

Третья программа была представлена земскому собранию в декабре 1877 г., а значит, как и предыдущая, подготовлена А. Н. Робером. В ней впервые появляется изучение истории русской литературы. В школе Максимовича так же, как и в гимназиях, сначала изучалась теория литературы, а уже потом история: в 3-м классе «большую часть времени надо употребить на ознакомление учениц с родами поэзии <...> На пятый год, в 4-м классе, приходится краткий курс истории русской литературы. Русский народный эпос. Песни богатырские. Остромирово Евангелие. Летопись Нестора. Поучение Владимира Мономаха де-

²⁴⁰ Ананьин С. А. Детские идеалы // Русская школа. 1911. № 7/8. С. 216–217.

²⁴¹ См.: Селиванов А. Ф. П. П. Максимович, основатель Тверской женской учительской школы. С. 41.

²⁴² Протоколы очередного Тверского губернского земского собрания за 1875 год. Тверь, 1876. 2-й паг. С. 321.

тям. Слово о полку Игореве. Переписка Курбского с Грозным. Домострой. Петр Могила. Кантемир. Ломоносов. Фонвизин. Державин. Карамзин. Жуковский. Крылов. Пушкин. Грибоедов. Лермонтов. Гоголь»²⁴³. Обращает на себя внимание достаточно большой объем древнерусской литературы и конкретизация «образцовых русских писателей». К сожалению, эта программа подверглась критике со стороны директора народных училищ Тверской губернии Н. Д. Малова. Он вообще готов был школу закрыть, и одно из его обвинений касалось как раз расширения программы по русскому языку, когда «элементарный курс русской грамматики превратился в весьма пространное изучение русского языка с двумя преподавателями»²⁴⁴.

К 1880 г. гонения на школу прекратились, и к заседанию земского собрания в декабре 1882 г. была подготовлена к печати четвертая программа. В ней иначе расположен материал, нет древнерусской литературы, зато добавлено изучение «послегоголевского периода», т. е. новейшей литературы: «3 класс (5 уроков в неделю) <...> 2). Ознакомление учениц практическим методом с главнейшими видами прозы и поэзии, а вместе с тем и сообщение воспитанницам историко-литературных сведений из отечественной словесности, а именно: народная словесность (песни и сказки), Ломоносов, Фонвизин, Карамзин, Жуковский, Крылов, Грибоедов, Пушкин <...> 4 класс (3 урока) <...> 2). Продолжение изучения словесности на разборах образцов: Кольцов, Гоголь и в кратких чертах послегоголевская литература»²⁴⁵. Можно только догадываться, почему исчезла из программы древнерусская литература. Известно, что многие учителя считали ее слишком сложной для восприятия и понимания подростками. Кроме того, девочек в школе Максимовича готовили для будущего преподавания в народных школах, где знание древнерусской литературы не требовалось. Именно по этой программе школа и работала следующие лет двадцать пять. К сожалению, за последующие годы печатных или рукописных программ учебных предметов школы обнаружить не удалось.

Примерно в 1907–1909 гг. завуч школы Ф. Ф. Ольденбург пересматривает все программы и указывает, что надо усилить исторический аспект в изучении литературы: «...особенно тесная связь должна быть установлена между <...> преподаванием русского языка и истории <...> Курсы русского языка и истории должны быть <...> разделены на два концерна, первый обнимает три класса, второй два старших. Разница между концернами должна заключаться не столько в материале, сколько в характере его группировки и освещении. Главной задачей первого концерна является накопление фактов и частных обобщений <...> Второй концерт должен ввести учениц в историческое мировоззрение и познакомить их с ходом

²⁴³ Программа школы // Протоколы Тверского губернского земского собрания за 1877 год и приложения к ним. Тверь, 1878. 2-й паг. С. 186.

²⁴⁴ См.: Доклад П. П. Максимовича // Протоколы Тверского губернского земского собрания за 1877 год и приложения к ним. 2-й паг. С. 133.

²⁴⁵ Программы учебных предметов Тверской женской учительской школе П. П. Максимовича // Протоколы Тверского очередного губернского земского собрания 1882 года. Тверь, [1883?]. 2-й паг. С. 92.

исторического процесса как в области литературы, так и политической и социальной истории»²⁴⁶.

Кроме программ учебных предметов, в нашем распоряжении имеются рукописные программы выпускных экзаменов по русскому языку с 1896 по 1913 г.²⁴⁷ Анализ этих программ дает следующую картину. С 1896 по 1902 г. построение курса носит теоретический характер, а художественные произведения изучаются в качестве иллюстраций к теории. Вот характерное построение экзаменационного билета: «12. Сатира. Сведения о происхождении и развитии сатиры. Теория сатиры. „Дума“ Лермонтова как образец серьезной сатиры»²⁴⁸. Понятно, что составлявшие эти программы педагоги И. А. Бойчевский, Ф. С. Климко, А. М. Суворовский были приверженцами теории, риторики, знатоками классической древнегреческой и английской литератур. История литературы проявляется в их программах лишь как изучение биографий некоторых авторов. Существенно усиливает историческое направление Н. А. Кун. Так, если в программе 1903 г. из 36-ти билетов 24 — теоретические, а 12 носят больше исторический характер, то в 1904 г. из 26-ти билетов 13 чисто теоретические (т. е. половина), остальные включают в себя исторический материал. Усиление исторического аспекта в изучении ярко видно при сравнении одного и того же материала в программе 1903 и 1904 г. Так, при изучении творчества А. С. Пушкина в программе 1903 г. заметна старая тенденция: «21 б. Жизнь Пушкина на юге, в Михайловском. Понятие о лиро-эпической поэме: „Цыгане“, „Кавказский пленник“, „Бахчисарайский фонтан“. 22 б. Биография Пушкина с 1826 г. до смерти. Понятие об исторической поэме: „Полтава“ Пушкина. Художественный идеализм поэзии Пушкина»²⁴⁹. В программе 1904 г. всё выглядит совершенно иначе: «22 б. Пушкин. Детство Пушкина. Поступление в Лицей и лицейские годы. Произведения Пушкина и их характер. Жизнь Пушкина в Петербурге. „Руслан и Людмила“. Пушкин на юге России и увлечение Байроном. Характер произведений, написанных на юге. 23 б. Пушкин в Михайловском. Значение этого периода для творчества Пушкина. „Борис Годунов“. „Граф Нулин“. Пушкин в Москве и Петербурге. Как понимал Пушкин поэзию и что требовал от поэта („Чернь“, „Поэт“, „Арион“, „Пророк“). „Полтава“. 24 б. Период жизни от второй поездки на Кавказ и до смерти. „Евгений Онегин“. „Скупой рыцарь“. „Каменный гость“. „Медный всадник“. „Русалка“. Сказки Пушкина. Проза Пушкина»²⁵⁰. Окончательно вытесняет теорию и заменяет ее историей литературы М. М. Клевенский. Так, программа экзамена 1908 г. называется «программой по истории русской литературы», а в программе 1913 г. первый билет предполагает раскрытие «предмета истории литературы»²⁵¹. За последующие годы программ экзаменов не сохранилось, но можно предположить, что Клевенский ничего существенно в них не менял.

²⁴⁶ Ольденбург Ф. Ф. К пересмотру программы школы. Машинопись // ГАТО. Ф. 861. Оп. 1. Ед. хр. 1194. Л. 1–2.

²⁴⁷ См.: ГАТО. Ф. 861. Оп. 1. Ед. хр. 1122, 1133, 1241, 1242, 1246.

²⁴⁸ ГАТО. Ф. 861. Оп. 1. Ед. хр. 1133. Л. 1 об.

²⁴⁹ Там же. Ед. хр. 1242. Л. 10.

²⁵⁰ ГАТО. Ф. 861. Оп. 1. Ед. хр. 1242. Л. 12.

²⁵¹ Там же. Ед. хр. 1246. Л. 80, Ед. хр. 1122. Л. 19.

Таким образом, анализ программ позволяет сделать вывод, что изучение истории русской литературы начинает А. Н. Робер и закрепляет это уже в программе 1878 г. К сожалению, мы ничего не можем сказать о характере курса Е. И. Воскресенского, работавшего в 1881–1887 гг. После смерти Воскресенского приоритет отдается теоретическим сведениям, что связано, скорее всего, с личными взглядами преподавателей. Возвращается к изучению истории русской литературы Н. А. Кун в 1903 г., а наиболее полноценно она начинает преподаваться с 1906 г., и связано это с именем М. М. Клевенского. Судя по рабочим тетрадям М. И. Вышинской, она преподавала теорию литературы в младшем, 2-м классе, а значит, Клевенский полностью читал курс истории литературы (при этом Клевенский проводил занятия в лекционной форме). И Робер, и Клевенский, помимо русского языка, преподавали историю, что тоже объясняет их интерес именно к историческому аспекту литературоведения.

Интересно, что древнерусская литература так и не появилась в программе преподавания школы, только «Слово о полку Игореве» изучалось в теоретическом курсе, а М. М. Клевенский начинал преподавание с Н. М. Карамзина, т. е. исключал и весь XVIII век.

Уже многократно приведенные архивные данные позволяют говорить о том, что уровень преподавания истории литературы в школе был очень высок, так же, впрочем, как и других предметов. А это заслуга педагогов школы, которым будет посвящена следующая глава.

Глава 3

УЧИТЕЛЯ И УЧЕНИКИ

П. П. Максимович, не будучи профессиональным учителем, имел удивительное педагогическое чутье и прекрасно понимал, что в любом деле, а в педагогике особенно, всё зависит от людей, поэтому преподавателей для своей школы он подбирал сам, и очень тщательно. От педагога он требовал прежде всего любви и уважения к своим ученикам. Сначала любить, потом учить — вот основной принцип школьной педагогики.

Первая начальница школы Надежда Павловна Дьяконова приехала в Тверь по приглашению П. П. Максимовича из Петербурга, и с 1874 по 1887 г., до дня своей смерти возглавляла школу, давая уроки педагогики, математики и русского языка. С 1872 по 1880 г. во главе всей психолого-педагогической работы стоял крупный педагог Александр Николаевич Робер, до этого 7 лет бывший директором Тверской мужской классической гимназии. Именно П. П. Максимович, Н. П. Дьяконова и А. Н. Робер закладывали те педагогические традиции, которые и сделали эту школу уникальной.

В школе четко соблюдалась самая главная заповедь педагогики — в центре воспитания и обучения стоит конкретный ученик, его личность, поэтому необходимо использовать, говоря современным языком, индивидуальный подход к его развитию. Мы уже отмечали тот факт, что школа возникла в то время, когда в педагогике произошла «педоцентристская революция», и смысл образования сводился к развитию природных дарований ребенка. При этом педагог становится не строгим наставником, а помощником ученика. Так, Н. П. Дьяконова, напутствуя выпускниц, вспоминала об А. Н. Робере: «Любовь Александра Николаевича к ученицам была безгранична, вспомните, как он радовался <...> всяким успехам вашим, как горько отзывались в его сердце неудачи ваши <...>, вспомните, с какой готовностью он содействовал каждой забаве вашей, с каким искренним удовольствием сам принимал в ней участие <...> Ради того, чтобы большему хорошему научить вас <...> он не жалел трудов, никакие семейные обстоятельства не в силах были удержать его дома, если только он назначил быть в школе, хотя бы ради прихоти вашей — репетиция и т. п. Помните, единственный его ответ на все ваши просьбы: „Когда прикажете, в котором часу?“¹. Сам А. Н. Робер еще в 1863 г. писал: «Педагогические правила только тогда могут получить научный характер, когда основаны на психологических началах, когда вытекают из изучения постепенного развития телесных и душевных способностей ребенка. Говорят ли они (оппоненты. — Т. И.)

¹ ГАТО. Ф. 861. Оп. 1. Ед. хр. 1234. Л. 1–1 об.

Н. П. Дьяконова

о преподавании какой-либо науки, они смотрят на пользу, которую может принести распространение познаний из этой науки в обществе, на выгоды, которые впоследствии может доставить ребенку знание этой науки; они говорят много совершенно справедливого о самой науке, о значении ее в обществе, о важности ее для человека, но ни слова не говорят о ребенке, о том, в каком виде познания из этой науки примутся молодою душою ученика, какие способности они затронут, какое влияние могут иметь на них, какое дадут им направление, а именно это, и только это составляет круг наук педагогических»². Эти слова, сказанные более 100 лет назад, звучат исключительно современно. Например, А. Пинский практически повторяет слова А. Н. Робера: «В современном педагогическом сознании, в вопросе о целях образования господствует парадигма так называемого социального заказа. Это значит, что цель к „образовательной системе“ должна приходиться, например, от промышленности, от политической

идеологии, от институтов научного производства, армии и т. п., т. е. извне. Но ведь эта та же самая педагогическая капитуляция. Ведь если я, называя себя педагогом и имея перед собой ребенка, цели по его воспитанию получаю от политика, фабриканта или генерала, то ребенок с неизбежностью окажется только материалом, в котором сможет воспроизвестись деятельность названных лиц. Но тогда я ни в коем случае уже не педагог! Я лишь отрабатываю и поставляю в названные сферы деятельности соответственно обработанный человеческий материал. Я педагог только тогда, когда смотрю на ребенка и вижу, какие в нем живут способности и задатки, как я могу помочь их здоровому и свободному развитию, когда сам ребенок ставит мне (без слов, разумеется) цели деятельности, а не промышленные, политические и тому подобные „системы“. Конечно, я должен учитывать наличные реалии общественной жизни, техники и т. п., но я беру их именно как материал, а не как источник целей; они определяют условия, но не существо педагогической работы. В центре же ее — ребенок. Ныне всё наоборот: цель идет извне, а ребенок лишь условие и материал, т. е. утеряно человеческое измерение педагогики»³.

Именно из этого педагогического принципа исходит уникальная традиция отсутствия оценок и переводных экзаменов из класса в класс, которая была заложена по инициативе А. Н. Робера и сохранялась до последнего дня работы школы.

² Робер А. Н. Воспитание и служба // Русский вестник. 1863. № 2. С. 550—551.

³ Пинский А. Предисловие к русскому изданию // Воспитание к свободе: Педагогика Рудольфа Штейнера. М., 1993. С. 7.

А. Н. Робер считал, что оценка унижает человеческое достоинство, и поэтому учеба учениц обсуждалась в конце полугодия на педагогическом совете, а каждой ученице выносилась так называемая «поправка», т. е. конкретная рекомендация по предметам. А экзамены были заменены «репетициями», которые проводились в конце полугодия как краткое повторение пройденного курса. Интересно, что из-за этой традиции — отсутствие оценок и экзаменов — школа не раз подвергалась нападкам со стороны Министерства народного просвещения, но педагоги всегда принципиально ее отстаивали.

Выпускница школы 1915 г., заслуженный учитель РСФСР Антонина Федоровна Чернышева (урожд. Коновалова) писала: «Школа Максимовича давала прекрасных учителей для нашей страны. В продолжение почти 5 лет нам не ставили отметок. Но мы учились с любовью, страстно отдавались всем наукам. Нам хотелось знать, и мы на уроке с напряженным вниманием слушали учителя литературы Митрофана Клевенского, с интересом вникали в алгебру и геометрию.

Педагогика, преподаваемая Ф. Ф. Ольденбургом, делала нас страстными профессионалами — народными учителями. Значит, можно было зажечь молодежь, не применяя до сих пор непонятных для меня единиц, двоек, троек, пятерок.

В современной начальной школе тем более не должно быть казенной системы оценок, когда в классе один учитель, один воспитатель. Он и должен учить и воспитывать. А оценит учеников жизнь»⁴.

Следующая традиция — это традиция семейственности, теплых, дружеских отношений между учителями и учениками. Мы уже приводили воспоминания педагога Д. Д. Семенова, которого особенно поразила семейная атмосфера школы. Выпускница Е. П. Бутягина писала: «Педагоги в школе Максимовича нас никогда не оскорбляли и тем более не наказывали: не оставляли без обеда, не высылали из класса»⁵. Когда Н. П. Дьяконова провожала учениц в самостоятельную жизнь, она напутствовала их как родных детей: «Будьте же счастливы, мои милые и дорогие, счастьем полным и разным; да хранит вас Царь Небесный от великих невзгод <...> а главное, не падайте духом, не вдавайтесь в отчаянье. Знайте, что мы всегда готовы прийти к вам на помощь словом, делом, советом, утешением, разъяснением и т. п., что до меня, то я готова всегда всё сделать для вас, что только в моих силах. Уверена, что все прочие наставники и наставницы отнесутся к вам всегда с живым и теплым сочувствием»⁶.

Сам П. П. Максимович серьезно подходил к выбору педагогов для своей школы, поэтому случайных людей в ней не было. Все учителя были интеллигентными и высокообразованными людьми. В школе преподавал Н. А. Кун, автор известных книг по истории Древней Греции, профессор геологии А. П. Павлов, крупный литературовед и историк М. М. Клевенский, близкий друг художника В. Д. Поленова Л. В. Кандауров, известный тверской историк В. И. Колосов.

⁴ Пышнова Ю. Т. Воспоминания тверских учителей о школе Максимовича: Из фондов Музея народного образования // 125-летие школы Максимовича. Тверь, 1997. С. 17–18.

⁵ Там же. С. 19.

⁶ ГАТО. Ф. 861. Оп. 1. Ед. хр. 1234. Л. 1–6.

А Федор Федорович Ольденбург, который возглавлял всю педагогическую общественность Твери начала XX в., предпочел научной карьере деятельность учителя педагогики в земской школе. Долгие годы возглавляла школу известная писательница и педагог Е. П. Свешникова. Эти люди любили своих воспитанниц и отдавали им все силы и знания, подтягивая простых крестьянских девушек до своего интеллектуального и культурного уровня. Поэтому уже в 1877 г., когда школе было всего 7 лет, П. П. Максимович смог сказать: «Я глубоко убежден, что достиг моей цели, все преподающие в школе лица относятся к ней с любовью и уважением, не как наемники»⁷.

В основе таких отношений лежали принципы, высказанные А. Н. Робером: «А должен он (воспитатель. — Т. И.) прежде всего быть совершенно близок к воспитаннику, так, чтобы воспитанник видел в нем себе самого надежного друга, он должен принять участие во всём, что касается личности воспитанника, чтобы никакая тень не омрачала доверия к нему ученика; чтобы ученик смело шел к нему со всякою новою мыслью, со всяким желанием, со всяким горем и радостью. Это отношение вполне возможно; молодая природа ребенка требует любви; она сейчас готова отвечать любовью на любовь. А большее развитие воспитателя, его более сильная, нежели у ребенка, личность очень скоро может приобрести такой нравственный авторитет, что душа ученика легко будет вырабатываться под его влиянием!»⁸

Наконец, еще одна традиция в подготовке учителя народной школы — это широкое всестороннее образование. Я. А. Коменский, чей авторитет для школы Максимовича был непререкаем, считал, что любой маленький человек — это микрокосмос, в котором природой заложены величайшие способности, которые надо лишь распознать и дать им благоприятные условия для развития. Правильное обучение и состоит в развитии способностей каждого ребенка. Роль учителя сводится к тому, чтобы дать толчок для их развития. У человека должно появиться желание совершенствоваться, а для этого его надо заинтересовать различными науками, искусством, ремеслами. И вполне естественно, что сделать это может только разносторонне развитый педагог. Вот почему «максимовки» получали всестороннее образование, в котором сочеталось гуманитарное, физико-математическое, естественнонаучное, эстетическое и физическое направление. Н. П. Дьяконова в своих лекциях по педагогике писала: «Воспитывать кого-нибудь значит намеренно действовать на ребенка так, чтобы возбудить к деятельности все его силы и тем способствовать их развитию <...> Люди, говорящие, что напрасно вас учить геометрии, физике и другим наукам, преподавать которые вам не придется в начальной школе, не имеют понятия о том, что значит учить детей <...> Человек, у которого слабо действуют его душевные способности, не сумеет побудить к деятельности способности другого человека; укрепляются же наши душевные способности работая над усвоением различных фактов и деланием выводов из них, т. е. над восприятием различных знаний <...> Начальная школа имеет целью научить детей вполне хорошо и сознательно

⁷ Протоколы Тверского губернского земского собрания за 1877 год и приложения к ним. Тверь, 1878. С. 160.

⁸ Робер А. Н. Воспитание и служба. С. 564–565.

читать, писать и считать, а через это побудить к деятельности способности детей, как бы дать им первый толчок, чтоб потом они сами могли двигаться вперед»⁹.

Таким образом, роль учителя в школе Максимовича сводилась к тому, чтобы распознать способности ученика и дать первоначальный толчок для их развития. Для этого сам учитель должен быть высоконравственным человеком, должен уметь любить ученика, быть способен отдать ему все силы и время и обладать широчайшим спектром знаний в различных областях науки.

А. П. ПАВЛОВ

Алексей Петрович Павлов — это человек, стоящий у истоков русской геологической науки, создатель московской школы геологов, третий профессор геологии Московского университета после Г. Е. Щуровского и В. О. Ковалевского. «Он всю свою жизнь оставался в рамках старых традиций Московского университета и всю свою жизнь продолжал традицию <...> научной исследовательской работы как основы высшего образования, а в области естествознания — традицию не книжной работы, а непосредственного проникновения в природу точным научным опытом и наблюдением»¹⁰.

Павлов родился в 1854 г. в Москве в семье отставного подпоручика Петра Алексеевича. Окончив 2-ю Московскую классическую гимназию, он поступил на естественное отделение физико-математического факультета Московского университета. С этого момента вся его жизнь была связана с естествознанием: геологией, минералогией, палеонтологией. После окончания университета в 1878 г. Павлов, удостоенный золотой медали за свою дипломную работу, не был оставлен при университете, по-видимому, из-за отсутствия вакантного места. Поэтому два учебных года (1878/1879, 1879/1880) он преподает в Тверской женской учительской школе им. П. П. Максимовича и Тверском реальном училище. В 1880 г. освободилось место хранителя геологического кабинета Московского университета, и занять его предложили Павлову, на что он согласился и покинул Тверь. Вся последующая жизнь ученого связана с Московским университетом: здесь он защитил докторскую диссертацию, стал профессором, в течение сорока лет возглавлял кафедру геологии и палеонтологии, написал много научных работ, воспитал сотни учеников, вместе с супругой Марией Васильевной создал геологический и палеонтологический музей, которому в 1926 г. было присвоено имя А. П. и М. В. Павловых. При реорганизации Московского университета все геологические, палеонтологические и минералогические науки в нем были исключены из преподавания, а научные структуры, связанные с этими науками, переданы в Геологоразведочный институт им. С. Орджоникидзе, в числе других и музей им. Павловых¹¹.

⁹ Дьяконова Н. П. Курс педагогики, преподававшейся в школе П. П. Максимовича до осени 1887 г. С. 7.

¹⁰ Вернадский В. И. Памяти академика А. П. Павлова // Вернадский В. И. Труды по истории науки в России. М., 1988. С. 312.

¹¹ О жизни и научной деятельности А. П. Павлова см.: Варсонофьева В. А. А. П. Павлов. М., 1947; Она же. А. П. Павлов // Люди русской науки: Геология, география. М., 1962. С. 83–93; Мазарович А. Н. Алексей Петрович Павлов. М., 1948.

А. П. Павлов.

Из кн.: Варсановьева В. А.

*А. П. Павлов и его роль
в развитии геологии. М., 1947*

В. И. Вернадский называл Павлова своим другом¹². Знакомство их произошло при следующих обстоятельствах. В августе 1888 г. В. И. Вернадский принимал участие в Международном геологическом конгрессе в Лондоне. Здесь была организована экскурсия в Уэльс, где он познакомился с А. П. Павловым и его супругой М. В. Павловой. Это знакомство было решающим для Вернадского, так как в 1889 г. он получает от Павлова письмо с приглашением на кафедру минералогии Московского университета, которое с радостью принимает. Таким образом, именно благодаря А. П. Павлову В. И. Вернадский начинает преподавать в Московском университете, в котором он проработает более 20-ти лет, с 1890 по 1911 г. Сферы научных интересов обоих ученых в то время практически совпадали, работали они на одной кафедре. Первые годы Павлов заведовал обоими кабинетами университета: минералогическим и геологическим, которые находились в одном помещении. Когда единая кафедра распалась на кафедру минералогии и геологии, Вернадский оказался на первой, а Павлов — на второй. На основе минералогического и геологического кабинетов образовалось два одноименных института. Более 20-ти лет два ученых проработали бок о бок.

«За все 22 года у нас не было никаких столкновений в сложной, нервной работе, сперва только в факультете, а когда университет добился автономии, то и в Совете, несмотря на то, что мы далеко не всегда были одних мнений. Не было разногласий, несмотря на то, что интересы и пределы ведения двух различных, но близких институтов, геологического и минералогического, которые впервые еще пробивали себе тогда путь в строе высшей школы, не были ясно и прочно определены, и пути их постоянно переплетались и сталкивались»¹³. После переезда Вернадского в Петербург их тесное общение прекратилось, но они продолжали встречаться на различных научных конференциях.

В посмертной речи, посвященной Павлову и произнесенной Вернадским в Академии наук в 1930 г., он отметил то, что наиболее близко было ему в научном наследии умершего ученого. В частности — большой вклад Павлова в развитие учения о ноосфере, которое в последний период жизни Вернадского было ему особенно дорого. «Всю свою жизнь он (А. П. Павлов. — Т. И.) подходил к тем построениям — космогоническим, которые являются промежуточными между наукой и философией <...> Алексей Петрович был одним из немногих русских геологов,

¹² Вернадский В. И. Памяти академика А. П. Павлова. С. 312.

¹³ Там же. С. 305.

мысль которого свободно проникала в эту огромную область исканий и вводила их в свои общие научные концепции <...> Подойдя в ходе своей научной мысли к этой промежуточной между наукой и философией области знаний, он не мог остановиться, не перейдя в круг интересов философских, и с молодости пытался подойти к философским исканиям <...> Это свободное критическое отношение к построениям философии и космогонии и в то же время глубокий интерес к ним при широте научного образования Алексея Петровича накладывали особый отпечаток на его научную работу. Его занимали крупные искания и крупные обобщения. Смерть прервала нить его жизни как раз тогда, когда он думал, что может дать синтез своего понимания геологической истории нашей планеты. После него остался большой труд, над которым он работал последние годы, совершенно готовый к печати»¹⁴.

Тверской период жизни Павлова связан с реальным училищем, где он преподавал естествознание, и школой Максимовича, где он, помимо естествознания, преподавал еще и географию. Алексей Петрович любил педагогическую работу и отдался ей со всей энергией молодости. В реальном училище он создал кабинет естествознания, на организацию которого были выделены колоссальные по тем временам деньги — 20 тыс. рублей. Это значит, что Павлов, несмотря на свою молодость и отличавшую его большую скромность, сумел внушить уважение к себе и своим предметам, сумел убедить начальство в необходимости наглядного обучения и специального кабинета, чтобы получить на его организацию такую огромную сумму.

В реальном училище обстановка была более официальная и казенная. Школа же Максимовича, наоборот, была учреждением довольно прогрессивным и демократичным. Между учителями и ученицами существовали самые дружеские отношения, вся школа представляла собой одну семью. Поэтому понятно, почему одна из учениц школы того времени Александра Федоровна Проскурякова (в замужестве Морозкина) в своих воспоминаниях отмечала, что вся жизнь Павлова в Твери была связана именно со школой Максимовича.

Два года, которые Алексей Петрович проводит в школе, оказались для нее теми кризисными годами, когда она подверглась нападкам со стороны директора народных училищ Н. Д. Малова, о чем рассказано выше. В выходе из кризиса, на наш взгляд, большую роль сыграли и учителя школы, которые, идя на необходимые уступки, все-таки сохранили главное: любовь к своим воспитанницам, демократизм, стремление к научности в школьном преподавании, высокий профессионализм. Среди этих учителей был и А. П. Павлов. После 1880 г. школа вернулась к своему «дореформенному» состоянию, и уже больше ничего не мешало ее развитию в русле передовой педагогики.

Мы уже отмечали тот факт, что А. П. Павлов преподавал здесь географию и естествознание. Дальше речь пойдет только об естествознании, поскольку география как учебный предмет всегда существовала в школах и никаких трудностей с ней не было. Естествознание же как наука о строении вселенной и законах, ей управляющих, делится на две части: общее естествознание (физика, механика и химия)

¹⁴ Там же. С. 305—307. Речь идет о труде: Павлов А. П. Геологическая история европейских земель и морей в связи с историей ископаемого человека. М.; Л., 1936.

и частное естествознание (астрономия, минералогия, геология, ботаника и зоология). В свою очередь ботаника, зоология и минералогия вместе назывались естественной историей¹⁵. Что касается анатомии, то обычно в школьном употреблении ее тоже включали в понятие *естественная история*.

Среди целого набора естественных наук больше всего повезло физике, которая как учебный предмет изначально существовала в плане преподавания светской и даже духовной школы. Но с естественной историей, то есть зоологией, ботаникой, анатомией и минералогией, дело обстояло сложнее. Основным средним учебным заведением дореволюционной России была мужская гимназия. В то время, когда Павлов работал в школе Максимовича, естественная история в мужских гимназиях практически не преподавалась. Отрицательно относился к естественной истории министр народного просвещения граф Д. А. Толстой, поэтому по Уставу гимназий 1871 г. данный предмет исключался из учебного плана классических гимназий. Естественная история преподавалась в реальных училищах, существовавших с 1872 г., но они не играли большой роли в обществе, в отличие от гимназий. В женских гимназиях, особенно Мариинских, всегда преподавались физика и естественная история. В начальных школах естествознание не преподавалось вообще, исключения составляли городские училища, представлявшие собой повышенную ступень начального образования, где преподавались «сведения из естественной истории и физики». Получается интересная картина: преподавание естественной истории в женских учебных заведениях не вызывало сомнений в правительстве, а в мужских — она считалась источником материализма и революционности. Видимо, в то время женщина не рассматривалась как активная общественная сила.

Школа Максимовича была учительской школой, в заведениях подобного рода, по официальным документам, физика и естественная история включались в учебный план, но предмет носил название «главные сведения, необходимые для понимания явлений природы»¹⁶. Школа Максимовича вроде бы ничем не отличалась от подобных ей учебных заведений в вопросе учебного плана, но всё дело состояло в самом содержательном наполнении предмета *естествоведение*, или *естествознание*.

В программе 1870 г., которая была утверждена Министерством народного просвещения и на основании которой школа была открыта, естествознания как учебного предмета нет¹⁷. П. П. Максимович прекрасно понимал, что более обширная и содержательная программа не была бы одобрена правительством. Но понимал он и значение естественных наук для учителя и поэтому еще в проекте 1869 г. писал, что «к учебным принадлежностям при школе относятся: библиотека, физический и естественноисторический кабинеты»¹⁸. Максимович постепенно расширяет первоначальную программу и с 1873 г. начинает преподавание естественной истории

¹⁵ Естествознание // Энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1894. Т. 11 «А». С. 687–688.

¹⁶ См.: Пругавин А. С. Законы и справочные сведения по начальному народному образованию. СПб., 1904. С. 498, 518, 524.

¹⁷ Тверской вестник. 1979. № 12. С. 11.

¹⁸ Проект положения о Тверской земской школе для образования сельских учителей // Протоколы заседаний Тверского губернского земского собрания за 1869 г. [Тверь, 1870]. С. 235.

и физики. Позже корреспондент «Тверского вестника» напишет: «учредитель школы не мог не сознавать некоторых недостатков первоначальной программы. Питомицы школы готовились быть учительницами в начальных школах, где на первых же порах шустрые ученики и ученицы могли забросать их вопросами об окружающих явлениях природы, о травках, о цветочках, о зверях: и вот учительницы, прошедшие курс школы, в который не вошло даже элементарных естественнонаучных сведений, должны были на все эти пытливые вопросы или отмалчиваться, или отделяваться бессодержательными, нелепыми ответами. Ясно, что необходимость дать ученицам, по крайней мере, элементарные сведения о явлениях природы, о растениях и о животных не могла не сделаться очевидной для учредителя школы в самое первое время ее существования. А раз признана была эта необходимость, нужно было позаботиться о доставлении ученицам школы упомянутых знаний, что П. П. Максимович и сделал»¹⁹. В результате в 1875 г. в старшем классе была введена физика, а в трех основных — естественная история. Этот довольно элементарный курс включал в себя зоологию и ботанику²⁰. Но даже такой элементарный курс вызвал возражение министерства, введение физики и естественной истории стало одним из пунктов обвинения школы в 1876 г. Тем не менее, руководство школы не выводит ни физику, ни естественную историю из учебного плана. В самые тяжелые для школы годы эти дисциплины преподавал А. П. Павлов, который не только не сузил эти предметы, а расширил их за счет введения в них сведений из области анатомии и химии. По воспоминаниям А. Ф. Морозкиной, Павлов был замечательным учителем, использовал передовую методику, сочетавшую научность с наглядностью. Он оборудовал естественнонаучный кабинет, многие экспонаты для которого делал своими руками, поскольку школа Максимовича, в эти годы содержавшаяся только за счет своего основателя, не располагала такими материальными средствами, как реальное училище, в котором выделялись немалые деньги на содержание подобного кабинета. Конечно, учителя делает не только передовая методика, но, прежде всего — педагогический талант. А. Ф. Морозкина вспоминала первый урок Павлова, после которого ученицы были покорены новым учителем, хотя на этом уроке он просто выяснял знания учениц по зоологии. Молодой учитель несколько смущался и почти не поднимал глаз, очень серьезно слушал всё, что говорили ему, хотя иногда это была откровенная нелепость, никого не перебивал, а лишь тактично исправлял ошибки. За эту деликатность и интеллигентность девушки сразу же почувствовали доверие к нему и сказали: «вот это настоящий учитель». «И действительно, А. П. обладал всем, что должно отличать „настоящего педагога“. У него был крупный педагогический талант, большой педагогический такт и чутье, громадная любовь и серьезное отношение к своему делу и к своим ученикам, привлекательная внешность и красивый голос. Кроме того, он был прекрасным человеком, а это молодежь всегда чувствует и понимает»²¹. Ученицы называли его

¹⁹ По поводу корреспонденции «Русского мира» о школе Максимовича // Тверской вестник. 1879. № 12. С. 12–13.

²⁰ См.: Программа женской учительской школы г-на Максимовича // Протоколы Тверского губернского земского собрания 1875 г. [Тверь, 1876]. С. 319–326.

²¹ Варсонофьева В. А. А. П. Павлов. 1947. С. 30.

любимым учителем и потому, что он принимал активное участие в общественной жизни школы и города. Бывал на литературно-музыкальных вечерах, рисовал афиши и программки к спектаклям; обладая прекрасным оперным голосом, Павлов пел в певческой капелле музыкального общества «Ладо».

Особо нужно сказать о химии, сведения из которой Павлов начинает вводить в курс естествознания. В те годы химия не преподавалась отдельным предметом нигде, да и сведения по химии почти не включались в курс естествознания. Павлов же был горячим сторонником химии, в школе Максимовича он закладывает основы химической лаборатории, на занятиях проводит опыты, в городе читает публичные лекции. О том, что по тем временам это было действительно новшеством для молодежи, говорят воспоминания Морозкиной: «Зал был переполнен. Особенно много было молодежи: юнкера, реалисты, гимназисты и гимназистки и, конечно, все его ученицы по школе Максимовича. А. П. волновался <...> Но прочел он блестяще <...> аудитория была наэлектризована. Молодежь приветствовала лектора с искренним энтузиазмом и покидала зал в возбужденном, приподнятом настроении»²². Материал этих лекций был напечатан в газете «Тверской вестник», а позже на его основе вышла первая научно-популярная работа Павлова «Общепонятные беседы по химии» (1881). На наш взгляд, именно Павлов был инициатором изучения химии в школе Максимовича, которая потом как учебный предмет займет достойное место, будет создан химический кабинет, переданный впоследствии институту народного образования. В 1880 г. Павлов покинул школу, но в 1882 г. вышла новая программа, в которой разделы по химии и минералогии преподавались в рамках естественной истории в 1 и 4 классах²³. Ни в Тверской мужской классической гимназии, ни в женских гимназиях в таком объеме, как в школе Максимовича, естествознание не преподавалось. Судя по официальным программам, то же можно сказать и о России в целом²⁴. Особенно это касалось химии, которая, помимо школы Максимовича, преподавалась только в Тверском городском коммерческом женском и реальном училищах. В школе Максимовича химии всегда уделялось значительное место, особенно активно она развивалась с 1912 г., когда для ее преподавания был приглашен специалист с высшим образованием — Е. А. Кафтанова, а с 1915 г. химию будет преподавать М. Ф. Савина, ставшая затем преподавателем педагогического института и оставившая труды по геологии Тверской области. Павлов заложил замечательные традиции научного подхода в изучении естественных наук в Твери, особенно химии и минералогии. А для самого ученого школа Максимовича стала опытно-экспериментальной

²² Там же. С. 28.

²³ Программы учебных предметов в Тверской женской учительской школе П. П. Максимовича // Протоколы экстренного Тверского губернского земского собрания 30 мая 1882 г. Тверь, 1882. С. 89–116.

²⁴ См.: Крылов Д. Столетие Тверской мужской гимназии (1804 — 2 февраля 1904 г.). Тверь, 1904; Маслов Н. Пятидесятилетие Тверской Марининской женской гимназии (1858–1908). Тверь, 1908; Маврицкий В. Правила и программы женских учебных заведений. М., 1905; Он же. Правила и программы классических гимназий и прогимназий ведомства Министерства народного просвещения. М., 1905; Пругавин А. С. Законы и справочные сведения по начальному народному образованию.

площадкой для разработки методики преподавания естественных наук, чему позже Павлов посвятит немало теоретических работ и внесет большой вклад в реформу средней школы, всю жизнь борясь за научность школы и приближение ее к реальной жизни, выступая против засилья классического образования²⁵.

Уехав из Твери, Павлов сохраняет связь с ученицами и преподавателями школы. Об этом свидетельствуют воспоминания и переписка А. Ф. Морозкиной, книги с автографами ученого в фонде Научной библиотеки Тверского государственного университета. «Годы, проведенные в Твери, знакомство со школой и живая связь, сохранившаяся у него с некоторыми из его коллег и учениц, несомненно, сыграли большую роль в его жизни. Они укрепили его интерес к вопросам воспитания и среднего образования, дали ему тот опыт, который сделал такими конкретными и живыми все его педагогические статьи, позволили ему дальше следить за жизнью средней и начальной школы не по одним отчетам и статьям, а по живым сообщениям преданных этому делу людей.

До последних лет жизни уцелело в нем светлое воспоминание о годах, проведенных в Твери, о своих первых учениках и ученицах, о своих товарищах по работе и первом увлечении педагогической деятельностью»²⁶.

Е. П. СВЕШНИКОВА²⁷

В 1887 г. Тверская земская женская учительская школа П. П. Максимовича лишилась своей бессменной начальницы: безвременно скончалась всеми уважаемая Н. П. Дьяконова, которой предстояло найти достойную замену. Тверские земцы придирчиво перебирали возможные варианты. В Петербург для консультаций отправился сам инициатор создания школы П. П. Максимович, который по рекомендации известных деятелей образования В. Д. Сиповского и А. М. Калмыковой останавливает свой выбор на кандидатуре Е. П. Свешниковой. Мотивируя свой выбор в письме к тверскому адресату, Максимович передает отзыв Сиповского о ней «как о замечательной, симпатичной, замечательного ума личности, всецело преданной добру и пользе общественной деятельности»²⁸. Так в Твери появилась Елизавета Петровна Свешникова, с которой был связан самый динамичный и плодотворный период существования школы.

Немногие дошедшие до нас сведения о предшествующей жизни Свешниковой свидетельствуют, что новая деятельность абсолютно отвечала ее интересам и стремлениям.

Е. П. Свешникова родилась 22 ноября 1847 г. в Полоцке, в семье преподавателя кадетского корпуса. В раннем возрасте она осталась без родителей и с 2 до 10 лет воспитывалась у деда в Петербурге, потом жила в Вологде. Судьба ее характер-

²⁵ См.: Павлов А. П. Методика природоведения. СПб., 1902; Он же. Избранные педагогические труды. М., 1959.

²⁶ Варсонофьева В. А. А. П. Павлов. 1947. С. 34.

²⁷ Раздел написан Е. Н. Строгановой.

²⁸ ГАТО. Ф. 800. Оп. 1. Ед. хр. 1514. Л. 13.

Е. П. Свешникова в нижнем ряду третья справа, по правую руку от нее О. Ю. Федорова. В верхнем ряду первая слева М. И. Вышинская, первая справа О. Н. Глазунова, рядом с ней Е. К. Флерова

на для образованной девушки, вынужденной самостоятельно, без помощи родных строить свою жизнь. Во второй половине XIX в. одним из легитимных путей женской социализации была педагогическая работа, поэтому многие девушки, получив патент на образовательную деятельность, занимались частными уроками или становились гувернантками. Свешникова также сдала экзамен при Вологодской мужской гимназии на звание домашней учительницы. Сначала, подобно многим другим, она только давала уроки, но в конце 1860-х гг. открыла в Вологде частную школу смешанного типа — для мальчиков и девочек. В то время существовала практика раздельного обучения, и подобные школы еще были редкостью, таким образом, уже в начале своей деятельности Елизавета Петровна проявила себя как прогрессивно мыслящий педагог²⁹.

В начале 1870-х гг. она переезжает в Петербург — подобный исход женщин из провинции носил в то время массовый характер, так как столичная жизнь предоставляла больше возможностей для профессиональной реализации. С этого времени началась литературная деятельность Свешниковой, сначала как сотрудницы журнала «Детское чтение», а впоследствии и других периодических изданий.

²⁹ Проблема совместного обучения являлась предметом обсуждения в педагогической печати и в более позднее время; см.: Гнейст Р. О совместном обучении мальчиков и девочек и о высшем образовании женщин // Женское образование. 1878. С. 141–156, 215–224; Свешникова Е. Избегаемая сторона воспитания // Педагогический листок. 1880. № 4.

В 1877–1881 гг. в газете «Кронштадтский вестник» под псевдонимом *Некто из толпы* она помещала обзоры «текущей литературы», информируя читателей о наиболее примечательных новинках, появившихся в печати. Особенно оперативно она реагировала на произведения М. Е. Салтыкова, стремясь актуализировать их для широкой читательской аудитории. Стремлением донести до читателя наиболее важные мысли писателя объясняется обильное цитирование его текстов, которое мы находим в этих рецензиях. Хотя Свешникова не всегда адекватно интерпретировала отдельные произведения Салтыкова, она глубоко понимала основной пафос его творчества: «Салтыков-Щедрин глубоко и бескорыстно любит Россию, и все любящие ее тоже глубоко и бескорыстно, любят его. Он — *лучший* выразитель их *лучших* взглядов. Не западник он, не славянофил, не либерал, не консерватор — вообще не лицо какой бы то ни было партии. Он — вернейший сын своей страны, в высшей степени чутко относящийся ко всякому ее страданию, явному или тайному, ко всякой опасности, грозящей как со стороны врагов, так и со стороны друзей...»³⁰

Наряду с газетными рецензиями Свешникова печатала педагогические заметки и статьи в журналах «Педагогический листок Санкт-Петербургских женских гимназий», «Воспитание и обучение» и др. В 1876 г., когда «Педагогический листок» под редакторством В. Д. Сиповского был преобразован в «Женское образование», Свешникова становится одной из ведущих сотрудниц журнала: она ведет постоянный отдел критики и библиографии (с 1887 г. — только рубрику книг для народного чтения) и продолжает печатать статьи, основой которой служил ее собственный педагогический опыт. В этих статьях, свидетельствующих о нестандартном отношении к ребенку, в полной мере проявились такие качества автора, как «настоящий свободный ум и активное добро»³¹. В системе педагогических представлений Свешниковой каждый ребенок — это индивидуальность, личность, нуждающаяся в особом подходе к нему школы. Она полемизировала с постулатом Руссо и его последователей о том, что изменение неблагоприятных условий жизни ребенка способствует выработке из него «нового человека». Надо не «пересоздавать» инстинкты, но «пользоваться ими и направлять их», не искоренять наследственные черты, но «утилизировать» их — так считала Свешникова³². Едва ли не первой в России она начала писать о необходимости полового воспитания детей, что естественно вытекало из ее идеи индивидуального подхода к ним. Новаторский характер ее публикаций рецензенты видели в том, что, вопреки сложившимся представлениям, она вела речь не о педагогическом искусстве, а о «педагогической технике», основываясь на том, что «материал педагога — живой человек — вечно разнообразный, всегда отличный от себе подобных»³³.

Журнал «Женское образование» был характерным явлением времени, когда в центре общественных дискуссий оказался вопрос о социальной роли женщин.

³⁰ Кронштадтский вестник. 1881. № 8. С. 1.

³¹ Гревс Ив. В годы юности: (За культуру). Отрывок второй // Былое. 1921. № 16. С. 157.

³² Женское образование. 1879. С. 311.

³³ Чепа Адр. [Обзор]: Женское образование. 1876. № 3–8 // Педагогический музей. 1876. № 12. С. 743.

В своей журнальной работе Свешникова уделяла много внимания проблемам женского воспитания и образования, обращаясь, прежде всего, к вопросам профессионализации. Она сотрудничала с известными деятельницами женского движения Е. И. Конради и М. К. Цебриковой, которых в своей автобиографии называет «самыми близкими друзьями», и явилась одной из тех женщин, кто внес значительный вклад в утверждение эмансипационных идей.

Другая важнейшая ее тема, также отвечавшая духу времени, касалась распространения грамотности в народной среде. «Порыв к знанию» в 1860–1870-е гг. охватил всё общество и явился характерной приметой эпохи: «на каждого более знающего возлагали нравственную обязанность учить менее знающих»³⁴. Этому посвятили себя многие женщины из образованных сословий, которые не только занимались преподаванием, но активно участвовали в «составлении, распространении, чтении народных изданий, теоретическом исследовании вопроса»³⁵.

В условиях общественного подъема 1860-х гг. и позднее просвещение народа представлялось одним из реальных способов уничтожения сословных преград. Проблема народного чтения ощущалась как особенно актуальная, потому что выпуском книг для народа занимались в основном издатели-промышленники, преследовавшие коммерческие цели, и отдельные попытки интеллигенции вмешаться в процесс формирования читательских вкусов народной аудитории не изменяли общего положения вещей. С 1860-х гг. участие интеллигенции в создании литературы для народа приобретает массовый характер, но только с середины 1880-х гг., когда по инициативе Л. Н. Толстого было образовано издательство «Посредник», это вмешательство становится по-настоящему действенным.

Свешникову, по ее собственному признанию, всегда интересовали вопросы «легкого народного чтения» и «распространения книг, доступных по цене и по объему»³⁶. В 1870-е гг. она сближается с теми кругами интеллигенции, которые занимались библио-социологической и книгоиздательской работой. В середине 1880-х гг. Свешникова находит единомышленников в кружке молодых людей, назвавших свое содружество «Братством». Братья Ф. Ф. и С. Ф. Ольденбурги, Д. И. Шаховской, В. И. Вернадский, А. А. Корнилов, И. М. Гревс и другие его участники впоследствии приобрели признание и известность в различных сферах деятельности³⁷,

³⁴ Щепкина Е. Из истории женской личности в России. СПб., 1914. С. 289.

³⁵ Рапопорт С. А. Очерки народной литературы / С. А. Ан-ский. СПб., 1894. С. 72.

³⁶ ИРЛИ РАН. Ф. 377. Оп. 6. № 3192. Л. 3.

³⁷ С. Ф. Ольденбург (1863–1934) — востоковед, этнограф, общественный деятель; Д. И. Шаховской (1862–1939) — общественный и государственный деятель, один из лидеров либеральной оппозиции, литературовед; В. И. Вернадский (1863–1945) — естествоиспытатель, основоположник комплекса современных наук о Земле, создатель учения о биосфере и ноосфере, философ, общественный деятель; А. А. Корнилов (1862–1925) — историк, политик, общественный деятель; И. М. Гревс (1860–1941) — историк, педагог, общественный деятель. Все они по своим общественно-политическим убеждениям были конституционными демократами.

Федор Федорович Ольденбург (1861–1914) — в 1887–1914 гг. преподаватель педагогики и психологии, заведующий учебно-воспитательной частью школы. Родился в 1887 г. в семье потомственного дворянина. Окончил историко-филологический факультет Петербургского университета. Вместе с Е. П. Свешниковой создал в 1892 г. Справочно-педагогическое бюро для обработки

но в 1880-е гг. все они придавали самое серьезное значение вопросам «духовного развития народа» и «проблемам, связанным со школой и народной литературой»³⁸. В воспоминаниях И. М. Гревса сохранилось единственное известное нам мемуарное свидетельство о Свешниковой. Он пишет о ней как об «удивительном человеке <...> по ее духу спокойного, почти бессознательного самоотречения»: «Образованная и сведущая, она всегда довольствовалась скромными видами деятельности <...> Вечно „в работе пребывающая“, богатая памятью и выдержкой, она являлась всегда „на минутку“, с ридикюлем, полным деловых бумаг <...> и всегда приносила матерьял, мысль, помощь и труд. Она <...> казалась сухой и холодною, сама любила себя так называть; но в душе ее таился большой запас любви к другим, всегдашней готовности разделить всё с имеющим нужду»³⁹.

В среде интеллигенции обсуждался вопрос о доступности для малограмотного читателя «большой» литературы. Свешникова полагала, что малограмотный читатель не способен без определенной подготовки приобщиться к литературе образованных сословий и потому нуждается в специальных книгах. Такого рода работой — адаптацией известных произведений литературы для народного читателя — она занималась на протяжении многих лет. В 1885—1887 гг. Свешникова сотрудничала в издательстве «Посредник», что стало основанием для ее знакомства с Л. Н. Толстым.

О требованиях Свешниковой к народной книге можно судить по ее критико-библиографическим обзорам. В журнале «Воспитание и обучение» она опубликовала рецензии на произведения Толстого, в которых определяла качества, необходимые для народных книг, — «живая речь» и «живая душа»⁴⁰. Лучшим произведением Толстого Свешникова называла рассказ «Упустишь огонь — не потушишь», объясняя это тем, что «ни в одной из всех прочих книг нет такой трезвой красоты мысли в связи с таким безукоризненно прекрасным и понятным языком»⁴¹.

Толстой не оставил публичных откликов о литературной работе Свешниковой, но сохранились его «домашние» отзывы, связанные с подготовкой ее книжек к изданию. Получив рукопись «Брат на брата» (переложение эпизода из романа В. Гюго «Девяносто третий год»), он пишет одному из своих адресатов: «Я вчера прочел <...> вслух при наших и кузминских детях и взрослых. Всех захватило. Язык небезупречный в описаниях, но поправлять не буду <...> И так хорошо»⁴². Свое впечат-

педагогической информации. С 1903 г. член Тверского общества любителей истории, археологии и естествознания. Для обобщения педагогического опыта и распространения научных знаний среди учителей организовал в 1907 г. Общественно-педагогический кружок. По его инициативе открыты Постоянные педагогические курсы тверского губернского земства в 1912 г., Ольденбург положил начало текущей школьной статистики в России, участвовал в работах общеземских съездов по народному образованию в 1911 и 1913 гг., член орфографической подкомиссии Академии наук.

³⁸ Страницы автобиографии В. И. Вернадского. М., 1981. С. 44. Запись в дневнике В. И. Вернадского от 22 мая 1884 г.

³⁹ Гревс Ив. В годы юности: (За культуру). Отрывок второй. С. 155—157.

⁴⁰ Воспитание и обучение. 1886. № 1. С. 19.

⁴¹ Воспитание и обучение. 1886. № 10. С. 201.

⁴² Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: В 90 т. М., 1935. Т. 85. С. 210—211. «Кузминские дети и взрослые» — семья сестры С. А. Толстой Татьяны Андреевны, в замужестве Кузминской.

ление он подробнее объясняет в письме к другому адресату: «Язык однохарактерный и в разговорах даже очень хорош и чувствуется Нуго, т. е. великий мастер»⁴³. Толстой придавал большое значение умению передать дух произведения, и корректные в этом смысле переложения Свешниковой он воспринимал, как видим, вполне сочувственно.

Кроме литературных занятий, Свешникову с Толстым объединяла глубокая симпатия к Вильяму Фрею — таким именем называл себя Владимир Константинович Гейнс (1839—1888), русский дворянин, порвавший со своей средой и посвятивший жизнь поискам истины⁴⁴. Получив прекрасное образование и благополучно начав военную карьеру, он в конце 1860-х гг. эмигрировал в Америку, где прошел через неудачный опыт жизни в земледельческих коммунах. В середине 1870-х гг. вместе с несколькими русскими эмигрантами он сам организовал такую коммуну, но и эта затея не имела успеха. В Америке Фрей познакомился с философским учением Огюста Конта и Герберта Спенсера и стал горячим проповедником позитивистской «религии человечества» — теории Конта, подменявшей идею Бога идеей человечества как саморазвивающегося организма и утверждавшей господство в обществе принципов альтруизма.

Приехав в Россию, Фрей нашел сочувствие в кругах интеллигенции, в том числе и в петербургском кружке, к которому принадлежала Свешникова. Она оказалась посредником в его отношениях с Толстым⁴⁵. В одно из писем к Фрею она включила копии заметок Толстого на одном из писем Фрея. Пытаясь объяснить характер этих заметок, Свешникова выражает собственное понимание личности и значения Толстого: «Они (заметки. — Е. С.) были сделаны им для себя, и он мне сказал, что если найду некоторые из них резкими, то могу их вам не сообщать, т.<ак> к.<ак> он ни в коем случае не желал оскорблять ваши верования <...> Толстому надо предоставить идти как он идет; избирать новый путь было бы для него, я думаю, слишком мучительно. Он на одном остановился. И вдруг ему увидеть, что это „одно“ неверно, что надо еще идти к другому. Он уже стар; это может его испугать (бессознательно для него); „где же конец“. Он желает жить и дожить „не греша“ и сторонится — мало того, что сторонится, а просто отбивается — от сомнений, которые с той или другой стороны могли бы еще охватить его. Это инстинктивная самозащита, а не упрямство, как могло бы быть у других. За это вы не разлюбите его, конечно; помимо личной его симпатичности, доброты, ума, у него не может никогда быть вычеркнут из счета тот горячий порыв, который столько захватил и поднял за собой»⁴⁶.

⁴³ Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений. Т. 63. С. 254.

⁴⁴ О нем: Вильям Фрей // Русские Пропилеи. Т. I. Материалы по истории русской мысли и литературы / Собр. М. Гершензон. М., 1915. С. 276—362; Короленко В. Г. История моего современника: В 2 кн. Л., 1976. Кн. 2. С. 140—141.

⁴⁵ После отъезда Фрея из России Свешникова поддерживала отношения с ним, о чем свидетельствуют опубликованные М. О. Гершензоном письма Фрея к русским друзьям. Прочитав одно из них: «...я получал и получаю очень частые и очень хорошие письма от Елизаветы Петровны <...> они производят на меня чрезвычайно отрадное, освежающее впечатление...» (Русские Пропилеи. Т. I. С. 349).

⁴⁶ ОР Государственного музея Л. Н. Толстого. Фонд Толстого. Ж/д (п. 4). К7-19500. Л. 14—15 об.

В этом письме интересны и возражения Свешниковой Фрею, для которого были равнозначны фигуры Конта и Христа: «Христос, Будда, Магомет являются посредниками; но Конт не является посредником и не стоит рядом с ними, т.<ак> к.<ак> они воплощали в себе известное мирозерцание, а он только указывал на способ мирозерцания. Христианином нельзя быть, не любя и не чтя Христа, буддистом — не любя и не чтя Будды, а Религию Человечества можно признавать или исповедовать, не чувствуя ничего особенного по отношению к Конту. Он даже менее, чем пророк, потому что у него не предчувствие и предвозвестие, а просто он додумался — ум открыл и сообщил другим»⁴⁷. В личности самого Фрея Свешникову привлекало отсутствие эгоизма, сосредоточенности на себе, что отвечало ее собственным жизненным установкам: «прогнать от себя „индивидуализм“, жить и чувствовать больше за других, чем за себя»⁴⁸. Этот органичный альтруизм был основой того «спокойного, почти бессознательного самоотречения», о котором писал современник; вероятно, его ощущал и Толстой, назвавший Свешникову в своих дневниковых записях «милою».

В издательстве «Посредник» вышло шесть книг Свешниковой, первая из которых — очерк жизни Франциска Ассизского. Это в определенном смысле символично, так как Святой Франциск являл собою тот тип идеалиста, который был очень близок ей. В одной из статей Свешникова писала: «Разве горячий идеалист Франциск не вернется еще много раз, под тем или другим именем, в истории человечества? Если бы не верить во все это, то нельзя бы жить»⁴⁹.

В других издательствах Свешникова опубликовала переложения романов И. И. Лажечникова «Басурман» и «Ледяной дом», А. К. Толстого «Князь Серебряный», драматической хроники А. Н. Островского «Козьма Захарьич Минин-Сухорук» и др. Все ее книги выдержали множество переизданий, библиосоциологические данные свидетельствуют, что они пользовались большим спросом в читательской среде. В отчете о деятельности Трегубской волостной библиотеки (Старицкого уезда Тверской губернии) находим информацию о том, что с 1 октября 1894 г. по 1 апреля 1895 г. свешниковское переложение романа «Басурман» читалось 7 раз, а романа «Князь Серебряный» — 21 раз⁵⁰. Такая востребованность во многом объяснялась скудостью репертуара народного чтения, но не последнюю роль сыграли и достоинства работ Свешниковой. Ее переложение «Князя Серебряного» критики оценивали как «образцовое переложение», «совершенно сохранившее достоинства оригинала»⁵¹. Рецензенты подчеркивали особую сложность работы с «образцовым литературным произведением», находя, что составительница прекрасно выполнила свою задачу: «Мы не нашли в ее книжке ни одной недомолв-

⁴⁷ Там же. Л. 19 об.—20.

⁴⁸ ОР ГМТ. Фонд Толстого. А-7. Б. л. 184/89. Л. 2—2 об.

⁴⁹ Воспитание и обучение. 1886. № 2. С. 46.

⁵⁰ Доклады и отчеты Тверской губернской земской управы по школе Максимовича и проч. Материалы по народному образованию за 1886—1896 гг. [Б. м.], [Б. г.]. С. 13.

⁵¹ Что читать народу? Критический указатель книг для народного и детского чтения / Сост. Х. Д. Алчевская и др. СПб., 1889. Т. 2. С. 683—684.

ки <...> ни одного лишнего штриха: всё сжато, ясно, сильно, и притом вся книжка изложена прекрасным, характерным языком»⁵².

Свешникова была автором оригинальных сочинений для народного чтения, одно из которых имело характерное название «Любимая книга». В библиографическом обзоре 1886 г. она писала: «Любимую книга делается для человека тогда, когда она более или менее ясно отвечает на какой-нибудь внутренний вопрос»⁵³. А в 1903 г. появился рассказ, наглядно демонстрирующий эту мысль. Это незамысловатая, предельно просто рассказанная история о мастеровом, который благодаря книге понял, как неправильно и бессмысленно его существование. Содержание рассказа выглядит наивно-идиллическим, но не будем спешить с ироническими оценками. Дидактизм и наглядность — неотъемлемые качества того откровенно воспитательного жанра, который представляли собой книги для народа. Читая даже Толстого, самого талантливого из всех работавших в этом жанре, нельзя избавиться от впечатления упрощенности и схематизма. Для Свешниковой же рассказ о любимой книге, перевернувшей жизнь простого человека, органичен потому, что ее собственная жизнь была связана с народной книгой, и сам рассказ — как бы зримое воплощение плодотворности тех усилий, которые предпринимала интеллигенция для образования народного читателя. О том, насколько важным событием оказывалась в этой среде книга, существует немало свидетельств. Например, ученица воскресной школы прочитала дома вслух книгу Е. Тур «Катакомбы», после чего ее неграмотный отец сказал: «Это первая книга, которую я слушал, — понимаю я теперь, какую силу имеет над человеком чтение»⁵⁴.

С народным образованием была связана и служебная деятельность Свешниковой. Почти 18 лет она возглавляла воспитательную работу в Тверской женской учительской школе, изначально привлекавшей ее «как одно из таких гнезд, где вырастают будущие учительницы»⁵⁵. Деятельность Свешниковой оказалась особенно успешной, потому что рядом были единомышленники, а с Ф. Ф. Ольденбургом ее связывала общая деятельность по изучению народной литературы в петербургском кружке. «Благодаря главным образом усилиям Ф. Ф. Ольденбурга и Е. П. Свешниковой школа поставлена на высоту образцового педагогического заведения»⁵⁶.

О постановке учебного дела в школе Максимовича Свешникова пишет в очерке «Из переписки с сельскими учительницами»⁵⁷ и в отчете об организации школьной жизни, написанном ею 15 июля 1904 г. (ГАТО). В нем она обращает внимание на то, что в школе «наград и наказаний нет; есть только разговоры, замечания, выговоры», — таким образом устранялись внешние побудительные стимулы к учению и усиливалось чувство личной ответственности. Ученицам стремились дать разностороннее образо-

⁵² Женское образование. 1885. № 10. С. 680.

⁵³ Воспитание и обучение. 1886. № 1. С. 18.

⁵⁴ Что читать народу? Т. 1. С. 597.

⁵⁵ Образование. 1896. № 1. С. 75.

⁵⁶ Веселовский Б. Б. Исторический очерк деятельности земских учреждений Тверской губернии. Тверь, 1914. С. 250.

⁵⁷ См.: Свешникова Е. П. О детях и взрослых / Науч. ред. Е. Н. Строганова. Тверь, 2007. С. 95–120.

вание, расширить их культурный кругозор и вместе с тем заботились об их отдыхе и физическом здоровье. Например: «В 1903 г. воспитанницы 4-го выпускного класса ездили с начальницей и двумя надзирательницами на неделю в Москву для осмотра ее достопримечательностей. Весной и ранней осенью бывают обыкновенно две-три прогулки за город: пьют чай, устраивают игры, собирают цветы»⁵⁸. Свешникова ввела и образовательные экскурсии в Москву, первая из которых состоялась в 1891 г. Этой и всем последующим поездкам предшествовала большая подготовительная работа, детали которой восстанавливаются, например, по письму Свешниковой к Н. Е. Вернадской от 10 февраля 1902 г. Характерно уже объяснение причин поездки: «Заучились девицы, побледнели, осунулись, надо их встряхнуть, освежить»⁵⁹. Начальница пишет девять обращений к своим московским знакомым с просьбой найти недорогое проживание — и это только первый этап подготовки, требовавшей еще немалых усилий. Результат, однако, оправдывал затраты времени и сил, что становится понятно после знакомства с очерком Свешниковой «Поездки в Москву»⁶⁰.

Наглядное представление об уровне школы и ее нравственной атмосфере дает один из драматических эпизодов января 1905 г. — попытка самоубийства ученицы 3-го класса Марии Куприановой. В архиве сохранились три документа, написанные рукою Свешниковой.

1. Письмо от 14 января на имя директора народных училищ Н. Ф. Добровольского — рассказ о том, что произошло накануне, 13 января: как была обнаружена ученица, какие меры приняли, как обстоят дела в настоящее время. «Я пока не говорю с нею о происшествии, вызвала из Вышнего Волочка ее мать и жду ее приезда, чтобы тогда выяснить себе причины случившегося. Куприанова теперь на вид спокойна и даже весела».

2. Письмо к Н. Ф. Добровольскому, сообщающее о приезде матери.

«Милостивый государь Николай Феофанович.

Мать Куприановой приехала и, конечно, жаждет разговора с дочерью и о дочери. Может быть, будете добры, приедете теперь же?»

Примите уверение в полном уважении

Е. Свешникова.

17 января 1905 г.

Тверь».

3. Протокол заседания педагогического совета от 18 января, на котором обсуждались два вопроса: «как отнестись к поступку Куприановой» и «в какой мере можно считать неопасным для остальных учениц дальнейшее пребывание Куприановой в школе». Решение педагогического коллектива и сам тон обсуждения можно считать образцовыми с воспитательной точки зрения: «По первому вопросу единогласно признано, что Куприанова поступила бессознательно, под влиянием временного болезненного состояния. Относительно второго вопроса указано, что одноклассницы были бы очень огорчены удалением Куприановой, так как относятся к ней хорошо;

⁵⁸ ГАТО. Ф. 20. Оп. 1. Ед. хр. 6506. Л. 9.

⁵⁹ Архив РАН. Ф. 518. Оп. 7. № 390. Л. 26.

⁶⁰ См.: Свешникова Е. П. О детях и взрослых. С. 84—94.

подражания ей опасаться нельзя, никто не увидел в ее поступке ничего привлекательного. Постановлено решение оставить Куприанову в школе и обращать особенное внимание на ее здоровье и настроение»⁶¹.

Эти документы не только характеризуют атмосферу школы, но и дают представление о ее начальнице как благородном и умном человеке, стремившемся воспитать и поддержать в ученицах и чувство сострадания, и веру в собственные силы. Очень интересны в этом смысле фрагменты писем бывших выпускниц, включенные Свешниковой в статью «Из переписки с сельскими учительницами», которые наглядно демонстрируют плоды школьного воспитания.

Наряду с непосредственными служебными занятиями Свешникова находила время для критической и библио-социологической работы. Живя в Твери, она оставалась сотрудницей «Женского образования» (с 1892 г. журнал назывался «Образование»), где помещала обзоры народных книг. В 1892–1898 гг. Свешникова возглавляла Справочно-педагогическое бюро при Тверской губернской земской управе, ведавшее школьной статистикой и вопросами школьного и народного чтения, и создала при бюро библиотеку педагогических и народных изданий, насчитывавшую около 8 тыс. книг⁶². В 1905 г. она составила каталог книг, принадлежавших библиотеке школы, заложив основы их библиографического учета⁶³. В дар школе Свешникова оставила свои книги, в том числе и библиотеку народных изданий. Культурологическая ценность этих книжек особенно велика потому, что многие содержат пометы: работая с ними, Свешникова писала свои библиографические обзоры и составляла библиотечные каталоги. Как целостное образование эта библиотека представляет собой явление уникальное: по всей видимости, это единственная дошедшая до нашего времени «живая» библиотека народных изданий.

Елизавета Петровна покинула Тверь в 1905 г. Еще ранее — в 1903 г. — она предприняла попытку открыть в Твери частное женское учебное заведение. Обстоятельства, вызвавшие ее стремление продолжить педагогическую деятельность вне школы Максимовича, неизвестны, но проект этот не осуществился. В августе 1905 г. Свешникова взяла двухмесячный отпуск и в Тверь уже больше не возвращалась: адресованное в Попечительный совет школы ее прошение об отставке написано в Петербурге и датировано 18 октября⁶⁴. Свою добровольную отставку она мотивировала «сильным болезненным утомлением»⁶⁵. Другое объяснение приводит сменившая Свешникову на посту начальницы школы О. В. Кайданова: «...она ушла из школы <...> признав, что не чувствует себя в силах руководить молодежью, охваченной новыми веяниями после 1905 года»⁶⁶.

⁶¹ ГАТО. Ф. 20. Оп. 1. Ед. хр. 6506. 26–28.

⁶² Доклад Тверской губернской земской управы по народному образованию. 1901–1902. [Б. м.], [Б. г.]. С. 19.

⁶³ Вышинская М. Путеводитель по библиотеке школы Максимовича // Архив ШИМ НБ ТвГУ. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 2 об.

⁶⁴ ГАТО. Ф. 20. Оп. 1. Ед. хр. 6717. Л. 12.

⁶⁵ Там же. Ед. хр. 6595. Л. 2.

⁶⁶ Кайданова О. Очерки по истории народного образования в России и СССР на основе личного опыта и наблюдений. Берлин, 1938. С. 176.

Сведения о последних годах Свешниковой, которая скончалась 27 сентября 1918 г., очень скудны. Жила она в Петербурге, в доме С. Ф. Ольденбурга, под-держивала тесные связи с членами бывшего «Братства»⁶⁷. Короткие письма и записки Свешниковой, адресованные В. И. и Н. Е. Вернадским, свидетельствуют о том, что по-прежнему главными для нее оставались интересы других людей. Лишь в одном письме содержится некое подобие лирического отступления, вызванного необходимостью объяснить свои поступки: «Не была я у вас в субботы. И впредь не обещаю. Вы не можете представить себе, какого огромного труда стоит для меня „идти в гости“. По делу могу идти всегда и всюду, а в гости — нужно невероятное усилие. Всегда так чувствовала, а теперь, конечно, чем дальше, тем сильнее?»⁶⁸ Елизавета Петровна поддерживала общение и с подругами по женскому движению: в автобиографии, написанной в 1913 г., она сообщает о том, что с осени 1906 г. занимает место кассира на Высших женских курсах. Практически до конца жизни Свешникова не оставляла литературных занятий как критик и рецензент педагогических журналов начала XX в., но эта часть ее библиографии должна быть существенно дополнена.

Жизнь Свешниковой являет собой яркий пример органичного служения высоким гуманистическим целям. Альтруистическая идея «активного добра» была ее осознанной позицией и основным жизненным принципом. Характерны в этом смысле сведения В. Д. Сиповского, который рекомендовал Свешникову на должность начальницы школы: «...вологодские труженики, приезжая в Питер, получают от нее не только советы, но бедняки и денежные пособия»⁶⁹. Ту же заботу о других, граничащую с аскетизмом, видим и в Твери. В 1901 г. земская управа выделила Свешниковой 1 тыс. рублей на лечение за границей, однако она возвратила их земству, мотивируя тем, что «оказалось достаточным употребить лечение климатическое, без курортов» и такая поездка была доступна для ее личных средств. Свешникова просила употребить деньги «в пользу улучшения гигиенических условий школы П. П. Максимовича — например, приискав способы лучшего устройства вентиляции в ней»⁷⁰.

На примере судьбы Елизаветы Петровны Свешниковой в очередной раз становится понятно, какими лагунами изобилует русская история, и история женщин в частности. Во многом это связано с тем, что на протяжении долгого времени исключительное внимание уделялось революционным тенденциям в общественном движении и вне поля зрения исследователей оставалась культурная, просветительская деятельность, не преследовавшая радикальных политических целей. Между тем такого рода деятельность была одной из характерных страниц в истории женского движения 1870–1880-х гг.

⁶⁷ См.: Архив РАН. Ф. 518. Оп. 7. № 390 (Письма Е. П. Свешниковой к Н. Е. Вернадской); Ф. 518. Оп. 3. № 1466 (Письма Е. П. Свешниковой к В. И. Вернадскому).

⁶⁸ Архив РАН. Ф. 518. Оп. 3. № 1466. Л. 12–12 об.

⁶⁹ ГАТО. Ф. 800. Оп. 1. Ед. хр. 1514. Л. 13 об. — 14.

⁷⁰ Цит. по: Школа Максимовича / Сост. Т. А. Ильина. Тверь, 1992. С. 29.

Н. А. Кун

Имя Н. А. Куна хорошо известно каждому образованному русскому человеку — ведь именно с него начинается знакомство с историей классической античности. Собранные им и литературно обработанные мифы Древней Греции и Рима мало у кого остаются вне поля зрения и входят в круг детского (да и не только) чтения. Книга «Легенды и мифы Древней Греции», издававшаяся миллионными тиражами, выдержала более сотни изданий, переводилась на все основные европейские языки и языки народов СССР. Но, как оказалось, найти сведения о жизни ее автора не так-то просто: личность историка обошли вниманием энциклопедии и справочники, нет никакой биографической информации в предисловиях к многочисленным изданиям его книги. Выяснить даже годы жизни и увидеть портрет Н. А. Куна оказалось проблематичным. Только благодаря личному знакомству с внучкой историка Инной Ипполитовной Кун-Немировской, которая передала в Научную библиотеку ТвГУ много документов из архива историка, мы можем восстановить его биографию. Для нас же имя классика отечественной исторической науки особенно дорого, потому что карьера его как педагога и ученого началась именно в нашем городе⁷¹.

Родился Николай Альбертович в Москве, как записано в его формулярном списке, 12 октября 1877 г. в старинной дворянской семье⁷². Его мать Антонина Альбертовна, урожденная графиня Игнатьева, была талантливой пианисткой, ученицей А. Рубинштейна и П. Чайковского. Отец Альберт Францевич Кун — выходец из семьи, имевшей глубокие немецкие и англо-шотландские корни.

В 1903 г. Н. А. Кун закончил историко-филологический факультет Императорского Московского университета с дипломом первой степени. Среди его учителей были выдающиеся историки В. О. Ключевский, П. Г. Виноградов, В. И. Герье, филолог Н. Е. Корш и другие. Несмотря на несомненные успехи в учебе (он получил премию имени Сазиковой за реферат «Олигархия 400 в Афинах в 411 г. до н. э.», которую обычно давали приват-доцентам), Куна не оставили при университете, скорее всего из-за участия в студенческом движении. Поэтому он и начинает свою деятельность в провинции, недалеко от столицы — в Твери. Первым местом его службы становится земская женская учительская школа им. П. П. Максимовича,

⁷¹ И. И. Кун-Немировская передала в 2009 г. в архив школы копию с рукописной автобиографии Н. А. Куна, которая уточняет некоторые данные. Эти уточнения отражены в нашей работе. Другие источники см.: Нижегородский университет. 2004. № 2 // URL: <http://icsfi.unn.runnet/gazet> (статья Н. Потаповой); Нижегородский музей. 2003. № 1 // URL: <http://museum.nnov.ru> (воспоминания И. И. Кун-Немировской); URL: www.nffedorov.ru/na-pca (описание фонда Кунов-Немировских (№ 169) Центра документации «Народный архив»); Интерпретатор мифологии // Знаменательные даты: Универсальный энциклопедический календарь [на 2007 г.]. [М., 2006]. С. 246 (портрет); ГАТО. Ф. 13 (Тверская частная гимназия А. А. Римской-Корсаковой); Ф. 20 (Директор народных училищ); Ф. 861 (Тверская земская женская учительская школа им. П. П. Максимовича); Ф. 510 (Тверское губернское по делам об обществах присутствие).

⁷² ГАТО. Ф. 13. Оп. 1. Ед. хр. 406. Л. 45 об. В семье отмечали не эту дату, а именины — 21 мая, которую и запомнила И. И. Кун-Немировская, и с ее слов этот день был принят за день рождения (Календарь знаменательных дат на 2007 г.).

где Кун занимает место преподавателя русского языка в старших (3 и 4-м) классах. Начальница школы Е. П. Свешникова пригласила Куна занять вакантное место, которое образовалось после того, как учитель А. М. Суворовский уехал в Новгород. Два с половиной учебных года: 1903/1904, 1904/1905 и 1905/1906 (до декабря 1905 г.) — были отданы школе, именно здесь началась деятельность Куна как педагога и ученого. И. И. Кун-Немировская пишет, что в школе ее дед прочел первую лекцию по истории Древнего мира. Научная библиотека Тверского госуниверситета, которой досталось книжное наследие школы Максимовича, до сих пор хранит издания, подписанные рукой Куна.

Мы уже отмечали тот факт, что Кун существенно меняет направление изучения русской литературы: если до него изучалась в основном *теория* литературы, то именно Кун начинает изучение *истории* литературы.

Учителя дореволюционной Твери редко работали в одном месте, и уже с апреля 1904 г. Кун начинает преподавать историю в старших классах частной женской гимназии А. А. Римской-Корсаковой, где в 1904/1905 учебном году станет штатным преподавателем. Помимо истории, он преподавал здесь географию и методику русского языка в дополнительном 8-м классе. 2 августа 1905 г. Кун становится председателем педагогического совета гимназии Римской-Корсаковой, в этой должности он остается до 7 ноября 1906 г. В автобиографии он пишет: «В начале декабря 1905 г. был выслан по распоряжению губернатора из Твери и мне было предложено выехать за границу. За границей пробыл до конца 1906 г и работал в заграничных университетах, главным образом в Берлинском»⁷³. За время его отсутствия руководил педагогическим советом Л. А. Колаковский, который с ноября 1906 г. официально занял эту должность. В этом же учебном заведении один год (1907/1908) училась родная сестра Куна Антонина Альбертовна (1889 г. р.), которая после окончания Курской гимназии поступила сюда в 8-й дополнительный класс и через год получила диплом домашней наставницы. Известно, что Кун был одним из инициаторов создания Общественно-педагогического кружка, игравшего большую роль в культурной жизни города и объединявший видных педагогов во главе с Ф. Ф. Ольденбургом⁷⁴. В 1904 г. Кун начинает читать лекции в различных рабочих аудиториях, воскресной школе для рабочих, которая по распоряжению губернатора в этом же году была закрыта.

Н. А. Кун

⁷³ Копия автобиографии Н. А. Куна // Архив ШИМ НБ ТвГУ.

⁷⁴ См. об этом кружке: Федоров А. И. Тверской Общественно-педагогический кружок и его участие в педагогическом образовании Тверской губернии: (Ист. очерк) // Материалы Общества изучения Тверского края. 1928. № 6. С. 77–88.

19 сентября 1906 г. в газете «Тверские губернские ведомости» появляется сообщение о том, что в Твери открывается частное реальное училище, в котором помимо традиционной программы предполагается для желающих преподавание латинского и греческого языков. Изучение классических языков было нетрадиционно для реальных училищ, но училище открывал Кун, знаток и поклонник этих языков. Среди учредителей училища ближайшие товарищи Николая Альбертовича: Л. А. Колаковский, священник о. Николай Флеров, В. В. Иллюминарский, С. В. Адлеров. Даже после отъезда Куна в Москву летом 1908 г. училище еще долго в официальных документах будут именовать «частным реальным училищем Куна». Два учебных года Кун является руководителем этого заведения. Содержит ли он его после отъезда из Твери — неизвестно, но только с 1914 г. училище станет называться «общественным реальным училищем».

В январе 1907 г. в Твери был открыт Народный университет — общество для распространения знаний в народе. Одним из его организаторов, а впоследствии председателем совета стал Кун. Вполне возможно, что он читал здесь лекции по истории культуры. С этого момента начинается широкая просветительская деятельность историка, которой он посвятит всю свою последующую жизнь. К большому сожалению, история частных учебных заведения Твери, так же как и Народного университета, остается белым пятном в краеведении: никаких серьезных исследовательских источников о них обнаружить не удалось.

К моменту приезда в Тверь Кун был женат и имел дочь Евгению (28.01.1902—1930), а в «тверской период» у него родилось еще двое детей: сын Ипполит (5.02.1904—1932) и дочь Антонина (14.02.1907—1924). Жена Елена Францевна (урожд. Роупер, 1870—1961), была 12-м ребенком в родовой англо-шотландской семье с немецкими ветвями. Ее семья была категорически против брака дочери с начинающим ученым. Поэтому молодые обвенчались тайно и отказались от наследства. Когда мать Елены Францевны впервые приехала в Тверь к молодоженам, то для достойной встречи ее они заложили женские украшения и прибегли к помощи друзей-учителей. Известен адрес Кунов в Твери — ул. Козьмодемьянская, дом Михеева.

Семье, по-видимому, по разным причинам были тесны тверские рамки, поэтому в 1908 г. Кун начинает искать место преподавателя в Москве. 3 октября 1908 г. он был официально уволен из гимназии Римской-Корсаковой и переехал в Москву. На этом тверские страницы его жизни были закрыты. О человеческих качествах Николая Альбертовича и уровне его профессионализма в этот период деятельности, к сожалению, практически никаких источников найти не удалось. Тем ценнее одно маленькое свидетельство Л. А. Колаковского, который, отвечая на запрос директора 2-й Московской гимназии, куда переводился Кун, писал о нем так: «Считаю своим долгом присовокупить <...> что талантливое и добросовестное ведение уроков истории г. Куном возбуждало у учащихся интерес и серьезное отношение к этому предмету; а авторитетное и умелое собеседование с ученицами во время начинавшихся волнений в средних школах в 1905—1906 уч. г. в значительной степени способствовало тому, что в учебных заведениях, в которых г. Кун состоял преподавателем, ученические волнения не имели места и занятия все время не нарушались».

и шли совершенно правильно»⁷⁵. А ведь те пять лет, которые Куны провели в Твери, были очень беспокойными: 22 февраля 1904 г. в Твери прошла первая политическая демонстрация; 17 октября 1905 г. — разгром черносотенцами земской управы, вследствие которого пострадало много людей; 25 марта 1906 г. погиб от брошенной бомбы тверской губернатор П. А. Слепцов; 9 декабря 1906 г. убит в Дворянском собрании граф А. П. Игнатьев, видный государственный деятель и, может быть, родственник Куна по матери. Как сказались все эти события в судьбе историка и повлияли ли они на его решение покинуть Тверь, пока сказать трудно.

В 1907 г. Кун опубликовал перевод «Писем темных людей» Ульриха фон Гуттена, видного деятеля Реформации в Германии начала XVI в. Это был первый русский и второй европейский перевод данного произведения, которое ранее считалось непереводаемым, так как являлось сатирой на невежество западных теологов и плохое знание ими латыни. Такая литература для любого переводчика представляет огромную трудность, поскольку требует не только прекрасного знания двух языков, один из которых мертвый, но и сохранения формы сатиры. Книга снабжена предисловием и комментарием, представляющими самостоятельную научную ценность. Автор пишет, что перевод был сделан еще в 1902 г., но напечатать его удалось только в 1907 г. Для этого пришлось его вновь редактировать и снабжать примечаниями. Эту редакторскую работу Кун делал в тверской период. Второе издание вышло в издательстве «Academia» в 1935 г., и специалисты до сих пор настаивают на переиздании книги. В 1910 г. вышла книга «Сказки африканских народов», и можно предположить, что готовилась она тоже в Твери.

Вся дальнейшая деятельность ученого связана с Москвой и Нижним Новгородом. В 1908 г. он был избран профессором всеобщей истории Московских высших педагогических курсов, где работал до их закрытия в 1918 г. Именно эти курсы осуществили издание его перевода «Писем темных людей». Одновременно Кун преподавал в нескольких учебных заведениях Москвы (вероятно, 2-й мужской гимназии, частной гимназии Л. Ф. Ржевской. — Т. И.) и в московском обществе «Народный университет», который в 1915 г. был преобразован в университет им. А. Л. Шанявского.

В 1911–1914 гг. он руководил экскурсиями российских учителей в Риме, где читал лекции в музеях по истории античного искусства, в катакомбах — о первых христианах. Кун читал лекции не только для русских учителей, но и для желающих из разных стран. При этом он говорил на языке туристов, свободно владея двадцатью языками. Рим он знал хорошо, а в библиотеке Ватикана работал над научными статьями. За популяризацию античной культуры ученые вечного города наградили Куна чернильным прибором, который хранится в семье как драгоценная реликвия.

17 января 1916 г. был открыт Нижегородский народный университет (предшественник нынешнего Нижегородского государственного университета), профессором которого он стал. А в 1920 г. Кун занял должность профессора 1-го Московского педагогического института, где преподавал историю культуры, одновременно работая в музыкальном техникуме им. Н. А. Римского-Корсакова. С 1935 по 1940 г.

⁷⁵ ГАТО. Ф. 13. Ед. хр. 406. Л. 38–38 об.

он работал в Московском государственном институте истории, философии и литературы (МИФЛИ). Умер Николай Альбертович во время лекции 28 декабря 1940 г. и был похоронен в поселке Тарасовка под Москвой, где семья снимала дачу.

Кун был очень увлеченным и талантливым человеком. Он любил и понимал астрономию, с удовольствием проводил лекции под открытым небом, на которых рассказывал легенды о названиях созвездий и звезд. Он очень любил театр и сам играл в любительских спектаклях, писал для них пьесы и стихи, имел много друзей среди профессиональных актеров, хорошо читал греческие мифы. Прекрасные художественные способности позволяли ему самому оформлять рассказы и декорации, делать художественные фотографии, практически всю мебель в своем домашнем кабинете Кун смастерил сам, на многих вещах он изображал героев античности. Живя летом на даче, он с удовольствием ухаживал за огородом и цветником, любил лес и реку. Особенно почитал летчиков, часто рассказывал им миф об Икаре, за что они разрешали ему запускать воздушных змеев прямо на аэродроме.

Трагически сложилась судьба детей: все они ушли из жизни очень рано: в 16 лет утонула дочь Антонина, в 30 лет умерла старшая дочь Евгения, писательница и переводчица, в 27 лет трагически погиб сын Ипполит, младшего сына инженера Николая (1910–1942) унесла война. Елена Францевна пережила своего мужа и скончалась в 1961 г. Дочь Ипполита Инна воспитывалась в семье бабушки и дедушки, именно ее воспоминания позволяют сегодня восстановить моменты биографии незаслуженно забытого историка и удивительного человека. Сегодня он удивителен не только обширностью своих познаний и увлечений, но и благородством, внутренним достоинством и высокими нравственными качествами. Чтобы не быть голословной, приведу воспоминания И. И. Кун-Немировской. «Бабушка, Елена Францевна, была англичанка. Когда дедушке надоедал английский язык, он переходил на какой-нибудь другой и иронизировал насчет ее соплеменников. Но бабушка не обижалась, поскольку она его обожала. Елена Францевна без всяких машинок и компьютеров по многу раз переписывала его бесконечные рукописи. Хорошо владея европейскими языками, она скромно вела мужнину переписку. Попутно обучала английскому языку и этикету тех редких ученых, которым надо было выезжать за границу.

Вообще семья наша была удивительная. Я росла у дедушки буквально на письменном столе. Рядом стоял большой комод — на нем был мой кукольный дом. Поскольку бабушка была родом из Альбиона, нас с двоюродной сестрой воспитывали по-английски строго. Садясь есть, дедушка пододвигал бабушке стул, спрашивал, удобно ли ей, и лишь тогда позволял занять место за столом всем остальным. Ни одного словечка во время трапезы мы, дети, не произносили. Никто перед нами не выплясывал: съешь за папу-маму, бабушку-дедушку, хотя очень старались накормить. Еда была здоровая: овощи, молоко. Никаких колбас в доме не водилось — английская бабушка все это строго соблюдала. Я могла сказать лишь: „Большое спасибо, но можно я не буду это есть?“ — „Пожалуйста!“ — говорили старшие, и никаких представлений перед внуками не устраивалось. Хотя дедушка нас с двоюродной сестрой баловал. У каждой был свой карман в его сюртуке. Он приезжал с работы, мы залезали туда, и там обязательно что-нибудь водилось!

Дедушкино воспитание было образовательным. На даче в Тарасовке у меня была палатка, сделанная по всем правилам науки, у меня были лук и стрелы. Я тут же посвящалась в мифологию: почему лук, почему стрелы, что такое кифара, какая богиня или бог покровительствовали тому или иному искусству, ремеслу. Бабушка воспитывала по-своему — трудом, и дедушка это очень поддерживал. В свои пять лет я вязала ему ермолку. И вот в этих самых моих ермолочках — и только в них! — дедушка ходил, пока я не выросла, на заседания ученого совета. А какие письма присылал он нам, детям, из командировок! Он рисовал самые нежные сюжеты, где рассказывалось о том, что с ним сейчас происходит, как он по нам скучает, какой будет воображаемая встреча. В то же время это был богатырь почти двухметрового роста и огромной физической силы. В России ведь мерилом силы была способность согнуть кочергу. Так вот, кочергу он гнул. Умел он также и забор поставить. У него были руки, которые могли всё. Не только рисовать, писать книги, что-то оформлять, но и ладить, мастерить. Он это очень любил. Игрушки на елке и новогодние костюмы мы бесконечно ценили, потому что их делал с нами дедушка. Ночью он тихонько подправлял наши каляки-маляки, и красивей их ничего не было.

Семья была очень религиозная. Дедушка соблюдал все каноны, очень чтил Николая-угодника. Его иконой я благословлена, и в семье у нас много Николаев. Это наше родовое имя. Жили по Божеским заповедям. И всегда у него были подопечные дети — из трудно живших, неустроившихся семей. Тогда профессор, в отличие от сегодняшнего дня, получал больше, чем дворник, и, как правило, дворниками служили приехавшие в Москву татары. У них, как правило, было много детей, и дедушка всех опекал. Очень дружил он тогда с самым знаменитым медиком профессором Сперанским, и тот устраивал консультации для детей, которые сами никогда в жизни до него не добрались бы. Приходили эти дети чумазенькие, бабушка их тут же умывала и кормила. Масса была у дедушки подопечных студентов. И тут я вот о чем хочу сказать. Когда мне, прямому потомку такого человека, говорят, что преподаватель может взять взятку, деньги, у меня наступает прединфарктное состояние. Когда дедушкина книжка в 38-м году вышла, на семью денег не хватило: всё разошлось на его питомцев — очень много ведь было тогда репрессированных, и он старался помочь их детям. Из гонорара мне купили только красивый бант. Я хотела было надеть его в школу, а дедушка говорит: „Иннушка, как ты можешь пойти в класс с таким бантом? У вас есть девочка Зина, у которой умер отец, и в семье осталось трое детей. У нее нет дедушки-профессора, мама не может купить ей такой бант. Как можно пойти с таким бантом в школу?“ Я, наверное, неделю плакала, молилась, просила у Бога прощения за то, что я такая плохая девочка. С тех пор у меня на всю жизнь забито: я никогда не должна быть лучше других, не должна кого-то чем-то поражать. И еще железное правило: никогда не сплетничать ни о ком. Если человек принят в доме, никто не смеет его осудить! Никто не смеет влезать в его личную жизнь, переступать черту дозволенного. И еще — ты девочка дворянского происхождения и помни до последнего дыхания — честь дороже жизни!»⁷⁶

⁷⁶ Цит. по: URL: <http://collegy.ucoz.ru>.

Несколько слов хочется сказать о самой известной книге Куна, которая сейчас чаще всего носит название «Легенды и мифы Древней Греции». На самом деле название это не авторское, появилось оно в 1953 г. и было дано учениками автора. Первое издание книги, которую автор назвал «Что рассказывали греки и римляне о своих богах и героях», вышло в 1914 г. в издательстве «Кушнерев и К°». В обширном введении, содержащем краткий очерк развития греческой и римской мифологии, Кун определяет читателей своей книги как «учениц и учеников старших классов средних учебных заведений»⁷⁷. До революции в гимназиях античной истории уделялось большое внимание, а специального пособия не было. Его-то Кун и создал. Таким образом, сам автор определял свою книгу как учебную, выполняющую просветительские функции. В книге 78 иллюстраций — фотографии с античных скульптур, барельефов и вазовых росписей времен самих мифов. В надписях к иллюстрациям указано место их нахождения (что исчезнет в после-революционных изданиях), а в конце книги есть указатель греческих и латинских имен и названий.

При жизни автора книга вышла еще два раза: в 1922 и 1937 гг. Большого труда для автора стоило издание 1937 г. В названии было добавлено слово *древние*, но исчезло слово *римляне*, теперь оно приняло такой вид: «Что рассказывали древние греки о своих богах и героях». Из содержания исчезло всё, что связано с Римом: названия богов и рассказ о римской мифологии. Сейчас трудно сказать, почему это произошло, но И. И. Кун-Немировская предполагает, что это связано с распространением фашизма в Италии в 1930-е гг. Вокруг этого издания вообще развернулось много споров, вплоть до запрета со стороны чиновников, которые придирались к тому, что боги изображены голыми. Как выход из положения предлагалось поместить фотографии всемирно известных памятников в «урезанном» по пояс виде. Вопрос не решался до тех пор, пока журналисты братья Тур не опубликовали в газете «Известия» фельетон «Олимп в трусиках». Именно благодаря сатире книга была опубликована с нормальными фотографиями. Издание по-прежнему предназначалось для школы, вышло в серии «Библиотека по истории для средней школы», было снабжено введением, но оно очень изменилось. Из него исчез очень хороший научно-популярный очерк, раскрывающий историю развития античной мифологии, но появилось упоминание имен Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, достаточно упрощенное объяснение того, зачем нужно знать мифы, классовый подход в объяснении их содержания. Заметно упрощение и в основном содержании книги. Так, например, если раньше глава называлась «Космогония и теогония», то теперь она озаглавлена так: «Происхождение мира и богов». Издание 1940 г. вышло уже после смерти автора, но название сохранилось такое же, как в 1937 г. Введение в основном совпадает с предыдущим изданием, но в нем усилена идеологическая направленность, имеется цитата из выступления И. В. Сталина. Сейчас трудно сказать, была ли в этом воля самого Куна, поскольку введение всегда печаталось без имени автора. Книга вышла в серии «Библиотека учителя». Таким образом, название, под которым

⁷⁷ Кун Н. А. Что рассказывали греки и римляне о своих богах и героях. М., 1914. Ч. 1. С. 1.

книга бытует в современном читательском пространстве, не принадлежит автору, и, наверное, пора восстановить историческую справедливость. Надо отметить, что ряд современных изданий уже это делает⁷⁸.

Так уж сложилось, что в основном общественность знает Куна как автора одной книги, однако у него достаточно приличный список трудов: «Сказки африканских народов» (1910), «Магомед и магометанство» (1915), «Италия в 1914 г.» (1915), «Сказки цыган» (1921–1922), «Предшественники христианства: восточные культуры в римской империи» (1922), «Первобытная религия», «Сказки народов островов Великого океана», «Греческие колонии на берегу Черного моря» и др. Внучка пишет, что особенно много работ вышло в 1920-е гг., но, к сожалению, в крупных тверских библиотеках их практически нет. С 1933 г. Николай Альбертович был редактором отдела древней истории при издании Большой и Малой советской энциклопедии, для которых написал свыше 300 статей.

Сейчас к нам возвращаются многие несправедливо забытые имена людей, внесших большой вклад в русскую культуру. На наш взгляд, имя Куна должно быть восстановлено. Именно это призван выполнить международный благотворительный проект «Наследие Куна», инициированный И. И. Кун-Немировской. Н. А. Кун принадлежит к славной плеяде русских просветителей. За этим уже избитым словом стоит большое и благородное общественное движение, рожденное в дворянской среде второй половины XIX в. и ставившее своей целью просвещение и воспитание народа. Именно просветители-интеллигенты открывали школы, читальни, в которых сами преподавали и читали лекции, адаптировали и издавали книги для народа, проводили экскурсии. Они стремились бескорыстно передать народу те знания, которыми владели сами.

М. М. КЛЕВЕНСКИЙ

Митрофан Михайлович Клевенский с 1906 по 1919 г. преподавал в школе Максимовича словесность и историю. Клевенский был не только педагогом, но и ученым, библиография которого насчитывает более 100 названий (15 книг, 30 статей, 51 рецензия, публицистические работы). Он был научным сотрудником издательства Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, одним из составителей библиографического словаря «Деятели революционного движения в России», составителем библиографического указателя «Русская подпольная и зарубежная печать», указателя «Герцен-издатель и его сотрудники». Ему принадлежат работы о В. М. Гаршине, Н. А. Добролюбова, А. Д. Михайлове, К. Д. Рылеева, И. С. Тургеневе. Его небольшой личный архив хранится в отделе редких книг Научной библиотеки Тверского госуниверситета⁷⁹.

⁷⁸ См., например: Кун Н. А. Что рассказывали греки и римляне о своих богах и героях. М.: «Греко-латинский кабинет» Ю. А. Шичалина, 1992; То же. М.: Летопись, 2000 и др.

⁷⁹ Фонд Клевенского НБ ТвГУ включает 46 документов 1898–2003 гг. (рукописные тетради, печатные книги и статьи, письма, фотографии).

М. М. Клевенский

лась не в Москве, а в Твери; а с другой — что традиции научного изучения истории русской художественной литературы закладывались в школе Максимовича как предшественнице педагогического института.

М. М. Клевенский родился в 1877 г. в городе Суджа Курской губернии в семье священника. Дальнейшая его судьба является достаточно типичной для русского разночинца. Судя по дневниковой записи его жены Инны Львовны Хитрово, сделанной в августе 1918 г., детство Клевенского было безрадостным, аскетическим, наполненным формальным выполнением церковных обрядов. Это убивало живое религиозное чувство и делало человека жестким, полным ненависти к вере и ко всему, что ограничивает его свободу: «Черненький, бледный мальчик, которому не доставало ласки — здесь не в моде нежность — чувствительный и слабый, часто отвечал слезами на прикосновения жизни. „Нюня, рева, голоса“, — дразнили его братья и сестры. <...> По утрам крепкий детский сон прерывали без сожаления: „Митрофан, к обедне!“ Насильственно навязанное исполнение обрядов постепенно, изо дня в день убивало религиозное чувство. Здесь, в этих стенах, в этой атмосфере молодежь относилась даже к тени влюбленности со стыдливым ужасом. Впечатления детства ложатся глубоко, и на склоне лет выплывает многое забытое. С годами ужас прошел, но стыд, но тайное отношение как к чему-то запретному, дурному осталось. Он не уважает любовь. <...> Он не уважает себя — и не уважает тех, кто любит его. Было очень трудно понять это, но жизнь заставила понять, и было больно»⁸².

В немногочисленных статьях справочного характера⁸⁰ творческая биография ученого начинается с 1923 г., когда он становится заведующим библиотекой Академии коммунистического воспитания им. Н. К. Крупской, а тверской период выпадает из поля зрения исследователей. Только Е. Н. Строганова отмечает «историко-литературные занятия <...> М. М. Клевенского». Однако ее формулировка «чи основные научные труды пришлось уже на период жизни после Твери»⁸¹ требует уточнения, так как на тверской период приходится 20 работ. Из них 2 книги и 11 научных статей, 6 статей в журнале «Тверской кооператор» за 1918–1919 гг. и один доклад о деятельности Ф. Ф. Ольденбурга, изданный в Петербурге (1914). Данное количество позволяет говорить, с одной стороны, о том, что научная деятельность литературоведа и историка Клевенского начина-

⁸⁰ См.: Книговедение: Энциклопедический словарь. М., 1999. С. 248–249; Календарь знаменательных дат на 2002 год. [М., 2001]. С. 554.

⁸¹ Наука Тверского края. Тверь, 1994. Вып. 1. С. 57.

⁸² Фонд Клевенского НБ ТвГУ. Д. 3. Л. 1–1 об.

Внутренний мир Клевенского помогают раскрыть четыре его тетради, в которые он выписывал цитаты из прочитанных книг. Судя по штампу писчебумажного магазина Прянишникова в Твери, тетради эти велись именно в тверской период. Клевенский знал греческий, латинский, немецкий и французский языки, был склонен к философским рассуждениям (обилие цитат античных и современных философов), скорее атеистом, чем верующим; неромантичным, достаточно прагматичным и внимательным к социальным вопросам. Среди его литературных пристрастий на первом месте И. С. Тургенев, затем Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой, А. М. Горький, А. Н. Герцен, И. В. Гете, А. С. Пушкин, А. П. Чехов, Ф. Ницше, В. Я. Брюсов. В целом же эти тетради являются ценным эмпирическим материалом для анализа социального бытования литературы в начале XX в.

Первоначальное образование Клевенский получил в Курской классической гимназии. В 1905 г. он закончил историко-филологический факультет Московского университета. Годы его учебы в университете совпали с подъемом студенческого движения, в котором он принимал активное участие. Его дважды высылали из Москвы за участие в студенческих беспорядках. В апреле 1899 г. Клевенский был впервые арестован — его задержали с воззванием студенческого исполнительного комитета. В марте 1901 г. его снова выслали в Курск под надзор полиции за участие в студенческой сходке.

После университета Клевенский приезжает в Тверь, где с 1906 по 1919 г. преподает историю и словесность в школе Максимовича. Наряду с профессиональной деятельностью он продолжает участвовать в революционном движении, активно сотрудничая в школьном подпольном социал-демократическом кружке, где распространяет нелегальную литературу, знакомит учениц с произведениями Герцена, Чернышевского, Горького. Вследствие этой деятельности Клевенский был чуть не уволен из школы, чего добивался губернатор. Но благодаря заступничеству коллег, написавших прошение попечителю Московского учебного округа, его оставили на преподавательской работе⁸³.

О том, каким педагогом был Клевенский, свидетельствуют воспоминания его учениц, которых он просто очаровал своим интеллектом и обаянием: «Знали ли Вы тогда, с каким благоговейным восхищением мы все относились к Вашим высоким познаниям, к Вашему мастерству раскрыть всю чарующую прелесть художественного произведения <...> выпукло и ярко обрисовать тип, образ, ощутимо и зримо раскрыть историческую эпоху далеких нам времен и народов во всей красочности ее быта, культуры, нравов и обычаев. От Ваших лекций в мозгу и в душе у нас оставались на всю жизнь не мертвые диаграммы, схемы и хронология, а яркое полотно, отображающее во всей многогранности красочную человеческую жизнь, искусно нарисованную Вашей талантливой душой педагога-художника <...> Вы и Федор Федорович (Ольденбург. — Т. И.) — это были два столпа, два кита, на которых держалась незыблемо вся наша школа. Два таланта, с редкой эрудицией ученых и мастеров-педагогов. Вы заложили в наши души неувядаемые ценности больших

⁸³ См.: ГАТО. Ф. 861. Оп. 1. Ед. хр. 1155. Л. 7.

знаний и привили нам жадную любовь к книге как к постоянному источнику дальнейшего совершенствования этих знаний»⁸⁴.

Особенностью школы Максимовича был ее научный характер, при котором одной из главных задач было формирование у воспитанниц научного мышления. Этой задаче отвечало и преподавание словесности, при котором художественный текст являлся предметом научного анализа. Клевенский много способствовал формированию такого мышления у своих учениц. Огромную роль в этом сыграли его публичные лекции по истории литературы, при этом даже форма проведения занятий в виде лекций была ориентирована на высшую школу. Мы уже отмечали тот факт, что Клевенский не признавал учебников по литературе и добивался чтения ученицами оригинальных авторских текстов, а выработке научного мировоззрения способствовали дружественные отношения между учителем и ученицами, возможность вести равноправную беседу.

Область научных интересов Клевенского составляли русская литература и история. Из 13 научных работ, написанных в тверской период, 8 относятся к области литературоведения, 5 — к истории. Самые крупные работы этого периода — две книги: «Поэт Н. А. Некрасов: Его жизнь произведения» и «И. С. Тургенев», выпущенные в 1919 г. в серии «Жизнь и творчество русских писателей» Тверским товариществом кооперативов. Предметом научного анализа Клевенского чаще всего становится творчество Тургенева. Помимо названной книги, этому автору посвящено еще три исследовательские статьи и одна публицистическая, напечатанная в журнале «Тверской кооператор» в 1918 г. к столетию писателя. Клевенский, соединявший в себе филолога и историка, принадлежал к культурно-исторической школе русского литературоведения. Более всего его интересует отражение в литературе общественно-политической жизни России XIX в. Именно с таких позиций он анализирует творчество Тургенева. В статье «И. С. Тургенев и семидесятники» (Голос минувшего. 1914. № 1) он исследует взаимоотношения Тургенева и революционеров-народников. В первой части статьи приводятся биографические данные о знакомстве писателя с революционной молодежью 1870-х гг., вторая часть представляет собой анализ типов народников, изображенных в романе «Новь», в третьей части подробно исследуется отношение Тургенева к народникам, в четвертой — отношение народников к писателю. В статье «И. С. Тургенев в карикатурах и пародиях» (Голос минувшего. 1918. № 13) приведен обширный материал, содержащий пародии и карикатуры современников Тургенева на его произведения «Отцы и дети», «Призраки», «Довольно», «Собака», «Дым», «Вешние воды», «Пунин и Бабурин», «Часы», «Новь», «Песнь торжествующей любви». Ценность этой статьи в том, что в ней помимо литературных пародий анализируются и художественные карикатуры.

Монографическая работа, посвященная Н. А. Некрасову, имеет описательный характер. Первая часть посвящена краткой биографии поэта, вторая — анализу поэтического творчества, который лежит в рамках традиционного для того вре-

⁸⁴ Из письма выпускницы школы Максимовича 1913 г. А. П. Басалаевой // Фонд Клевенского НБ ТвГУ. Ед. хр. 3. Л. 2—3.

мени характера восприятия поэта. Клевенский выделяет три поэтические образа Некрасова: «поэт-народник, поэт-гражданин и поэт покаянных настроений русской интеллигенции»⁸⁵. Последняя ипостась, т. е. рефлексия и двойственность поэта, достаточно долго замалчивалась послереволюционным литературоведением, в дореволюционный же период она, как одна из характерных черт творчества Некрасова, отмечалась практически во всех критических работах.

Небольшая статья «По поводу одной песни» раскрывает историю создания знаменитой песни «Варяг», которая является не народной, как считалось ранее, а переводом стихотворения немецкого автора Рудольфа Грейнца. В тверской период Клевенский активно публикуется в журнале «Голос минувшего», переписывается с его редактором С. П. Мельгуновым⁸⁶. Помимо педагогической и научной деятельности, Клевенский занимается просветительством, сотрудничает с местным журналом «Тверской кооператор». С 1918 г. в журнале появляются отделы «Литература и искусство» и «Родиноведение», в которых Клевенский публикует статьи, посвященные В. Г. Белинскому, Тургеневу и пребыванию писателей и художников в Тверском крае, некоторым усадьбам нашего края, воспоминаниям известных литераторов о Твери.

Наш обзор «тверского» наследия Клевенского позволяет констатировать, что научное изучение истории литературы нового времени начинается в Твери еще до 1917 г., до образования педагогического института. Клевенский наметил два научных направления, которые развивают современные литературоведы ТвГУ: изучение читательского восприятия литературы и литературное краеведение (кафедра истории русской литературы)⁸⁷.

⁸⁵ Клевенский М. М. Поэт Н. А. Некрасов: Его жизнь и произведения. Тверь, 1919. С. 40.

⁸⁶ РГАЛИ. Ф. 305. Оп. 1. Ед. хр. 405–406. 65 писем Клевенского к Мельгунову.

⁸⁷ Работы, написанные М. М. Клевенским в Твери (издания, отмеченные *, хранятся в Научной библиотеке ТвГУ):

- 1) Екатерининская литература о крепостном праве // Крепостное право в России и реформа 19 февраля. М., 1911. С. 117–128.
- 2)* Генерал Сеславин и его крестьяне // Голос минувшего. 1914. № 2. С. 284–286.
- 3)* Освободительное движение в освещении «Исторического вестника» // Голос минувшего. 1914. № 5. С. 241–250.
- 4)* И. С. Тургенев и семидесятники // Голос минувшего. 1914. № 1. С. 5–41.
- 5)* Доклад на публичном заседании Тверского общественно-педагогического кружка 14 сентября 1914 г.: (О деятельности Ф. Ф. Ольденбурга). СПб., 1914. 12 с. На правах рукописи.
- 6)* Городские расходы в конце XVIII века // Голос минувшего. 1915. № 3. С. 296–297.
- 7)* По поводу одной песни: («Варяг») // Голос минувшего. 1915. № 4. С. 308.
- 8) П. Н. Ткачев как литературный критик // Современный мир. 1916. № 7/8. Отд. 2. С. 1–26.
- 9) В 1848 году: (Сатирическое стихотворение Николаевской эпохи) // Голос минувшего. 1917. № 9/10. С. 354–357.
- 10) И. С. Тургенев в карикатурах и пародиях // Голос минувшего. 1918. № 1/3. С. 185–218.

Л. В. КАНДАУРОВ

До сих пор провинция воспринимается как синоним захолустья, вековой тишины, косности, неподвижности и патриархальности. Такое представление идет во многом от господствовавшей в недавнем прошлом политики централизации общественной и культурной жизни в двух столичных городах, все остальные лишь имели право приобщаться к столичной культуре. «А ведь было время, когда культурная жизнь в провинции имела свой неповторимый аромат: работали различные культурные общества и кружки, издавались журналы и альманахи, энтузиасты-краеведы занимались изучением истории родного края, проводились разнообразные семинары, интеллигенция вела активную просветительскую работу, создавала культурную среду и духовную атмосферу. Географическая провинция не отождествлялась с провинцией духовной — и вырастали, и творили в российских городах и городках мыслители и писатели, живописцы и общественные деятели»⁸⁸.

Школа Максимовича — это значительное явление в общественной жизни Твери конца XIX — начала XX в. Одна из немногих земских учительских школ, она стала крупным явлением не только тверской, но и российской культуры в целом. Деятельность школы Максимовича демонстрирует факт тесной связи провинциальной культурной жизни с жизнью столицы. Ведь не случайно П. П. Максимович приглашал в свою школу опытных педагогов из Москвы и Петербурга. К числу таких педагогов относится и Леонид Васильевич Кандауров. Он родился 16 августа 1877 г. в семье потомственных дворян. Его отец после службы на флоте занимался театральной и литературной деятельностью. Кандауров рано лишился отца и образование получил при материальной и моральной поддержке художника Василия Дмитриевича Поленова. Семья Поленова считала его своим стипендиатом на естественном отделении физико-математического факультета Московского университета в память об их умершем первенце Федоре. Кандауров был домашним учителем стар-

11) Великий учитель: (К 70-летию со дня смерти В. Г. Белинского) // Тверской кооператор. 1918. № 16/17. С. 11–15.

12)* Замечательные уголки Тверской губернии // Тверской кооператор. 1918. № 16/17. С. 15–18; № 18/20. С. 19–21.

13)* Русские писатели в Тверской губернии // Тверской кооператор. 1918. № 21/22. С. 15–18; № 30/31. С. 15–16.

14)* Художники в Тверской губернии // Тверской кооператор. 1918. № 32/33. С. 18–20; № 36/38. С. 18–20.

15)* И. С. Тургенев (1818–1918) // Тверской кооператор. 1918. № 34/35. С. 14–16.

16) К биографии Герцена и Огарева: (По архивным материалам канцелярии Московского генерал-губернатора) // Голос минувшего. 1919. № 1/4. С. 62–80.

17)* Русские писатели о Твери // Тверской кооператор. 1919. № 16/19. С. 17–19; № 20/21. С. 11–14.

18)* Поэт Н. А. Некрасов: Его жизнь и произведения. Тверь, 1919. 40 с.

19) И. С. Тургенев. Тверь, 1919. 39 с.

20) Общественно-политические взгляды И. С. Тургенева // Творчество Тургенева. М., 1920. С. 168–193.

⁸⁸ Культура в провинции. Липецк, 1990. С. 3.

шего сына В. Д. Поленова Дмитрия и сохранял с ним дружественные отношения всю жизнь. Кандауров совершил несколько путешествий с художником по странам Западной Европы и Ближнего Востока. Дружба с Поленовым и его семьей продолжалась в течение всей жизни Кандаурова. Сохранилась большая переписка между ними, часть которой опубликована в книге Е. В. Сахаровой «В. Д. Поленов, Е. Д. Поленова. Хроника семьи художников» (М., 1964).

В 1901 г. Л. В. Кандауров получил диплом I степени об окончании физико-математического факультета Московского университета и продолжил заниматься науками под руководством профессора В. К. Цераского. Одновременно он начал учиться на искусствоведческом факультете. Кандауров был тесно связан с художественной и артистической жизнью Москвы. В 1901 г. он совершил путешествие по Европе с М. А. Волошиным, дневник их путешествия впервые опубликован в книге М. А. Волошина «Автобиографическая проза: Дневники» (М., 1991). Обучению на искусствоведческом факультете помешала женитьба и рождение в 1901 г. сына Андрея. Чтобы содержать семью, нужен был стабильный заработок, и Леонид Васильевич сначала дает частные уроки в Москве, а в сентябре 1901 г. он был назначен помощником податного инспектора г. Слободской Вятской губернии, где «попал в чуждую своим интересам среду»⁸⁹. В 1904 г. он с семьей возвращается в Москву, откуда за участие в революционном кружке был выслан в г. Муром Владимирской губернии, где стал учителем реального училища, «пробыл годы первой русской революции и после смены директора и части преподавателей, выступивших в защиту учащихся, был переведен в глухой городок Скопин Рязанской губернии»⁹⁰. Один учебный год (1907/1908) он заведует школой в Покровской Слободе напротив Саратова. Осенью 1908 г. Кандауровы переехали в Тверь. Выбор этого города был обусловлен несколькими причинами. Во-первых, тверское земство отличалось демократизмом и относительной независимостью; во-вторых, школа Максимовича, куда Кандаурова пригласил Ф. Ф. Ольденбург и начальница О. В. Берви-Кайданова, не слишком зависела от Министерства народного просвещения и поэтому могла приютить опального учителя; в-третьих, близость к двум столицам давала возможность не быть оторванным от богатой культурной жизни и общаться со старыми друзьями и родственниками, оставшимися в Москве и Петербурге.

Л. В. Кандауров

⁸⁹ Цит. по: Чернышева Т. А. (Кандаурова). Воспоминания о Леониде Васильевиче Кандаурове // 125-летие школы Максимовича. Тверь, 1997. С. 59.

⁹⁰ Там же.

В Твери Кандауров работал преподавателем физики в нескольких учебных заведениях. Основное время он отдавал школе Максимовича и коммерческому училищу. После 1917 г. до конца своей жизни Леонид Васильевич преподавал физику и астрономию в Тверском педагогическом институте. Скончался он 27 ноября 1962 г., похоронен на Первомайском кладбище в Твери.

Мы не будем касаться деятельности Кандаурова как ученого, до конца своих дней, несмотря на гонения 1930-х гг., преданно служившего науке. Это предмет отдельного исследования. Нас интересует тот период его жизни, когда он с 1908 до осени 1919 г. преподавал в школе Максимовича физику, космографию, географию, руководил работами на метеорологической станции, показания которой периодически посылались в Николаевскую обсерваторию Петербурга; устраивал наблюдения ночного звездного неба при помощи телескопа.

Он, как и большинство педагогов, был не только преподавателем своего предмета, но и воспитателем, стремившимся в процессе непосредственного общения с ученицами, в ходе внеклассных мероприятий вырастить из них культурных людей. Семья Кандаурова, как и А. Н. Ропера, Ф. Ф. Ольденбурга и других педагогов, — настоящее «культурное гнездо», прочно уходящее своими корнями в далекое прошлое. Но эти «культурные гнезда» не были замкнуты сами в себе, они были открыты для других, и прежде всего для воспитанниц школы. Благодаря педагогам школа Максимовича стала крупным культурным гнездом Твери конца XIX — начала XX в., времени слияния «золотого» и «серебряного» веков русской культуры.

Мы опираемся на письма Кандаурова к В. Д. Поленову. Кандауров был не только воспитанником, но и большим другом художника. В монографии о Поленове дочь художника Е. В. Сахарова пишет: «А. В. Кандауров, человек с большим и разносторонним образованием, был одним из любимых собеседников Поленова, советовавшихся с ним по разным отвлеченным и бытовым вопросам: медицины, философии, искусства и пр. Большая разница лет (33 года) не мешала их дружественным отношениям»⁹¹. Общественная и культурная жизнь Твери конца XIX — начала XX в. отразилась в письмах Кандаурова к В. Д. Поленову, которые хранятся в Отделе рукописей Государственной Третьяковской галереи (ГТГ. Ф. 54. Далее указываются номера дел и листы цитируемых документов).

Первое тверское письмо относится к марту 1910 г. Общественно-педагогический кружок, объединявший педагогическую интеллигенцию Твери, готовился организовать с 27 апреля по 9 мая вторую художественную и художественно-промышленную выставку. Кандауров, как член кружка, обращается к В. Д. Поленову с просьбой прислать на выставку свои картины цикла «Из жизни Христа». Этот цикл, состоявший из 58 картин, являлся иллюстрацией к Новому Завету. Поленов называл его делом всей своей жизни, он отдал ему много духовных и физических сил. Работа продолжалась с 1896 по 1909 г. В этот период В. Д. Поленов совершил два путешествия по дорогам Ближнего Востока. В одно из них (весной и летом 1899 г.) Поленов берет с собой в качестве фотографа Кандаурова, тогда еще студента физико-математического факультета.

⁹¹ Сахарова Е. В. В. Д. Поленов. М.; Л., 1950. С. 502.

Впервые цикл «Из жизни Христа» был показан в 1909 г. в Петербурге, в том же году — Москве, Орле, Харькове, Киеве и Екатеринославле. В 1910 г. в число этих городов включается Тверь. В. Д. Поленов отвечает согласием на просьбу Кандаурова и присылает в Тверь 56 картин, т. е. почти полный цикл. 25 апреля 1910 г., в воскресенье, Кандауров пишет: «Дорогой Василий Дмитриевич. Сегодня кончил развеску картин. Я соблюдал хронологию, насколько позволял интерес картины со стороны освещения. Почти все картины, на мой взгляд, освещены удачно. В. Д. Дервиз⁹² уверяет, что Ваши картины нигде так хорошо не бывали размещены, а он видал их в г. СПб. и в Москве. <...> Всё сделано мной с плотником, Андреем и Ириной (дети Кандаурова. — Т. И.) в два дня.

Остальная территория выставки еще ничем не занята, хотя до открытия остались одни сутки. Пришли вещи из Строгановского училища, кажется, керамика, какие-то кружева и еще что-то. Из картин пока я видел лишь Дервиза и его дочери⁹³, акварели и пастели. На открытии предполагается великосветский чай, архиерей, губернатор и т. п.

Дворник земской управы всё ходил за мной и говорил: „А ведь хорошо, Л. В.“ Очевидно, Ваши картины доставляли ему полное, трудно определяемое словами наслаждение <...> Приезжайте сами, если ничто Вам не мешает <...> Лучшая гостиница Центральная <...> Извозчик с вокзала 50—60 коп.» (Ед. хр. 2062. Л. 1—2). К письму приложена схема размещения картин в залах Тверской земской управы.

27 апреля выставка была открыта, а 28 апреля Кандауров пишет: «...вчера был первый день выставки рублевых с чаем. Публики было очень мало, да и то больше пила чай и покупала вышивки на платья. Наши мудрые устроители прогадали, рассчитывая на доход от этого дня. С сегодняшнего дня пойдет большая публика за 25 и 15 (учащиеся) и будет смотреть картины, а не пить чай. Кроме Ваших картин на выставке почти ничего нет, и дамы чувствуют себя неловко. Хлопотали чуть не целый год, заседали по 5 часов. А без Вас ничего не вышло бы» (Ед. хр. 2063. Л. 1).

30 апреля в «Тверских губернских ведомостях» появляется заметка: «На устроенной в Твери общественно-педагогическим кружком второй художественной и художественно-промышленной выставке экспонируются картины, художественные изделия и кустарные работы. В числе экспонатов серия в 56 картин Поленова из жизни Иисуса Христа, разнообразные работы мастерских Строгановского училища в Москве, изделия учреждений губернского земства, работы кустарей Тверской, Рязанской, Полтавской, Олонецкой, Тульской и Орловской губерний. Выставка продлится до 6 мая». Выставка продлилась не до 6, а до 9 мая. В отчете Общественно-педагогического кружка за 1909—1910 гг. сказано, что «при его содействии была устроена в Твери 2-я художественная и художественно-промышленная выставка, имевшая успех. Она была открыта с 27 апреля по 9 мая. Платных по-

⁹² Владимир Дмитриевич Дервиз — художник, родственник и друг В. А. Серова, владелец усадьбы Домотканово Тверской губернии.

⁹³ Дервиз Мария Владимировна — художница, жена художника В. А. Фаворского.

сетителей было 1002 человека, бесплатных — 1980, всего — 2982 человека. За вычетом расходов выставка дала чистого сбора 116 р. 15 к. Успех выставки более всего зависел от того, что ее основное ядро составили картины из жизни Иисуса Христа известного художника В. Д. Поленова. В. Д. Поленов не только предоставил в распоряжение бюро выставки свои картины, но даже отказался от оплаты кружком расходов, понесенных им по изготовлению ящиков для их пересылки»⁹⁴.

После Твери В. Д. Поленов везет этот цикл в Прагу, вместе с ним в заграничное путешествие отправляется и Кандауров. Тем же летом они отдыхают на курорте Бад Киссинген в Германии, откуда ездят в Марсель, Геную и Венецию. Отдых стал временем их духовного общения. 6 июля 1910 г. Кандауров пишет: «Гораздо больше, чем физически, я отдыхаю душевно. Давно я уже не имел возможности быть с Василием Дмитриевичем и говорить с ним об искусстве. Мне иногда в Твери казалось, что всё это в прошлом и никогда не вернется» (Ед. хр. 2071. Л. 2). Путешествуя по Германии, они заезжают в городок Анвейлер, где находится разрушенный замок Трифельс. По преданию в этом замке был заключен король Ричард Львиное Сердце и затем освобожден трубадуром Блонделем. На этот сюжет С. С. Мамонтов написал пьесу, В. Д. Поленов переложил ее на музыку для домашнего спектакля. Пьеса получила название «Рейнская легенда». Для декораций к этому спектаклю В. Д. Поленов зарисовывает руины замка Трифельс, чтобы сделать постановку исторически верной. К осени путешественники возвращаются в Россию.

Интересна дальнейшая судьба поленовского цикла «Из жизни Христа». После Праги (1910) выставка была повторена в России осенью 1914 г. в пользу раненых Первой мировой войны. А в 1924 г. на выставке в Нью-Йорке, организованной Наркомпросом для помощи бедствующим художникам, было представлено 13 картин цикла, из которых 10 были проданы с аукциона. Таким образом, цикл распался, и теперь немало замечательных картин находится у неизвестных лиц. Тверь была одним из немногих русских городов, которые видели этот цикл почти полностью (56 картин из 58).

Весной 1911 г. устраивается 3-я художественная выставка в Твери, на которую В. Д. Поленов опять присылает свои картины. А летом Кандауров и В. Д. Поленов вновь путешествуют. На этот раз они едут во Францию, Испанию, Грецию. Посещают галереи, замки. В. Д. Поленов рисует, делает эскизы по заказу И. В. Цветаева для оформления Музея изящных искусств, а Кандауров много фотографирует. В архиве школы Максимовича хранится 99 художественных фотографий с видами Германии, Италии, Франции. Они привезены Кандауровым из этих заграничных поездок. Наличие штампа школы на обороте фотографий говорит о том, что они были общим достоянием и педагогов, и учениц.

Весной 1912 г. проводится 4-я Тверская художественная и художественно-промышленная выставка, на которую В. Д. Поленов дает 13 картин, среди них большинство тех, что были написаны во время путешествий с Кандауровым.

⁹⁴ Отчет о деятельности Тверского Общественно-педагогического кружка за 1909—1910 годы. Тверь, 1910. С. 4.

Осенью того же года В. Д. Поленов по просьбе Кандаурова присылает в Тверь свою пьесу «Рейнская легенда» с нотами для постановки ее в школе Максимовича. 6 сентября 1912 г. Кандауров пишет: «Дорогой Василий Дмитриевич, очень Вам благодарен за Ваше согласие дать нам Трифельс. Конечно, мы были бы рады получить и декорации и кое-что из костюмов, чтобы понять, как сделать по фотографиям недостающее <...> Пока совершенно достаточно самый текст и фотографии, а также ноты, чтобы распределить роли и подготовить. Пение у нас в большом ходу, и музыка всегда сопровождает спектакли» (Ед. хр. 2092. Л. 1). В следующем письме от 22 октября он сообщает: «Дорогой Василий Дмитриевич, пьеса и музыка очень нравятся, думают, что музыка несколько трудна для наших. Но, вероятно, частью воспользуются <...> Насчет декораций, не знаем, как быть, что-нибудь устроим. Сцена у нас порядочная по размерам <...> Думают дать так называемым 3-м, то есть предпоследнему классу, где есть подходящие девочки. Очень будем рады, если Вам удастся у нас побывать и поглядеть на нашу школу. Любящий Вас Леонид» (Д. 2096. Л. 1). Спектакль «Рейнская легенда» был поставлен через год, в октябре 1913 г.

Весной 1913 г. проводится 5-я художественная выставка, на которой также представлены картины В. Д. Поленова. Эта выставка оказалась последней. 10 октября 1913 г. Кандауров пишет: «Наши Тверские выставки стали приносить дефициты, и средства могут исчезнуть. Это происходит от равнодушия публики к современному искусству, которое у нас всё же преобладало.

Мне пришло в голову обратиться к Репину, не даст ли он что-нибудь для поднятия интереса к выставкам. Его вещей до сих пор не бывало. Так как помещение большое, то можно и большое полотно. Уже было 5. Предполагается 6-я» (Ед. хр. 2115. Л. 1).

Но в 1914 г. начинается война, умирает Ф. Ф. Ольденбург, бывший ядром Общественно-педагогического кружка, помещения занимаются лазаретами. Кандауров мечтает повторить московскую выставку картин В. Д. Поленова «Из жизни Христа» 1914 г. в Твери. 4 ноября он пишет: «Читал в газетах, что устраивается выставка в пользу раненых всеми московскими художниками. Я думаю, что Ваша выставка имела бы успех и у нас в Твери. Доходом с нее четыре года жил наш кружок и устраивал выставки, дававшие убыток. Конечно, если бы теперь устроить ее вторично, то уже с благотворительной целью» (Ед. хр. 2126. Л. 1). Но и эту выставку устроить не удалось. В феврале 1915 г. Кандауров сообщает: «Я потерпел неудачу в организации выставки в Твери. Помещение, оказалось, не освободится на Пасху, а другого нет» (Ед. хр. 2129. Л. 1).

В письмах 1915–1917 гг. отразились многие стороны жизни Твери: быт, политика, культура. В некоторых письмах встречаются философские рассуждения на различные темы: роль искусства в жизни общества, эмансипация женщин и т. д. Тематика писем и их тон свидетельствуют о том, что отношения между В. Д. Поленовым и Кандауровым действительно были очень тесными. Вот, например, как Кандауров пишет об искусстве: «11 сентября 1915 года <...> В Вашей работе много элемента, объединяющего людей. Некоторые эстеты уверяют, что искусство доступное массам — низкого сорта. Мне кажется, здесь есть некоторая

разница. Искусство пошлое или вульгарное и искусство глубоко простое, доступное всем своими общечеловеческими чертами, должны различаться. Если не соглашаться во всём с Толстым, надо признать, что его взгляд на искусство как средство общения людей верен» (Ед. хр. 2137. Л. 1–2).

Поскольку Кандауровы часто снимали дачу поблизости от имения В. Д. Поленова Борок под Тарусой, дети Кандаурова принимали участие в тех спектаклях, которые устраивались у Поленовых: «Моя детвора прямо выросла за это лето не только материально, но и духовно.

Я не ошибусь, если скажу, что то настроение, которое чувствовали артисты-исполнители, которое чувствовал сам автор, передавалось и их юным душам. Они не очень разбирались в своих чувствах, но глубоко полюбили Вашу оперу и открыли себе дорогу к наслаждению произведениями поэзии в будущем <...> и недолгое общение с Вами в Вашей художественной работе оставляет глубокие следы в душе человека» (Ед. хр. 2137. Л. 12).

В. Д. Поленов очень много сделал для того, чтобы театральное искусство развивалось в школах, чтобы дети с самого раннего возраста таким образом общались к искусству. Именно театру он придавал огромное значение, видя в нем искусство синкретическое, объединяющее многие виды искусств. В. Д. Поленов не только сам писал пьесы и оперы для народных театров, но в своем имении Борок организовал театр из сельских ребят, создал секцию содействия фабричным и деревенским театрам. В 1915 г. по проекту В. Д. Поленова и на средства С. Т. Морозова для секции был построен специальный дом, который потом называли Домом Поленова. Секция помогала народным театрам в подборе репертуара, в работе с декорациями и костюмами, вела просветительскую работу, так как работники секции обучали всех желающих теории театрального искусства. В. Д. Поленов писал декорации для показательных спектаклей секции, а копии с его декораций давались напрокат театральным кружкам России. К сожалению, в 1928 г. в помещении секции произошел пожар, уничтоживший декорации В. Д. Поленова и часть театрального имущества.

В Твери проводником идей В. Д. Поленова о детском театре был Кандауров. Это способствовало тому, что в школе Максимовича театральным постановкам придавалось очень большое значение. В январе 1917 г. Кандауров пересылает В. Д. Поленову письмо одной из своих коллег по школе (скорее всего, М. Ф. Кудрявцевой), которая делится впечатлениями от посещения поленовской секции: «3/1 1917. Дорогой Василий Дмитриевич, посылаю Вам письмо, которое написано под свежим впечатлением от посещения Вашей студии по народному театру. Автор письма — одна из служащих в земской школе, фельдшерица и художница. Лепкой и масляными красками она занялась лишь недавно и обнаружила большие способности. Человек она по характеру тяжелый. Сердитая и вспыльчивая дама. Вы произвели на нее очень большое впечатление, и она жалуется, что не успела пригладеться хорошенько к технике писания декораций.

Можно быть уверенным, что и Анна Бретонская (пьеса В. Д. Поленова «Анна Бретонская». — Т. II.) у нас пойдет, раз она понравилась самому несговорчивому из наших коллег» (Ед. хр. 2158. Л. 1).

Кандауров ратует за то, чтобы на сценах школьных театров ставились не развлекательные спектакли и водевили, а серьезные классические произведения. 26 декабря 1916 г. он пишет: «Думаю после Рождества выступить в нашем педагогическом кружке с темой о роли детских спектаклей в школе. Мне хочется указать, что образовательное значение их могло бы быть очень велико, если бы, не жалея сил и времени, обратились бы к классическому репертуару. Разные глупые водевили только развращают молодежь» (Ед. хр. 2156. Л. 1–2).

Чтобы доказать, что детям доступны серьезные классические произведения, он решает на домашней сцене со своими детьми поставить «Недоросля» Фонвизина. Надо сказать, что к этому моменту, т. е. к началу 1917 г., Кандауровы наконец приобрели свой собственный дом в Семинарском переулке, впоследствии это был дом № 16 по улице В. Ефимова. Деньги на покупку дома дал В. Д. Поленов. Кандауров отделал его по своему вкусу и, по выражению своего старшего брата Константина, сделал дом в «поленовском стиле». Именно в этом новом доме в феврале 1917 г. состоялась премьера детского спектакля «Недоросль», где всё было сделано руками детей. 15 февраля 1917 г. Кандауров пишет: «Дорогой Василий Дмитриевич, спектакль, который дети с товарищами и подругами затеяли еще на Рождество, был на масляной. „Недоросль“ оказался совсем не такой архаической вещью. Дети разыграли его весело, с юмором, очень удались костюмы. Сделаны были они из обычных сюртуков и платьев, ни копейки не истратили, пустили в ход вороха всякой рухляди, старые тулья от дамских шляп, кружева, оборки, лоскутки, летние туфли, и вышло на славу. Совсем XVIII век. Сцена была 5 шагов на 4. Я разобрал легкую перегородку между двумя комнатами. Зрители сидели на сундуках и досках от перегородки. Было человек 30. Больше уже некуда было сажать. Были учительницы и учителя, родители артистов, и подруги, и товарищи <...> Спектакль очень вдохновил молодежь. Они всё делали сами. Я только поддерживал в них бодрость, а своей решимостью разобрать стену придал им веру в то, что они затевают солидное предприятие.

У нас распространен обычай ставить водевили, и с этим я борюсь.

По-видимому, успех „Недоросля“ в педагогических кругах произвел впечатление. Большинство поняло воспитательное значение активной творческой работы детей.

Много хлопотал Андрей. Очевидно, опыт его участия в „Призраках Эллады“, то, что он видал „Анну Бретонскую“, всё принесло свои плоды <...> Он же сделал очень милую программку-акварель: Скотинин на скотном дворе любителю на свиней. Несмотря на кажущуюся грубость темы, вышла идиллическая картинка. Теперь мы достали статью Ключевского о „Недоросле“ и читаем сообща» (Ед. хр. 2160. Л. 1–2).

Вообще культурная жизнь в Твери была в предреволюционное время довольно активной. В феврале 1917 г. Кандауров пишет, что дети увлекаются музыкой: «Вчера были на концерте духовной музыки: Бетховен, Бах, Керубини. Играли местные знаменитости: скрипач — учитель Андрея и пианист — учитель Иры. Очень талантливые люди. Была виолончель и орган. На днях был вокальный вечер из Хованщины, Снегурочки и Царя Салтана. Всё это создается энергией моего

товарища, учителя физики в гимназии. Дети не скучают, как три сестры у Чехова, и я доволен их духовным развитием» (Ед. хр. 2159. Л. 1).

В начале мая 1916 г. в гости к Кандаурову приезжал сам В. Д. Поленов. Пробыл он здесь всего несколько дней. За это время они побывали в соборе Белая Троица, где В. Д. Поленову понравилось паникадило, которое потом для него сфотографировал Кандауров; художник подарил школе Максимовича свою картину, которая потом была продана с аукциона. 8 мая 1916 г. Кандауров пишет: «Дорогой Василий Дмитриевич, как Вы доехали и какое впечатление от Вашего путешествия? В то же утро вернулась из Петрограда Лид. Тим. (жена Кандаурова. — Т. И.), она бранила меня, что плохо Вас спать уложил, слишком жестко. Пришла в ужас, что мы пешком на вокзал ходили. На днях пойду к священникам, попрошу разрешения снять паникадило. Картину я передал в школу, она всем понравилась, и все очень тронуты Вашим подарком. Оказывается, на другой день в школе собрались многие, чтобы Вас повидать, а мы и не пришли. Если бы не картина, то многим казалось мифом Ваше посещение» (Ед. хр. 2146. Л. 1).

Все эти культурные события происходили на фоне тяжелого быта в условиях военного времени. Читая письма, понимаешь, как много сделали педагоги школы Максимовича для того, чтобы как-то уберечь девочек от бытовых трудностей, сохранить в них веру в силу искусства. А время действительно было тяжелым. Еще одно письмо от 4 августа 1915 г.: «Здесь и в Москве гораздо сильнее отражается то, что происходит на фронте. Столько новых лиц мелькает, все заборы заклеены разноцветными объявлениями. В Твери к тому же оживилась муниципальная деятельность. Пробивают новые колодцы на площадях. Нивелируют улицы, ремонтируют общественные дома. Можно подумать, что и войны нет, но, по-видимому, это всё связано с войной: разрабатывают вопросы водоснабжения и канализации <...> Вероятно, близость столиц делает то, что дрова всё поднимаются в цене и их становится всё меньше в Твери» (Ед. хр. 2135. Л. 1—4). Или письмо от 29 августа 1915 г.: «В общем настроение здесь тяжелое: никакие перемены не успокаивают» (Ед. хр. 2136. Л. 1). И чем дальше, тем становится всё хуже. 11 сентября 1917 г.: «Теперь у нас начались занятия. Настроение у всех плохое. Не знаешь, что ожидать. Всё поглощено заботами о пропитании и о заработке. Предела падению денег не видно» (Ед. хр. 2166. Л. 1). 5 октября 1917 г.: «Волна погромов захватила и нашу губернию. Вероятно, не минует и наш город. Не хочется думать о возможности истребления всего, что дорого нам. Стараюсь отогнать эти мысли. Думаю, что Борок уцелеет. Сам я в свободные минуты засаживаю свой садик молодыми кленами, рою ямы, хочу весной посадить три яблони <...> Через несколько лет они дадут плоды. Странно сейчас этим заниматься, но ведь нельзя же жить с постоянной мыслью о неизбежном конце. Мы, как солдаты в окопах, привыкаем и начинаем вести будничный образ жизни под пулями. Хлеб едим с какими-то примесями. Раньше эти примеси шли на корм скоту. Я не нахожу хлеб плохим, лишь бы он был. Мало сахара. Мед тоже трудно доставать» (Ед. хр. 2167. Л. 1—2). 21 ноября 1917 г.: «Если затянется кризис, останемся с января без жалованья» (Ед. хр. 2169. Л. 1).

Политические взгляды Кандаурова, его взгляды на будущее России претерпевают эволюцию от восторженного оптимизма до полного пессимизма. Так, в декабре 1916 г. на вокзале он встречает свою ученицу из коммерческого училища, которая во время учебы ничем не выделялась, а сейчас стала директором писчебумажной фабрики в Москве. Этот факт очень радует Кандаурова. 26 декабря 1916 г. он пишет: «...глядя на ее энергичную фигурку, я решил, что Россия не пропадет. Мои ученицы, коммерсантки и «максимовки», сумеют всё поставить на ноги <...> Семья моих питомцев всё растет, и, встречаясь с ними, я нахожу новый источник бодрости в работе» (Ед. хр. 2156. Л. 1—2). В письме от 10 марта 1917 г. он открыто выражает свои надежды на расцвет России: «Дорогой Василий Дмитриевич. Я захвачен сейчас политической организационной работой. Состою секретарем кадетской партии. Как всегда большинство не решается еще высказать свои взгляды, боясь не угодить толпе. Я уважаю всё, что сделала кадетская партия, потому что она работала искренне и по разуму <...> События, которые происходят и будут происходить — результат выстрела гимназиста в австрийского принца. С этого момента огромная лавина несется, всё больше захватывая за собой новые, питающие ее глыбы векового, слежавшегося снега и льда. Обнажились самые глубокие слои. Я вижу, что не только Романовы отошли в область истории, но и многое другое. Монархизм потерял корни не только у нас, но и в Германии. Сейчас это незаметно. Но скоро будет ясно. Надо заново строить русскую землю. И здесь собирателем явится не Иван Калита, а А. И. Гучков. Вольные донские казаки, украинцы наши и австрийские, поляки, финны, армяне, сибирские патриоты, приволжские мукомолы — всё это пестрое, но объединенное одним чувством своего права и хозяйственного интереса — не позволит остаткам родовой аристократии или прихлебателям старого режима разного сорта стать поперек дороги в установлении русской государственности на основах, родственных с учреждениями Америки, Австралии, Канады и Южной Африки. Наша партия до сих пор верила, что лучшего строя, чем парламентская монархия в Англии, быть не может. Но недаром в ее среде существовали и республиканцы. Республиканцы питались идеями от социалистов. Теперь и другое крыло будет республиканское. Социализм же не пойдет далее некоторых реформ частного характера.

Я вижу громадный успех в рядах крайних партий. С ними теперь гораздо легче работать. То, что происходит сейчас, бывает раз в несколько столетий и во всяком случае захватывает глубже и шире, чем французская революция. Предстоит новый расцвет искусства, поэзии и вообще духовного подъема. Я радуюсь за Вас, дорогой Василий Дмитриевич, что Вы увидели восходящее солнце новой жизни. Раньше Вы были больше скептиком, но в последнее время в Вашей душе была юношеская вера и энергия. Недаром так полюбила Вас молодежь» (Ед. хр. 2162. Л. 1—2).

Но уже с августа появляются нотки пессимизма. 10 августа 1917 г.: «...реформы захватили школу, где я так любил работать. В результате их всё может пойти прахом» (Ед. хр. 2165. Л. 1). Дальше пессимизма становится всё больше и больше. В сентябре Кандауров бросает партийную работу и лишь наблюдает за происходящими событиями, не в силах что-либо изменить. 11 сентября 1917 г.: «Думаю, что северного продвижения немцев вглубь России не будет. Мы всё равно для них

не опасны. А большего обессиления, чем мы сами устроили, никакой враг не сумеет сделать с нами. Если бы правительство сумело сократить армию численно, улучшив ее качественно, было бы многое сделано, но едва ли это сумеет сделать. Если подумать и посравнить старое и новое, то ясным станет бессилие человека превзойти себя самого. Все герои сегодняшнего и вчерашнего дня оказываются просто русскими людьми, как-то ни в кого веры нет. Я потерял веру и в себя, и в Милюкова. Вы давно уж последнему не верите. Потеряв сам всякую способность разбираться, я бросил партийную работу. Ход русской истории таков, будто ремень приводной соскочил, и машина вертится бесполезно, бессмысленно, и в ее движении чувствуется близость кризиса. Сколько лет еще продлится это? Принесет ли мир нам облегчение? Не станет ли он сигналом междоусобной драки?» (Ед. хр. 2166. Л. 1). 5 октября 1917 г.: «...я не надеюсь на благополучное развитие дальнейшей борьбы умеренных и неумеренных. Даже если война кончится, республике придется туго» (Ед. хр. 2167. Л. 1).

После октябрьского переворота чувство отчаяния усиливается, а пророческие изречения Кандаурова оказываются удивительно верны. 5 ноября 1917 г.: «Всё, что происходит, еще не конец испытаниям России. Я уже утрачиваю способность определить, чем я могу помочь. Логика, рассуждение, здравый рассудок так же мало стоят теперь, как и кредитная карточка» (Ед. хр. 2168. Л. 1). 2 ноября: «Если эта война кончится нерешающе, то надо думать, не за горами новая. Вильгельм и Ленин ведут борьбу за мирное будущее и христианские идеалы. Но средства их слишком внутренне сходны и отвратительны. Необходимо и того, и другого преодолеть» (Ед. хр. 2169. Л. 1). 7 декабря: «Положение у нас подобно всем местам Средней России. Люди спешат, что-то устривают, как будто они знают, что не за горами могучее дуновение, которое всё разметет, как карточный домик» (Ед. хр. 2170. Л. 1).

Действительно, многое, создававшееся веками духовными и физическими усилиями великих русских людей, настоящих интеллигентов и патриотов рухнуло от выстрела «Авроры». Так, в единый миг декретом Наркомпроса в сентябре 1919 г. прекратило свое существование одно из значительных «культурных гнезд» Твери — земская учительская школа им. П. П. Максимовича, переименованная к тому времени в семинарию. Было не просто закрыто некое учреждение, была разбита дружная культурная семья педагогов и учеников.

Сейчас мы пытаемся восстановить эти разрушенные «культурные гнезда», тем самым возрождая нашу духовность, носителем которой всегда была русская культура. Имя Леонида Васильевича Кандаурова стоит в ряду имен больших тружеников на ниве отечественной культуры. Изучение деятельности таких же, как он, «российских провинциалов» может послужить залогом культурного возрождения провинциальных городов, обретения ими своего «культурного лада»⁹⁵.

⁹⁵ Культура в провинции. Липецк, 1990. С. 4.

ПРИЛОЖЕНИЯ

М. И. Грифцова Воспоминания¹

*На старости я сызнова живу,
Минувшее проходит предо мною...*

Школа Максимовича... Хочется сказать: «Как много в этих звуках для сердца моего слилось». Я вспоминаю об этом времени как замечательной, очень значительной и счастливой полосе своей жизни. Вспоминаю с благодарностью судьбе за то, что мне довелось быть «максимовкой», жить и учиться там. Мы, ученицы, свою школу очень любили и гордились тем, что мы — «максимовки». Казалось, что нет на свете школы лучше нашей. А вспоминая о прошлом теперь, я еще больше вижу, понимаю и убеждаюсь, что школа Максимовича действительно была замечательной общеобразовательной школой, а по задачам, порядку и духу, по общей атмосфере она заслуживает особого внимания.

Это женская учительская школа, основанная в 1870 г. в Твери П. П. Максимовичем на его личные средства.

П. П. Максимович (1817–1892) — образованный морской офицер, известный преподаватель и воспитатель Петербургского морского корпуса, а позднее, после освобождения крестьян России, — выдающийся деятель передового Тверского земства, увлеченный задачей распространения грамотности среди народа пореформенной России. Имя основателя было присвоено школе по ходатайству Тверского земства, в ведение которого она перешла полностью в начале 80-х годов, еще при его жизни.

По мысли П. П. Максимовича и его соратников, педагогов-энтузиастов, эта школа должна была готовить образованных учителей для народных школ и этим содействовать просвещению народа России, что было основной задачей освобождения крестьян. Школа замечательно выполняла эту задачу, несмотря на большие противодействия, притеснения и даже гонения, чинимые ей министерством царской

¹ Мария Ивановна Грифцова (урожд. Иванова, род. 20.01.1896). Дочь солдата, закончила двухклассное училище в с. Тургиново Тверского уезда. Училась в школе Максимовича в 1909–1914 гг. Жена литературоведа и искусствоведа Б. А. Грифцова, мемуаристка: 1) Из воспоминаний об институте Итальянской культуры в Москве // Дантовские чтения. 1979. М., 1979; 2) Воспоминания // Мои университеты. Тверь, 2006 (не закончены).

России, в мрачные годы реакции доходившие до увольнения некоторых педагогов и учеников. Боясь образованных учителей и подлинных знаний о природе и человеке, министерство не разрешало удлинять срок обучения, увеличивать число учениц, расширять программу, вводить некоторые «опасные» предметы. Но несмотря на министерские запреты, школа неустанно проводила в жизнь свои прогрессивные принципы и боролась за продление и расширение образования учениц, которое значительно выходило за пределы казенной программы.

Первые 17 лет (1870—1887) школа была под непосредственным руководством ее основателя и преданных делу педагогов А. Н. Робера и Н. П. Дьяконовой. В дальнейшей жизни школы, в сохранении и развитии ее лучших традиций очень большое значение имел Ф. Ф. Ольденбург (Ф. Ф. Ольденбург, окончив Петербургский университет, выполнив диссертацию о Платоне, отказался остаться при университете, чтобы занять место педагога в школе Максимовича, признав дело просвещения народа самым важным делом того времени и своей жизни. — М. Г.), который работал здесь в звании педагога 27 лет, с 1887 по 1914 г. до внезапной смерти своей при начале войны 1914 г. Он был душой школы, идейным вдохновителем и направляющей рукой коллектива замечательных преподавателей, и ученицы школы получали более широкое образование, чем позволяла казенная программа.

О НАШЕЙ ЖИЗНИ В ШКОЛЕ МАКСИМОВИЧА

Началась наша жизнь очень просто и легко. Все ученицы школы Максимовича здесь не только учились, но и жили. Но даже в первые дни в школе, оказавшись среди незнакомых людей, в новой обстановке, я не почувствовала ни растерянности, ни одиночества. Все кругом мне казались простыми, приветливыми, у меня совершенно легко завязались первые знакомства с одноклассницами, несмотря на мою застенчивость. Помню, как симпатичная краснощекая Наташа Лабазникова с живым дружелюбием подошла ко мне и пригласила быть ее соседкой в большой светлой спальне с белыми кроватями и с тумбочками около них, и я с радостью согласилась. Помню, как затем вместе с нею мы весело бежали по лестнице старого здания в полуподвальную столовую со сводчатыми потолками, а там уже собралось много учениц за накрытыми столами, а за каждым хозяйничали две дежурные девочки. Всё это мне удивительно интересно. Но самое замечательное я увидела в классе. Там были не обычные парты, как в нашей деревенской школе и в других учебных заведениях, а для каждого — венский стул и столик с выдвигаемым ящичком для тетрадей и книг. Стояли они тремя колоннами. А перед ними была кафедра со столом для преподавателя. Это было необыкновенно и всё «как у взрослых», что мне очень понравилось. Но рядом с Наташей сидеть в классе нам не удалось. Врач рассаживал всех по зрению, и, непривычно для себя, я оказалась «на Камчатке», то есть в самом последнем ряду и с незнакомой мне, но милой и дружелюбной Варей Михайловой, с которой, несмотря на разные наши интересы, мы все пять лет были хорошими товарищами и «добрыми соседками», как написала она на своей фотографии при окончании школы.

Общая жизнь учениц в школе была дружной, как в хорошей семье. Никаких глупых ссор у нас не было. Настоящая дружба завязывалась у нас как-то само собой, независимо от соседства: очевидно, по закону «сродства душ» в свободное время оказываешься в кругу тех, с кем интересно и легко, с кем просто можно поболтать, или обсудить что-то интересное, или побродить по городу. Общение с друзьями вносили что-то новое и многое давало мне.

Вместе с тем довольно скоро развилась у нас и общая классная жизнь, а класс стал своего рода нашей республикой, у которой была особенность, со стороны казавшаяся довольно смешной. Особенность эта — боязнь «барышничества» и сентиментальности в наших отношениях и обращении друг с другом. От этой боязни мы впадали в нарочитую грубоватость, особенно с более близкими, с друзьями. Так, обращаясь к классу, мы не могли сказать принятое тогда «господа», «друзья», даже «девочки». Это казалось нам слишком благопристойным, банальным. Вместо них в ходу было мальчишеское «братцы». А друг друга называли не обыкновенными уменьшительными, вроде Таня, Катя (и конечно, не Танечка и Катенька), казавшиеся нам слишком нежными, а чаще всего прозвищами, слегка грубоватыми, произведенными от имени и фамилии, — Лешка, Илюшка, Розишка или Вергуж (от Веры Гужовой). В этих прозвищах выражалась наша дружелюбность и симпатия к данному лицу. Своими настоящими именами и фамилиями называли лишь наиболее далеких и солидных учениц. Но внешняя грубоватость совсем не означала нашей душевной грубости. Чуткость к другому и способность его понимать была у нас неписанным законом для каждого, кто не был душевной дубиной. И между собой, хотя и в стиле далеком от сентиментальности, мы повседневно проявляли душевное внимание друг к другу, не говоря уже о примитивном участии, например, к заболевшей, особенно, если она окажется в школьной больничке. Такую затворницу, конечно, развлекают записочками, заглядыванием к ней в окна и другими знаками сочувствия.

А день рождения или именин! Как интересно было утром открыть ящик своего школьного стола! Там оказывалась целая груда красивых открыток, заранее выбранных на прилавке соседнего магазина. Даже от кого не ожидаешь! И это скромное внимание друзей, не забывших о твоём дне, было так приятно, что весь день становился радостным, праздничным, и в обеденный перерыв весело бежишь, бывало, в ближайшую лавочку «к Богданьчу», чтобы купить пакетик дешёвых конфет и угостить ими в перемену друзей. Слово же «братцы», о котором я упоминала уже, часто звучало у нас как вечевой колокол, когда надо было обсудить что-то всем классом. Это «что-то» иногда вспыхнет и загорится, как «вспыхнул» у нас однажды журнал, когда несколько человек, воспламенённых этой мыслью, вбежали в класс, вскочили на кафедру, и все вместе наперебой закричали: «Братцы! Давайте издавать журнал!» И очень горячо, шумно всем классом обсуждали этот вопрос, а журнал так и называли «Вспышка». Почти сразу увлеченно стали строчить для него стихи, рассказы, для № 1 больше всего юмористические. Быстро выпустили первый номер в красиво нарисованной обложке и с веселыми стихами на первой странице о том, как возник наш журнал. За первым номером скоро вышел второй, третий, а затем, не помню на каком номере и почему, но довольно скоро наш журнал

угас так же внезапно, как и возник. После я узнала, что были журналы и в других классах и жили некоторые, кажется, более долго и прочно.

Для наших классных сборищ было удобно, что в классах у нас стояли не парты, а столы и стулья. Их легко было раздвигать, когда нам нужно было свободное пространство то для первоначальных репетиций к спектаклю (которые ежегодно преподавательница Мария Ипполитовна² ставила в зале с каждым классом, и это всех очень увлекало), то к литературному вечеру, то для шарад, которыми мы очень увлекались; а в младших классах и для того, чтобы поучиться танцевать. Тогда в класс, обычно вихрем, по-мальчишески, влетала веселая шумная «Илюшка» и, вскочив на кафедру, выпаливала: «Братцы! Давайте танцевать! Раздвигайте столы! Лешка, неси балалайку, гитару!» И если это находило отклик, моментально освобождали место, закрывали двери, и начинался наш собственный танцкласс. В воскресенье же вечером вся школа часто собиралась на танцы в большой зал, где по просьбе учениц играла на рояле Ольга Юрьевна (начальница)³, а на больших вечерах с гостями — тапёр. Такая была у нас общая школьная жизнь.

Учебных занятий у нас было много, особенно в старших классах. Кроме обычных пяти уроков с 9 часов до 16-ти с двухчасовым обеденным перерывом (12—14 часов), были еще вечером полтора часа (с 6.30 до 9 часов) лабораторные занятия по естествознанию, химии, минералогии, а в старшем классе — педагогические беседы с обсуждением наших и «пробных» уроков старшеклассниц, которые они проводили в нашей «нормальной школе»⁴. Но все занятия были распределены очень продуманно. У нас оставалось и свободное время, чтобы на площадке нашего большого двора (с кустами и деревьями) поиграть в крокет, горелки, лапту, городки или небольшой компанией побродить по городу, посмотреть разные его уголки.

Одно из ранних воспоминаний — «день ромашки» на улицах Твери. Я с Наташей Лабазниковой и Олей Курочкиной иду по залитой весенним солнцем многолюдной Трехсвятской улице, где девушки и юноши с корзинами бумажных ромашек протягивают каждому цветок, чтобы так собрать деньги на борьбу с чахоткой — ужасным бичом того времени. Опустили монеты и мы, получили ромашку и радуемся, будто на празднике победы, не подозревая, что через год-два чахотка подкрадется к одной из нас, и румяная жизнерадостная Наташа покинет из-за этого школу.

Иногда всем классом мы отправлялись на далекую загородную прогулку-экскурсию: сначала на трамвае до конца города, потом пешком в Желтикову сосно-

² Мария Ипполитовна Вышинская (род. 1863) — преподаватель русского языка в младших классах в 1892—1919 гг. С 1918 г. заведовала школьной библиотекой. Окончила Витебскую женскую гимназию и Высшие женские курсы.

³ Ольга Юрьевна Федорова (род. 1866) — с 1891 г. преподаватель естественной истории, в 1905—1907 и 1911—1919 гг. начальница школы Максимовича. Родилась в семье надворного советника, окончила Новгородскую женскую гимназию и Высшие женские курсы в Петербурге (ГАТО. Ф. 861. Оп. 1. Ед. хр. 1186. С. 8—9).

⁴ Школа для городских детей в здании школы Максимовича, служившая для практики учениц и наблюдения педагогической работы «образцовых» учителей.

вую рощу, где был старинный заброшенный монастырь⁵ с заросшей стеной вокруг, за которой чудилось что-то таинственное. Или в той же стороне иногда уходили через «Горбатый» мост за Волгу к природе с нашей «биологиней» Алевтиной Николаевной⁶, весной за анемонами, вообще за растениями; учились определять их по Маевскому⁷ (а в летнее время, на каникулах, в деревне уже самостоятельно составляли гербарий). В большие праздники я заходила иногда с подругами в старинный собор двенадцатого века⁸ (в 30-е годы он был взорван. Теперь на его месте — памятник Калинин. — М. Г.) посмотреть торжественную архиерейскую службу со множеством священников в праздничных ризах, с мальчиками в стихарях. Главное же затем, чтобы послушать замечательный архиерейский хор мальчиков. В те годы управлял хором А. Александров⁹, который в советское время стал первым организатором и руководителем Краснознаменного ансамбля и прославленным народным артистом СССР.

Ходили мы в Заволжье и в Затверечье. Там совсем как село с деревянными постройками. А на самом берегу Волги, при впадении Тверцы, стоял старинный Отроч монастырь¹⁰ (ныне не существует, на его месте — речной вокзал. — М. Г.), куда был сослан когда-то Иваном Грозным неугодный ему московский митрополит Филипп за то, что обличал царя и его опричников в жестокости и распущенности и поплатился за это жизнью. С невольной робостью входили мы в его низкую полутемную келью, где по приказу царя он был задушен Малютой Скуратовым. Под сводами этой небольшой кельи, во всю ее высоту была картина-фреска, изображающая тот страшный момент, когда Филипп во время молитвы стоит в этой келье на коленях перед иконой с горящей лампадой, а в полуоткрытой двери показывается свирепый опричник, явившийся для расправы с ним. Наверное, благодаря этой картине, я вспоминаю келью не пустой, а с действующими лицами этой исторической драмы.

⁵ Успенский Жёлтиков мужской монастырь на левом берегу реки Тьмаки около села Жёлтиково при въезде в Тверь со стороны Старицы. Основан в 1394 г. архиепископом Арсением. В настоящее время разрушен.

⁶ Алевтина Николаевна Светликова (род. 4.07.1881) — преподаватель естествознания в 1910—1919 гг. Окончила физико-математический факультет Петербургских Высших женских курсов, в 1900—1904 гг. работала в начальной школе г. Сызрани Симбирской губернии.

⁷ См., например: *Маевский П.* Весенняя флора средней России: Таблицы для определения растений, цветущих в марте и апреле. М., 1886.

⁸ Спасо-Преображенский собор построен в XII в., находился на Соборной площади (ныне пл. Революции). Взорван в 1935 г.

⁹ Александров Александр Васильевич (1883—1946), композитор и дирижер, создатель и руководитель Ансамбля песни и пляски Советской Армии. В 1906—1918 гг. был регентом архиерейского хора в Твери, преподавал музыку в гимназиях, Тверском реальном и коммерческом училищах, создал музыкальную школу для детей и взрослых.

¹⁰ Отроч Успенский мужской монастырь на левом берегу Волги при впадении в нее Тверцы; основан в XIII в. В XVI в. в монастыре были заточены писатель и публицист Максим Грек и митрополит Филипп. В 1930-е гг. при строительстве Иваньковского водохранилища и канала Москва — Волга все монастырские постройки, кроме Успенской церкви, были снесены, и на их месте построено здание Речного вокзала.

На прогулках больше всего тянуло нас к Волге. На ее высокой набережной особенно хорошо было под вечер в начале лета или осени. Простор, тишина, из общественного сада доносится музыка духового оркестра, больше всего старинные сердцещипательные вальсы. Вход в общественный сад во время музыки по билетам, и его центральные аллеи заполнены многолюдной нарядной толпой гуляющих. Одни в потоке, напоминающем огромную извивающуюся змею, двигаются по аллеям, другие сидят на скамейках как зрители. Но долго смотреть на эту толпу скучно, а музыку лучше слушать издали за садом, в тишине набережной, где она так мягко звучит над просторами Волги, или из безлюдного диковатого Губернаторского сада (находится около дворца. — М. Г.), который находится рядом с общественным, тоже у Волги, и такой же зеленый и тенистый.

А зимой подобное общественное гулянье, но без музыки, происходило на главной улице города — Миллионной (вблизи Волги. — М. Г.). Даже на одной стороне улицы — от угла Восьмиугольной площади до дворца¹¹. Гуляющие так и ходили от угла до угла часами.

В старших классах было несколько любительниц такого гулянья на Миллионной. Иногда в свободное время, с ведома начальницы, они уходили туда после 6-ти до 8-ми вечера, встречались со знакомыми семинаристами, гимназистами, реалистами, знакомились с их товарищами, и случалось, что, увлекшись, задерживались немного дольше положенного времени. Тогда в школу они возвращались не через парадное, а через забор, немного опаздывая к ужину. Одна любительница таких прогулок однажды, перелезая через забор, соскользнула в бочку с дождевой водой и вылезла оттуда как мокрая курица, в довольно жалком и неприглядном виде. Нечаянные зрители этого «спектакля» здорово смеялись между собой над посрамленной беднягой, но деликатно помалкивали. Только Митрофан Михайлович (преподаватель литературы) на другой день, проходя мимо искупавшейся, бросил вскользь с демонической насмешкой: «Хорошо искупались?» Я в таких гуляньях не участвовала. Мне казалось это неинтересным и смешным — ходить стадом по улице от угла до угла. А знакомиться со случайными встречными из этой толпы тогда казалось мне неудобным и пошлым. Но побродить по городу с подругами, разведать разные его уголки я любила. Ранней весной особенно тянуло к Волге во время ледохода. Можно было часами смотреть на движение льда, следить, как льдины, толпясь, сталкиваясь друг с другом, пробивают себе путь; как на другой стороне, у Отроч монастыря, в Волгу входит лед из Тверды, а на нашей — из Тьмаки. Смотришь на это движение, и оно тебя так затягивает, вовлекает, что трудно от него оторваться. Тогда казалось, что и сама двигаешься со льдинами, а они, торопясь, обгоняя друг друга, спешат в какую-то страну, и провожаешь их с грустью, как живые существа. Весенний ледоход был для нас волнующим, радостным событием.

Но вот Волга входит в свои берега. Тогда можно отправиться на прогулку по реке в большой лодке и, конечно, с волжскими песнями. Но и пешие походы

¹¹ Путевой императорский дворец построен в 1764—1777 гг. по проекту архитектора П. Р. Никитина при участии М. Ф. Казакова для отдыха членов царской семьи и свиты по пути из Петербурга в Москву. В 1898—1917 гг. дворец был резиденцией тверского губернатора. Ныне в нем располагается Тверская картинная галерея.

за город за цветами, за материалом для естествознания всем классом чаще всего были связаны с Волгой.

А зимой на Волгу или в лес за Волгу отправлялись с лыжами. Лыжи теперь — обычное дело, а в те времена они были редкостью. До школы Максимовича я видела в деревне только охотничьи лыжи: короткие, широкие, без палок, но с веревочкой на «носу». Лыжный спорт и гимнастика тогда не были приняты, как теперь, тем более в женских школах. И вдруг — удивительное новшество: у нас в школе ввели гимнастику! Затем появились лыжи. Мы были в восторге. Причем гимнастика у нас тогда была «шведская», с палками, а лыжи — «финские». Для гимнастики мы облачались в особые, необыкновенные для того времени костюмы, очень целесообразные и удобные: в шаровары до колен, рубаху вроде мужской косоворотки с поясом, в специальные туфли с резиновой подошвой. Из Москвы приехала к нам изящнейшая руководительница гимнастики — Ю. М. Белоусова¹². А финские лыжи с палками и тонкими гнущимися валенками к ним много веселых часов доставляли нам, когда в свободные дни мы неслись на них с высоких берегов Волги или ходили среди девственной белизны заснеженных полей и лесов Заволжья. Соревнования спортивные нас тогда совсем не занимали. Просто весело было двигаться, дышать искристым зимним воздухом, радоваться на красоту мира и чувствовать себя счастливыми. Весело было даже смотреть на удивление горожан, когда с лыжами в руках мы проходили по улицам города. Так проводили мы свободное от учебных занятий время. И наш досуг очень обогащал нас жизненными впечатлениями.

Теперь о том, как и чему нас учили, т. е. о самом главном.

Прежде всего скажу, что мы любили учиться, стремились к учению и занимались добросовестно, с интересом и без всякого принуждения. Я не видела у нас неохоты учиться, что с удивлением встречала позднее не раз, и что мне в годы моего учения казалось пережитком старой бурсы или особенностью неразвитых, тупых людей.

Нам очень хотелось получить образование и подготовить себя к полноценной интересной жизни, которая мерещилась где-то впереди. Поэтому я и мои друзья не ограничивались минимумом, но с жадностью, свойственной юности, охотно расширяли круг знаний и чтением, и занятиями, которые рекомендовали нам наши замечательные учителя. А мы верили им! Словом, мы учились совсем не как Митрофаны, и к делу относились не как «поповы работники», а если иногда ленились, то доблестью это не считали.

И еще особенность: занимались мы не для экзаменов и не для того, чтобы заработать ту или другую отметку. Тем более что в школе Максимовича, в отличие от других учебных заведений, не существовало обычных отметок по пятибалльной системе, как не было и мучительных переходных экзаменов из класса в класс, тоже обычных в то время для средних учебных заведений. И мы гордились, что учимся не для отметок, а для знаний.

¹² Юлия Михайловна Белоусова — преподаватель физкультуры в 1911–1912 гг. Окончила женскую гимназию кн. Оболенской и курсы массажа, врачебной и педагогической гимнастики Е. Н. Зальсовой.

Экзамен был у нас только конкурсный при поступлении в школу и выпускной при ее окончании, а знания закреплялись и проверялись в конце каждого полугодия двухнедельным повторением (по частям) пройденного, что называли у нас «репетициями». Проходили они как урок, на котором спрашивали заданный для повторения материал. Готовились мы к «репетициям» тщательно, но кто как хотел: и в одиночку, и группами в любых комбинациях, а кто в чем-то был слаб, всегда находил товарищескую помощь у тех, кто данный вопрос или предмет знал лучше. Получалось это само собой. Простые товарищеские отношения были безупречны. Преподаватели нас не тянули, не подгоняли, не «пробирали», но я не слыхала ни об одном второгодничестве в школе, не знала ни одного настоящего лодыря. Вспоминаю, как после «репетиций» и педагогического совета, на котором обсуждали наши успехи, начальница приходила в каждый класс сообщить результаты. Появление ее у нас мы ждали всегда в приподнятом настроении, а когда наш дозорный влетал с лестничной площадки в класс с возгласом «идет», мы все замирали в ожидании Ольги Юрьевны. И как только она показывалась в дверях, невысокая, седовласая, безупречно строго одетая в своего рода форму — хорошо сшитое закрытое шерстяное платье темного цвета с высоким воротом, мы дружно поднимались для молчаливого приветствия. Затем с нетерпением ждали, когда она неторопливо, с достоинством, сядет за учительский столик на кафедре, развернет свою записную книжечку и будет говорить о том, что «думает о нас педагогический совет». Уже по голосу ее, серьезному или веселому, мы узнавали, довольны нами или не очень. В конце она сообщала, у кого и что не совсем благополучно, и называла фамилии, кому и по какому предмету надо «поправиться». У нас это называлось «получить поправку». Мы всегда радовались, если класс оказывался на высоте, «поправок» было мало, а Ольга Юрьевна улыбалась.

Такое отношение к учебе, к занятиям, конечно, создавалось в школе нашими замечательными учителями во главе с Ф. Ф. Ольденбургом, который был вдохновителем, душою этого коллектива, считал дело просвещения народа после освобождения крестьян самым нужным и признавал его делом своей жизни.

Общее образование нам, будущим учителям народных школ, стремились дать более широко и разносторонне, и фактически мы проходили больше, чем позволяла нам казенная министерская программа царской России. Наши учителя значительно выходили за ее пределы, расширяя и углубляя ее. Даже были введены и хорошо поставлены предметы, совсем не значащиеся в программе, например, химия и литература. Узнала я об этом позднее, а тогда, в годы ученья, вопросы о программе у нас не возникали, но о том, что преподавание у нас было чем-то полнее и интереснее, чем в других средних учебных заведениях, мы догадывались и тогда из разговоров с гимназистками и епархиалками. Нам казалось, что у нас всё лучше, полнее, интереснее; мы очень этим гордились и охотно, добросовестно занимались всеми предметами, чтобы не быть невеждами. Учились учиться, считая это делом естественным, а главное — само преподавание вызывало интерес и охоту к занятиям.

У меня, например, не было склонности к математике, и заниматься ею для удовольствия, подобно моей соседке, меня не тянуло. Но я добросовестно, даже с ин-

тересом, занималась тригонометрией и геометрией, в которых чудилось что-то космическое; решала задачи, доказывала теоремы, не отлынивала от казавшихся мне скучными логарифмов, без дискуссий признавая значение математики в нашем образовании и умственном развитии. И с удовольствием вспоминаю нашу преподавательницу М. И. Модестову¹³, ее улыбающееся круглое лицо, обрамленное короткими седыми волосами, когда она с мелком в руке у доски, будто пританцовывая, говорит с сияющей улыбкой, что математика — это не только формулы, но и путь к ним; что доказывать в математике надо красиво, последовательно, что это дисциплинирует ум.

В те годы, когда я училась в школе, еще не наступил «век физики», и она тогда еще не вовлекала в свою орбиту всех, независимо от их склонностей и способностей, как это случилось позднее, когда все хотели быть только физиками, пренебрегая другими, хотя и очень интересными, сторонами деятельности человека.

У нас в школе Максимовича, как и в других средних учебных заведениях, была обыкновенная «классическая» физика, изложенная в толстых учебниках Краевича и Цингера¹⁴. Проходили мы ее, конечно, наглядно, с опытами в очень хорошем физическом кабинете с Л. В. Кандауровым. Он же преподавал и интересный предмет — космографию.

Совершенно иной, чем теперь, была и география. Это был легкий, увлекательный предмет о земле, о разных странах, об их природе и жизни людей. А принятые тогда учебники Крубера и Педольца¹⁵ о европейских и неевропейских странах были написаны простым языком, с разнообразными иллюстрациями, и мы читали эти учебники с большим интересом, как беллетристику. Как это не похоже на то, что я увидела позднее, когда в 30-е годы дочка училась в одной из московских школ. Меня удивляло, что она не любила географию и со скукой одолевала ее. И только, заглянув в учебник с массой цифр и экономических данных, я поняла, что это — другая география, экономическая, очевидно, трудная и скучная для того возраста, когда они ее проходили.

В большем объеме, чем это позволяла казенная программа, и полнее, чем в гимназиях, у нас в школе отводилось естествознанию (анатомии и физиологии человека, зоологии, ботанике); а проходили мы их не только с наглядными пособиями (скелеты, схемы, муляжи, картинки), но и с лабораторными занятиями в нашем замечательном биологическом кабинете, лучшем в городе, как я узнала потом, где был микроскоп и где рассматривали внутренности и даже кровеносную систему настоящего бедного голубя и лягушки, что мне совсем не доставляло удовольствия. Конечно, ходили на экскурсии к живой природе, а летом в деревне я бродила по лугам и лесочкам с определителем Маевского в руках, собирая гербарий.

¹³ Мария Ивановна Модестова — преподаватель математики в 1887–1919 гг. Происходила из духовного сословия, окончила Смольный институт и Петербургские Высшие педагогические курсы. В последние годы работы школы вела кружок французского языка.

¹⁴ См., например: Краевич К. Д. Сокращенный учебник физики. СПб., 1906; Цингер А. В. Начальная физика. Первая ступень. М., 1912.

¹⁵ См., например: Крубер А. Курс географии Европы. М., 1916; Он же. Начальный курс географии. М., 1914 и др.

Наши учителя-«естественники» были первоклассные по научному уровню и настоящие энтузиасты своего дела. Особенно помню Алевтину Николаевну, типично ученую женщину. Ее круглые добрые глаза под очками как-то особенно светились, когда среди экспонатов в кабинете она что-нибудь показывала и рассказывала нам. Она увлекала учениц, приучая их к живым наблюдениям и тщательным занятиям. И мы очень охотно, с интересом помогали ей в уходе за кабинетом и в лабораторных опытах.

С интересом и уважением относилась я к естествознанию и к увлеченности наших преподавателей, а за школьные годы добросовестно познакомилась с теми предметами, которые мы проходили, учась видеть, наблюдать природу, которая, к сожалению, во многом была для меня немой, хотя я росла в деревне.

Не забуду позорного эпизода со мной на одной загородной прогулке со всем классом. Радуюсь встрече с природой, я с приятельницей иду далеко впереди всех, приближаясь к лесу, и вдруг вижу, как стайка птичек на дороге перед нами вспорхнула и улетела. А одна маленькая серая что-то торопливо еще клюет и не сразу отлетает от нас, я останавливаюсь и с восторгом говорю шепотом: «Варя, смотри птичка! Как ее зовут?» Варя даже останавливается от удивления, а потом насмешливо, увесисто произносит, тыча пальцем в сторону птички: «Эт-та... диковинная птица... во-ро-бей!» Мне было стыдно, и урок этот я запомнила навсегда.

В классической же гимназии в те времена естествознание было поставлено значительно хуже нашего, и мой друг, окончивший гимназию с отличием, смеясь, говорил, что не знает, где у него печенка и что вообще есть у него внутри. В то же время меня поражало, как он знал много птиц, рыб, независимо от гимназии, только благодаря своей наблюдательности, конкретному вниманию к природе, которого у меня, очевидно, тогда не было.

Большим событием у нас было введение в наши занятия нового тогда предмета — химии, которого совсем не было в программе. Встретили мы ее с большим любопытством и с гордостью за нашу школу, что она начинает это новое дело. Но когда приехавшая из Москвы молодая преподавательница Екатерина Алексеевна Кафтанова¹⁶ начала деликатно излагать теоретический курс химии, испещряя доску формулами и буквенными названиями, то мы смутились и увяли от мысли, что всё это надо не только понять, но и запомнить. Однако скоро начались практические занятия в хорошо оборудованной для нас лаборатории, и мы сразу повеселели. Там для каждого двух учениц был очень простой стол с необходимым инвентарем: спиртовкой, штативом, пробирками, колбами и реактивами; в стенных шкафах находились банки с необходимыми химикалиями, а в наших тетрадях были записаны химические задачи, которые мы решали под руководством Екатерины Алексеевны. Это было интересно. Мы, как колдуны, составляли смеси или извлекали какие-то элементы, и страшные химические формулы, которые так испугали нас вначале, теперь стали конкретными и понятными. Откуда-то появились у нас и юмористические стихи «Любовь химика»¹⁷, в которых описывалась природа и любовь при по-

¹⁶ Екатерина Алексеевна Кафтанова — в 1911–1915 гг. преподаватель химии и надзирательница. Закончила физико-математическое отделение Петербургских Высших педагогических курсов.

¹⁷ Выдержки из этих стихов содержатся в книге «На память о дождливом дне в Непрях. 4 июня 1911 г.» (Тверь, 1911) // Архив ШМ НБ ТвГУ. Ед. хр. 14.

мощи химических формул, теперь уже понятных и простых для нас. Это получалось очень смешно, но помогало легко всё запомнить. Так вошла к нам в те годы химия, которой в программе нашей школы совсем не было.

Особенный интерес и значение имели для нас гуманитарные предметы и занятия гуманитарного характера, связанные с изучением разных сторон жизни человека и человеческого общества. Конечно, и преподаватели их. Они очень много открывали человеческого и казались самыми нужными и интересными.

Теперь вспоминаю об этом с глубоким убеждением, что гуманитарные предметы, т. е. человековедение, должны быть общей наукой в развитии и образовании каждого, независимо от специальности, которую он изберет. Они помогают глубже и шире видеть, понимать человека и жизнь. В школе Максимовича такими предметами были литература, история, психология, а также пение, музыка, рисование. Они занимали большое место, особенно литература, которая, как я узнала позднее, совсем не была в программе школы Максимовича, а занимались мы ею на уроках русского языка все пять лет, а вне уроков — в кружках.

Интерес к истории у меня зародился еще в начальной деревенской школе, когда я по хрестоматии знакомилась с эпизодами из жизни Древней Руси. Еще в ранние школьные годы незабываемое впечатление у меня осталось от «Песни о Вещем Олеге» Пушкина. Позднее вспоминаю «Ледяной дом» Лажечникова, «Князя Серебряного», «Князя Курбского» А. Толстого, а больше всего — «Капитанскую дочку», «Полтаву», «Медного всадника» Пушкина. Эти художественные произведения вводили меня в другое время, рождали чувство истории, давали зримое образное представление о давнем времени.

Систематическая же история началась в младших классах школы Максимовича, когда молодая преподавательница Надежда Степановна¹⁸ уводила нас вглубь веков, с торопливым увлечением рассказывая о древней культуре Египта, Ассирии, Вавилонии, а особенно увлеченно — о Греции. Казалось, что ей скорей, скорей хотелось приоткрыть нам эти интересные страницы далекого человеческого прошлого. За ее пристрастие к демосу Греции, а главное, к историку Фукидиту, мы ее и называли между собой Фукидитом, хотя это мужское имя никак не подходило к ее женскому облику. Она бросила первые зернышки, из которых позднее у меня вырос большой интерес к этой удивительной стране и к древним культурам. И думаю, что в то время для меня ощутило встало понятие *народ, жизнь народа*, тогда как прежде был только *человек*, маленький мирок, окружающий нас. Надо сказать, что и учебники по истории я читала с интересом, как книги для чтения. Особенно простого и ясного Виппера¹⁹, который вместе с Виноградовым²⁰ был у нас тогда по всемирной истории. За скупыми словами его всегда можно было увидеть многое.

В старших классах уже более сознательный и активный интерес вызывала история наша, русская, от ее начала до конца 19 в. Вел ее наш преподаватель

¹⁸ Надежда Степановна Сарап (урожд. Чернозерская, род. 1884) — в 1910–1919 гг. преподаватель истории и воспитательница. Родилась в семье священника, окончила Пензенскую гимназию и историко-филологическое отделение Петербургских Высших педагогических курсов.

¹⁹ Виппер Р. Учебник новой истории. М., 1910.

²⁰ Виноградов П. Учебник всеобщей истории. М., 1907–1914. Ч. 1–2.

литературы М. М. Клевенский, к урокам которого мы всегда относились с особенно большим интересом. И когда, войдя в класс, кивнув нам черной шевелюрой и поправляя пенсне, он садился за учительский столик, мы уже с полной готовностью и вниманием ждали, когда он продолжит рассказ о том, что было до нас. Его живые, содержательные лекции давали нам основательные и, казалось, даже зримые представления о нашей истории и как-то проясняли наше настоящее, его корни, путь к нему, действующие силы истории. Слушали мы в старших классах Клевенского, пожалуй, уже как взрослые, способные не только интересоваться, но и понимать события. А учебник Платонова²¹, серьезный, хорошо и ясно написанный, содержал много фактического материала, и читать его было интересно.

Но только теперь я вижу, что древнюю историю в то время я воспринимала как правдоподобную сказку, еще не сознавая остро ее реальной жестокости, трагизма, как узнала и почувствовала это позднее от событий, происходивших в моей жизни. Так и представления древних о существовании духов добра и зла и об их борьбе мне казалось тогда выдумкой диких людей. Я бессознательно сопротивлялась тому, чтобы признать в жизни зло обязательным, наравне с добром, и что борьба их и есть жизнь. Тем более нельзя было не знать истории далекого прошлого человечества и его пути. Это значило быть слепым.

Но для меня самым интересным, любимым и важным предметом на протяжении всех 5-ти лет была литература. Она вводила меня в жизнь и была второй моей жизнью.

О своих преподавателях литературы я вспоминаю с благодарностью. Их уроками, как и уроками Ф. Ф. Ольденбурга, я так дорожила, что если изредка (нездоровье, дежурство в кухне) случалось пропустить хоть один, то была очень огорчена и считала это для себя ничем не возместимым ущербом. Литература не только расширяла мои познания о жизни, человеке, но была неиссякаемым источником для чувств и мыслей и в те годы имела особенно большое значение для моего развития. Но тогда я не задумывалась об этом, а просто любила ее, и она нужна была мне на всех стадиях ученья и жизни.

В младших классах с нами на уроках русского языка занималась литературой Мария Ипполитовна Вышинская. Она как бы закладывала фундамент для истории литературы. Мы знакомились с отдельными произведениями классиков, с их содержанием, поэтикой, биографией писателей. Можно сказать, что мы учились читать и понимать, а тактичный комментарий преподавателя и поэтический анализ в беседе помогали сознательно воспринимать и любить художественную красоту произведения. При этом мы не только много читали, но много знали и наизусть, и это получалось как-то само собой, необязательно. Вспоминаю, например, некоторые стихи Державина, Жуковского, почти целиком Кольцова и Никитина, таких близких нам по народности, по восприятию родной природы и труда. Знали много басен Крылова, а у Пушкина, Лермонтова, Некрасова — не только много стихов, но и глав поэм. Из Гоголя запоминали некоторые отрывки как стихи в про-

²¹ Платонов С. Учебник русской истории для средней школы. СПб., 1913.

зе. И с каким удовольствием, с каким интересом мы наполняли себя этим грузом, который никогда не казался тяжелым и лишним, и даже как-то помогал в жизни, украшая ее.

Большую роль у нас в школе играли также наши литературные вечера, спектакли и подготовка к ним. Их проводила с нами Мария Ипполитовна Вышинская. Сколько мы читали и слушали хороших стихов на этих вечерах для всей школы и гостей. Помню, как увлечена я была нашими спектаклями «Снежная королева», «Майская ночь» и «Аленький цветочек»!

В старших классах очень большой интерес вызывали лекции М. М. Клевенского по истории литературы, в которых он разбирал литературные произведения, течения общественной мысли, затрагивая вопросы общественной жизни. Это увлекало и расширяло круг наших общественных и умственных интересов и понятий.

Никаких учебников по литературе у нас на руках не было, но, заканчивая урок, Митрофан Михайлович обычно называл книги, которые рекомендует прочесть. Помню, как в конце одного урока, окинув нас взглядом через пенсне и недоуменно пожав плечами, он добавил, очевидно отвечая на чей-то вопрос: «Ну, если хотите, то и Саводника». И было понятно, что он не запрещает пользоваться учебником Саводника, но и не считает доблестью знакомиться с литературой даже по хорошему учебнику, принятому тогда в гимназиях. И мы, ученики его, понимали, что самое главное — это хорошо прочитать произведение самому, иметь свое впечатление от него, а потом уже читать о нем.

Не знаю, как другие, но я не хотела заниматься литературой «по Саводнику», учебника этого из библиотеки не брала и не видела, а слово «Саводник» воспринимала пренебрежительно. Несколько позднее, в студенческие годы, я случайно попала в смешное положение, когда в литературной среде, знакомя меня с новым гостем, хозяин, загадочно улыбаясь, сказал: «Знакомьтесь, Саводник!»

В занятиях литературой большую роль играли наши сочинения. Темы их всегда были интересны, разнообразны, можно было выбрать по душе и проявить самостоятельность. Но у меня при выборе темы глаза разбегались, а затем так растекались мысли при обдумывании, в какие подходящие слова облечь то, не совсем ясное, что бродило внутри, что часто мне не хватало времени закончить классное сочинение. И всё же обдумывание, поиск и возможность хоть что-то высказать, очень увлекали. Позднее я узнала, что в архиве школы даже сохранялись некоторые сочинения учениц на литературные темы. Это говорит о том, что писанию их педагоги придавали большое значение. Гораздо труднее мне было высказать что-то устно на уроке. От застенчивости у меня все слова терялись, и я лепетала что-то отрывочное и несвязное. Тогда в острых глазах немного сурового, даже демонического по виду учителя, я видела улыбку недоумения, даже сочувствия к растерявшейся ученице, что еще больше смущало меня. К Митрофану Михайловичу мы все относились с глубоким уважением, даже преклонением, что, однако, не мешало некоторым старшеклассникам непринужденно с ним разговаривать, что-то обсуждать, а иногда, расхаживая в перемены по залу, горячо о чем-то спорить, так сказать, на равных. Мне их смелость и независимость казались удивительными.

Сама я отваживалась только на короткие реплики в классе. И хотя я стремилась к самостоятельности и независимости, но Митрофан Михайлович был для меня непреерекаемым авторитетом. Литературу, рекомендованную преподавателями, мы читали охотно, увлеченно, конечно не думая о том, обязательно это или нет. Читали потому, что интересно было, книга увлекала, захватывала, и потому, что слушать преподавателя или беседу было гораздо интереснее, зная уже тех писателей и произведения, о которых могла идти речь. Интересно было нам и между собой поговорить о литературных героях как о живых людях. А так называемых «старых», т. е. прежних, писателей мы не отвергали, не считали их ненужными. Нам казалось, что есть вечные человеческие истины, что «прекрасное» вечно, поэтому мы интересовались и старым и новым.

Вспоминаю, как мне хотелось знать, что было прежде, до меня, «как пошла земля русская», как начиналась, развивалась, какой путь проходила наша поэзия, литература. Такой интерес к прошлому был бессознательным, но он казался мне естественным, особенно у молодежи.

Большое место в школе Максимовича отводили пению и рисованию, несомненно придавая им большое значение в нашем развитии и в жизни.

Федор Осипович Лашек²², чех по национальности, говорил по-русски плохо, с большим акцентом, но был превосходным музыкантом и преподавателем, а по виду походил на портрет Глинки, что еще больше возвышало его в наших глазах. Мы очень любили уроки пения, много разучивали нового, и наш репертуар был обширным и разнообразным. Можно сказать, что песня сопровождала каждый наш шаг во всех случаях жизни. Мы пели в перемены, вечером после уроков, на прогулках в лодках по Волге. А когда мы ехали куда-нибудь на экскурсию в поездах, то на наш хор стекались пассажиры даже из других вагонов. Вспоминаю и эпизод, довольно неожиданный тогда для Твери. Однажды у нас появилась большая группа черноголовых болгарских студентов²³. Мы с любопытством встретились с ними в нашем большом красивом зале, куда они пришли с Федором Федоровичем, и опять мы пели вместе, сначала с гостями их гимн «Шуми, Марица», общеславянский — «Гей, славяне», свои русские конечно и, наконец — демонстрировали друг другу свои национальные танцы. Болгары показали коллективный национальный танец «Коло», а мы — русскую. Всё это было увлекательным экспромтом, закончившимся проводами «братьев-славян» по городу. Возбужденные, мы шли с ними прямо по мостовой через толпы зеваки, конечно, опять с песнями.

С особенным удовольствием я вспоминаю о том, как в старших классах мы разучивали хоры из «Руслана и Людмилы» Глинки и значительную часть его оперы «Иван Сусанин», которая называлась тогда «Жизнь за царя». В концертном исполнении мы давали ее в нашем большом зале для всей школы и гостей. Солировали наши ученицы и семинаристы духовной семинарии. Задушевно пели свои арии наши

²² Федор (Фридрих) Осипович Лашек (1863, Часлав, Чехия — 1928, Тверь) — в 1893–1919 гг. преподаватель музыки. Окончил школу органистов в Праге, композитор.

²³ См. об этом: *Ильина Т. А.* Болгарские гимназисты в Твери // *Дни славянской письменности и культуры.* Тверь, 1998. Вып. 4. С. 14–21.

две Антонида — небольшими, но чистыми голосами, и наша же исполнительница Вани с хорошим мальчишеским голосом. И каждый раз на репетициях и в концерте мы не просто с удовольствием слушали их, а пели и сами хором, отвечая им, будто участвовали в происходящей драме, захваченные ею.

Особенно трогательно тогда для меня звучала ария Антонида «Не о том скорблю, подруженьки», когда она рассказывает о постигшем их горе, о том, что враги взяли у них отца, а мы, наш хор, с участием утешаем ее. Или ария Вани, когда измученный мальчик у монастырских ворот поет: «Замерло сердце, ноги дрожат, ужас и холод мучат меня! Недруги близко, придут с зарей! Руки наложат... Нет, никогда! Отворите! Отворите!»

Но самым замечательным певцом у нас в этой опере оказался семинарист — Сусанин. Знаменитая ария «Чуют правду», которую Сусанин поет в лесу перед своей гибелью, была исполнена таким замечательным басом, и голос так хорошо звучал в нашем большом зале, что никогда потом эта ария на меня не производила большего впечатления, чем в то время. Очень большой, в то же время и гибкий, мягкий голос проникал в душу. К сожалению, не знаю ни фамилии исполнителя, ни судьбы его, и стал ли семинарист этот певцом или басом своим потрясал только церковные своды?..

Может быть, я говорю слишком хвалебно и восторженно о наших исполнителях и пении. Но я ведь хочу рассказать не об объективной ценности исполнения, а только о том, как мы воспринимали, как много значило это всё для нас, как много мы получали от наших концертов.

На уроках с Лашеком мы разучивали и церковные песнопения, которые нам были нужны. Дело в том, что учащиеся в то время должны были обязательно посещать церковные службы. А у нас, вместо этого, в субботу вечером устраивалась всенощная в школьном зале перед небольшой иконой и зажженной лампадой. Служил старенький священник. Около него становился хор старшеклассниц с регентом впереди. А все ученицы школы располагались в зале классами по своим местам. При этом кое-кто забирался в середину своей группы, чтобы, усевшись там на паркет, под прикрытием флангов, заняться чтением или вязанием. Начальница, поражавшая меня способностью стоять неподвижно более часа среди зала, не могла не видеть приземлившихся лентяев, но делала вид, что не замечает этого, а, может быть, даже сочувствовала им.

Всенощная была не только нашей обязанностью, но и удовольствием, особенно для тех, кто был в хоре. Среди церковных песнопений есть замечательные по музыке, и мы с охотой их разучивали. Регентовали хором некоторые ученицы, назначенные начальницей. Одним из регентов была я. Очень страшно было начало, особенно в первый раз. Казалось, что от волнения не услышишь камертона, не сумеешь дать хору нужный тон. Но потом овладеваешь собой. А осмелев, я устроила однажды самовольство.

Мне очень захотелось, чтобы мы пели не в три голоса, а в четыре, как я слышала в некоторых церквях, куда мы забегали иногда послушать, как поют. Ведь это же будет многозвучней и красивей! Я подговорила девочек. В спальне мы прорепетировали вполголоса всенощную по другому строю, а затем на свой страх и риск

пропели ее в одну из суббот в зале. Не бог знает, какое деяние, но самовольное, поэтому, когда замер последний звук службы, я, вся красная и смущенная, собирала ноты на попире в ожидании, что Ольга Юрьевна подойдет ко мне с «разным». Хор тоже ждал, что будет. Наконец, попрощавшись со священником, Ольга Юрьевна направилась ко мне. «Это что такое?» — сказала она, как мне показалось, строго, но тут же, не удержавшись, улыбнулась. «Откуда вы это взяли?.. Хорошо! Хорошо! Молодцы! Но голоса так можно испортить». — «Так поют в женском монастыре», — говорю я. «Но там есть старые женщины с низкими голосами, а вы — другое дело. Осторожно, осторожно надо», — говорила она, улыбаясь.

Тут и мы все расплылись в улыбках и даже почувствовали себя героями. Всю зиму мы так и пели по-своему.

Кроме пения, Лашек учил играть на скрипке группу учениц, у кого оказались подходящими слух и руки. В их числе была и я. Уроки с Лашеком и упражнения на скрипке происходили у нас во время двухчасового обеденного перерыва в особом домике во дворе, где был скрипичный класс со скрипками и необходимыми принадлежностями.

По окончании школы я получила в подарок скрипку в красивом черном футляре, а потом, рассматривая ее дома, изумилась, вдруг увидев внутри, на нижней ее деке имя знаменитого Страдивари. Что это такое? Как попал ко мне Страдивари? Но я скоро сообразила, что эта новая скрипка не может быть Страдивари. Несколько лет она служила мне верой и правдой, когда, живя в деревне, играя на ней, я отводила душу.

В голодные годы в Москве я рассталась с ней, отправив в комиссионный магазин.

Пение и музыку мы слушали не только в собственном исполнении. Иногда для нас устраивали концерты наши городские друзья. Особенно добрым словом хочется вспомнить Николая Федоровича Платонова, преподавателя физики в мужской гимназии. Необыкновенно обаятельный человек, сам хорошо играющий на рояле, он (очевидно по дружбе с нашими педагогами) иногда в воскресенье появлялся у нас с каким-нибудь исполнителем: со скрипачом, виолончелистом или певцом. Нередко выступала его жена, хорошая певица с низким красивым контральто. Аккомпанировал часто сам Николай Федорович, иногда Александров, тогда регент архиерейского хора, а у нас выступавший как пианист. Всё это нас очень обогащало, приобщало к музыке.

Когда мне было 15—16 лет, я много читала Достоевского, а летом в деревне зачитывалась им иногда до утра, благо никому не мешала в своем мезонине. Трудные вопросы о жизни, душевные противоречия, которые мучают героев Достоевского, захватили и меня, тем более что и сама я испытывала тогда какую-то душевную тревогу, смутную неудовлетворенность жизнью. Но не в силах разобраться во всём, я чувствовала полную растерянность и беспомощно барахталась в «достоевщине», не видя никакого выхода из тоски и мрака. Словом, «рефлексия заела» меня, как тогда говорили, а мой подавленный вид, беспричинные слезы пугали и огорчали маму, когда я бывала дома в деревне. Она не понимала, что со мной творится. В школе же Максимовича все разговоры мои с подругами, даже в перемены, вертелись вокруг тех же «проклятых» вопросов, которые давили меня. Тогда-то

и заклеили меня кличкой «философ», «Маша-философ», а еще насмешливей — «Иустин-философ». Так меня называла всегда живая, остроумная Наташа Ильина, сама чуждая рефлексии, а сплин свой выгонявшая тем, что лежала на кровати, поедая халву, пока ее не охватывало омерзение от халвы и от лежания.

Впоследствии мой муж Борис Александрович Грифцов²⁴ говорил, что Достоевский, как и греческая трагедия, вызывая определенные трагедийные переживания, затем приносят человеку освобождение, очищение души. У меня в тот период этого не было, может быть потому, что я обратилась к Достоевскому слишком рано.

Из моей душевной смуты тогда помог мне выбраться В. В. Вересаев своей книгой «Живая жизнь» о Толстом и Достоевском. О книге этой я впоследствии слышала и неодобрительные отзывы, но сейчас я хочу сказать не о достоинствах или недостатках этой книги, а только о той большой роли, какую сыграла тогда она для меня. Очевидно, «Живая жизнь» попала, как говорится, в точку при тогдашнем моем душевном состоянии, потому и способствовала его разрядке. И, собственно, не вся книга, а некоторые мысли в ней.

У героев Достоевского, тоскующих от мировой дисгармонии, в глубине души теплится надежда, что в мире ужаса и скорби есть «живая жизнь», светлая, радостная, знающая свои пути. Но ни сам Достоевский, ни герои его не могут найти эту живую, простую жизнь, к которой так рвутся. Не могут, потому что ее нельзя найти разумом, путем логической мысли.

Находит ее та сила, которая идет у человека рядом с его разумом, но познает жизнь иначе — не анализом и логическими рассуждениями, а интуицией. Эта сила утеряна героями Достоевского, но в полной мере есть у героев Толстого, сохранивших непосредственность, воспринимающих жизнь без отвлеченной умственной рефлексии, чутьем. Эта «живая жизнь» особенно полно и ярко выражена в Наташе Ростовской.

Мысль, что не всё в жизни познается умом, размышлениями, что надо верить и непосредственному чувству — интуиции, для меня оказалась своего рода открытием, на которое я бурно реагировала, метнувшись даже в противоположные крайности. Я с радостью вдруг почувствовала право ни о чем не думать и, закрыв глаза, как ненужную шелуху отбросить сомнения и вопросы, которые не могла осилить. Я хотела просто верить во всё хорошее, доброе в мире, просто радоваться жизни, не отравляя ее отвлеченными страданиями. У меня было такое чувство, будто я вырываюсь из плена на свободу. Эти перемены в моем душевном состоянии на первых порах отразились на моем поведении. Меня потянуло к бездумному своеволию, даже озорству, хотелось проявить себя дурачествами и ни о чем не думать. Вот вызвал Кандауров по географии, и под всеобщий смех я сочиняю у карты всякую чепуху. В классе смех, а я чувствую себя героем. В школе у нас не было даже вопросов о дисциплине, о грубости, и мое поведение было совершенно необычно. Поэтому Леонид Васильевич посмотрел на меня с изумлением, внимательно и без всяких слов отпустил на место.

²⁴ Борис Александрович Грифцов (1885–1950) — критик, переводчик, литературовед, историк литературы. В 1919–1920 гг. преподавал зарубежную литературу в Тверском институте народного образования.

Через год у нас появилось новое литературное имя, которым я увлеклась. Это философ Ницше, имевший в то время большое влияние на образованное общество, вернее на какую-то часть его. Как это ни странно, но у меня были поклонницы из другого, более младшего класса, и одна из них, узнав о моем интересе к Ницше, подарила мне самое популярное в то время произведение его «Так говорил Заратустра». Составился небольшой кружок, в котором я читала и как бы толковала эту книгу. Читала я медленно, с многозначительными паузами, восклицаниями. Идея сильного, красивого, волевого Сверхчеловека, созидającego жизнь и новую этику, увлекала. В восторге были и мои слушатели. Они с благоговением внимали мне, чуть ли не принимая меня за Заратустру, а я не только читала о нем, но и вошла в его роль, особенно в презирании людей «слабых». Что касается Ницше, то думаю, что мы не всё у него понимали, а прежде всего были во власти стиля этой поэтической книги афоризмов. Нас покорял волевой, повелительный тон и красота речи Заратустры, а смысл ее — «пусть господствует сильный, а слабого нужно устранить с дороги» — не доходил до полного сознания, так же как и другие его истины, вроде: «идешь к женщине, не забудь взять плетку»!

Тем не менее книга оказала влияние на нас, и в частности на меня. Я на некоторое время вошла в роль в презирании людей слабых. Но однажды наша воспитательница М. И. Вышинская вызвала меня для разговора и дружески сказала: «Послушайте, почему вы так пренебрежительно обращаетесь с Т. К.? Не потому ли, что она искренне восхищается вами? Это же такой милый, хороший человек! И не хорошо пользоваться мягкостью и слабостью этого милого, привязанного к вам человека, держать себя так высокомерно и обижать его. Подумайте об этом!»

Хороший человек была Марья Ипполитовна, и одернула меня вовремя и тактично. Ее задушевные слова я поняла, они сбили мою спесь навсегда.

Учебно-воспитательный персонал²⁵

1. Александровский Борис Иванович, преподаватель политэкономии (1918–1919).
2. Альбицкая Мария Андреевна, преподаватель гимнастики и надзирательница (1905–1908).
3. Алексеев Семен Алексеевич, преподаватель естественной истории (1873–1874).
4. Архипова Анна Ивановна, учитель начальной нормальной школы (1916–1919) (далее эта школа именуется просто «начальной»).
5. Басукинская Г. Н., руководитель практическими занятиями в детском саду при школе Максимовича (1919).
6. Белоусова Екатерина Михайловна, надзирательница и письмоводительница (1911–1912).
7. Белоусова Юлия Михайловна, воспитательница (1911–1912).
8. Бенеманская Александра Михайловна, надзирательница и преподаватель арифметики и естественной истории в приготовительном классе (1877), надзирательница и учитель начальной нормальной школы (1878–1892).
9. *Берви-Кайданова Ольга Владимировна*, начальница школы Максимовича (1906–1909).
10. Благовещенский Павел Федорович, законоучитель начальной школы (1913–1916).
11. Богданова Елизавета Петровна, преподаватель рукоделия (1918–1919).
12. Бойчевский Иван Андрианович, преподаватель русского языка в старших 3 и 4-м классах (1887–1899).
13. Большаков Н. Я., преподаватель педагогики (1883–1886).
14. Борейша Екатерина Исидоровна, надзирательница (1899–1900).
15. Васильева Вера Витальевна, преподаватель (1908–1909).
16. Великанов Михаил Матвеевич, преподаватель русского языка в младших (приготовительном, 1 и 2-м) классах (1882–1890).
17. Виноградова Мария Васильевна, преподаватель физики и математики (1907–1914?).
18. Воскресенский Евгений Иванович, преподаватель русского языка в старших классах (1881–1887).
19. Вышинская Мария Ипполитовна, преподаватель русского языка в младших классах и воспитательница (1892–1919), заведующая библиотекой (1918).
20. Гальперн Елена Ильинична, преподаватель физиологии и гигиены (1916–1919).
21. Глазунова Евгения Николаевна, преподаватель географии и надзирательница (1903–1919).
22. Глазунова Ольга Николаевна, преподаватель рисования и чистописания (1898–1919).
23. Голубинин Павел Ефимович, преподаватель естественной истории и географии (1879–1881).
24. Глухарева Мария Егоровна, учитель начальной школы (1901–1903).

²⁵ В списке отражены только те должности, которые названные люди занимали в школе Максимовича. Слово *законоучитель* обозначает священника, преподавателя Закона Божия. Фамилии начальниц выделены курсивом.

25. Грешищева Прасковья Евграфовна, учитель начальной школы (1884–1887).
26. Гулевич Викентий Иванович, преподаватель географии (1879–1880).
27. Дагаева Александра Федоровна, преподаватель истории в младших классах (1908–1914?).
28. Даденкова Вера Галактионовна, учитель начальной школы и надзирательница (1878).
29. Дамаскинская Ольга Николаевна, письмоводительница и воспитательница (1912–1919).
30. Десятовский Фома Алексеевич, преподаватель математики в старших классах (1881–1887).
31. Дистерло Ольга Александровна, преподаватель истории в младших классах, русского языка в 1-м классе (1882–1908), воспитательница (до 1890).
32. Добромыслов Лаврентий Федорович, законоучитель, годы работы в школе неизвестны, в 1898 г. уехал из Твери.
33. Добронравова Вера Ивановна, преподаватель математики в младших классах (1878–1881).
34. Дружинин А. И., преподаватель математики (1871–1872).
35. Дубакин Петр Николаевич, законоучитель (1898–1919).
36. Дьяконова Надежда Павловна, начальница школы, преподаватель арифметики, геометрии, естественной истории, русского языка, педагогики (1874–1887).
37. Зайцева Татьяна Павловна, учитель начальной школы (1906–1908).
38. Зак Арт Яковлевич, преподаватель педагогики (1915–1919).
39. Зборови́рская М. К., преподаватель арифметики в младших классах (1873–1875).
40. Златовратская Любовь Николаевна, начальница школы и преподаватель истории (1873–1874).
41. Зыкова Валентина Алекс., преподаватель (1918–1919).
42. Иванов В. Я., преподаватель чистописания и рисования в младших классах (1876).
43. Иванов Иван Александрович, преподаватель всеобщей и русской истории (1876–1878).
44. Ишиев Николай Пименович, инструктор игры на балалайке (1916).
45. Казаков А. В., преподаватель математики в старших классах (1891).
46. Казанский Ар. Иванович, преподаватель пения (1883–1884).
47. Калинина, ответственное за школу лицо, фактически ее начальница (1872–1873).
48. Кандауров Леонид Васильевич, преподаватель физики, космографии и географии в старших классах (1908–1919).
49. Кафтанова Екатерина Алексеевна, преподаватель химии и надзирательница (1911–1915).
50. Качковская Юлия Стефановна, преподаватель русского языка в младших классах и надзирательница (1898–1899).
51. Клевенский Митрофан Михайлович, преподаватель русского языка и истории в старших классах (1906–1919).
52. Климко Флор Степанович, преподаватель русского языка в старших классах (1899–1901).
53. Кобылина В. А., преподаватель обувного мастерства (1883).

54. Колаковский Леонид Антонович, преподаватель географии, естественной истории, физики, организатор ботанического сада (1881–1908).
55. Колесанов Александр Николаевич, преподаватель рисования и чистописания (1877–1889).
56. Колосов Владимир Иванович, преподаватель истории в старших классах (1879–1908).
57. Колосова (в девичестве Соколова) Мария Александровна, преподаватель арифметики в младших классах (1876), преподаватель русского языка в младших классах (1876–1882).
58. Коновалова Анастасия Васильевна, учитель начальной школы (1911–1914).
59. Коренев (Корнеев?) Мирон Иванович, преподаватель математики и физики в старших классах (1877–1878).
60. Королева Татьяна Федоровна, учитель начальной школы (1915–1919).
61. Корсакова Евгения Яковлевна, преподаватель всеобщей истории (1875–1876).
62. Корсакова Мария Павловна, преподаватель естественной истории и надзирательница (1906–1908).
63. Костылев Борис Б., преподаватель физиологии (1889–1891).
64. Кудрявцева Мария Фоковна, фельдшер школы (1907–1917).
65. Кудряшова Анна Степановна, преподаватель физкультуры (гимнастики), воспитательница и учитель начальной школы (1913–1919).
66. Кузьмин Александр И., преподаватель математики в старших классах (1887–1891).
67. Кун Николай Альбертович, преподаватель русского языка в старших классах (1903–1905).
68. Куницын Петр Н., законоучитель начальной школы (1916).
69. Куров Н. И., преподаватель математики в младших классах (1874–1875).
70. Курочкин Василий Иванович, преподаватель основ сельского хозяйства (1910–1915).
71. Кустова Мария Федоровна, заведующая детским садом при школе (1918–1919).
72. Лашек Федор (Фридрих) Осипович, преподаватель пения (1893–1919).
73. Лебедева Елизавета Ильинична, преподаватель русского языка в младших классах, естественной истории в 1-м классе (1877–1890); исполняющая обязанность начальницы школы (1887).
74. Лебедева Татьяна Николаевна, учитель начальной школы (1907–1919?); заведующая метеорологической станцией (1907).
75. Линд, преподаватель всеобщей истории (1870–1871).
76. Лопатина Елена Георгиевна (Егоровна), преподаватель математики в младших классах (1880–1885).
77. Лопатина М. Г., преподаватель русского языка в младших классах (1891–1892).
78. Любский Михаил Павлович, законоучитель (1918).
79. Любский Сергей Михайлович, преподаватель пения (1919).
80. Максимович Анна Павловна, преподаватель истории (1873–1875).
81. Маслеников Василий Яковлевич, преподаватель физики и географии в старших классах (1907–1908).
82. Метелкина Пелагея Ивановна, помощница учителя начальной школы (1902–1903).

83. Миловидов Иван Васильевич, преподаватель географии, русского и церковнославянского языков (1878–1880).
84. Митюрева Евгения Сергеевна, сестра милосердия при школьной больнице (1918–1919).
85. Митягина Мария Михайловна, учитель начальной школы (1898–1903).
86. Михайлова Ан. Ар., преподаватель кройки и шитья (1883).
87. Модестова Анастасия Павловна, учитель начальной школы (1892–1893).
88. Модестова Мария Ивановна, преподаватель математики (1887–1919).
89. *Морковина*, ответственное за школу лицо, фактически ее начальница (1870–1871).
90. Морошкин Василий Ильич, преподаватель истории (1878–1879).
91. Москвин Вячеслав Александрович, преподаватель истории в старших классах (1907–1914?).
92. Москвин Пантелеймон Алекс., преподаватель хозяйственной географии (1918–1919).
93. Мурашев Владимир Васильевич, преподаватель математики в старших классах (1893–1896).
94. Невский Павел Иванович, законоучитель начальной школы (1892–1894).
95. Обломкова Анна Ивановна, преподаватель (1918–1919).
96. Образцов Федор Иванович, законоучитель начальной школы (1879–1880).
97. Огнева Надежда Николаевна, преподаватель истории в младших классах (1907–1908).
98. Ожажок-Ожданок С. В., преподаватель рисования и чистописания (1889–1893).
99. Огорокова Варвара Эрастовна, учитель начальной школы, математики в старших классах, географии и чистописания в младших классах, надзирательница (1892–1904).
100. Огорокова Вера Эрастовна, преподаватель математики в старших классах, надзирательница (1896–1897).
101. Ольденбург Федор Федорович, преподаватель педагогики и психологии, заведующий всей учебно-воспитательной частью школы (1887–1914).
102. Орлов Александр Петрович, законоучитель (1870–1879); законоучитель начальной школы (1881–1891).
103. Павлов Алексей Петрович, преподаватель географии и естественной истории (1878–1880).
104. Павлов Владимир Николаевич, преподаватель физиологии и гигиены (1900–1902).
105. Павлова (Платонова) Вера Николаевна, преподаватель математики в старших классах (1897–1902).
106. Первухин Григорий Петрович, законоучитель школы (1878–1895?).
107. Петропавловский Измаил Федорович, преподаватель русского языка (1873–1876).
108. Петрункевич Михаил Ильич, преподаватель физиологии и гигиены (1880–1884).
109. Платонова, см. Павлова Вера Николаевна.
110. Плеханова Надежда Георгиевна, преподаватель математики (1902–1904).
111. Повало-Швейковская Надежда Николаевна, преподаватель рисования и чистописания (1893–1897).
112. Покровская Е. И., преподаватель истории (1873–1874?).
113. Полотебнов Алексей Иванович, преподаватель физиологии и гигиены (1892–1893).

114. Потемкин Михаил Петрович, преподаватель физиологии и гигиены (1902).
115. Починская Аделаида Петровна, преподаватель физкультуры (гимнастики) (1918–1919).
116. Пфингстен (Фингстен) Теофил Эрнестовна, преподаватель пения (1884–1893).
117. Робер Александр Николаевич, преподаватель русского и церковнославянского языков, педагогики; заведующий всей учебно-воспитательной частью школы (1872–1880).
118. Розанов, преподаватель физики (?–1882).
119. Розов Евгений Григорьевич, преподаватель пения (1879–1880).
120. Розов Николай Иванович, преподаватель физики и геометрии (1876–1883?).
121. Савина Мария Федоровна, преподаватель химии и воспитательница (1915–1919).
122. Сарап (урожд. Чернозерская) Надежда Степановна, преподаватель истории и воспитательница (1910–1919).
123. Светликова Алевтина Николаевна, преподаватель естествоведения и воспитательница (1910–1918).
124. *Свешникова Елизавета Петровна*, начальница школы (1887–1905).
125. *Свищева Н. Н.*, начальница школы, преподаватель русской истории и географии (?–1873).
126. Семеновская Евдокия Ивановна, помощница учителя начальной школы (1903–1904).
127. Серебряникова Юлия Дмитриевна, учитель начальной школы (1907–1916).
128. Сиротинина Ю. Н., преподаватель русского языка, надзирательница (1890–1891).
129. Сироткина Анастасия Матвеевна, учитель начальной школы (1906–1908).
130. Скобникова Александра Николаевна, учитель начальной школы (1902–1919?).
131. Соболев Н. И., преподаватель рисования и чистописания (1874–1876).
132. Соколинская, преподаватель всеобщей истории (1871).
133. Соколова Мария Александровна, см. Колосова.
134. Соколова Серафима Александровна, учитель начальной школы (1903–1906, 1914–1919).
135. Соколова, преподаватель русского языка и математики в приготовительном классе (1876–1877).
136. Спасская Мария Петровна, преподаватель математики в младших классах, чистописания, надзирательница (1904–1906).
137. Стратилатов Н. А., преподаватель математики (1891).
138. Струженцов Василий Иванович, законоучитель начальной школы (1894–1896), законоучитель основной школы (1896–1919).
139. Стукалич Евгения Казимировна, фельдшер и надзирательница, заведующая школьной аптекой и лазаретом (1892–1908).
140. Суворовский Александр Михайлович, преподаватель русского языка в старших классах (1902–1903).
141. Сухоручкин Сергей И., преподаватель физиологии и гигиены (1893–1894).
142. Сыромахин С. П., преподаватель пения (1880–1881).
143. Темяшов Н. Г., преподаватель географии (1874–1877).

144. Тимофеева Наталья Павловна, учитель начальной школы (1903—1909), начальница школы (1910—1911).
145. Тихвинский Афанасий Петрович, преподаватель русского языка в старших классах (1872—1878).
146. Тюелиев А. С., преподаватель арифметики, геометрии, «объяснений явлений природы» (1873—1874).
147. Угрюмова, преподаватель математики (1872—1873).
148. Ухова Екатерина Павловна, преподаватель истории (1918—1919).
149. Федорова Ольга Юрьевна, преподаватель естественной истории (1891—1907), начальница школы (1905—1906, 1911—1919).
150. Фингстен, см. Пфингстен Т. Э.
151. Флерова Евфалия Капитоновна, преподаватель русского языка в младших классах (1900—1905), преподаватель географии в младших классах, воспитательница (1906—1919).
152. Флоринский Л., законоучитель (1918).
153. Херсонский Василий Иванович, преподаватель педагогики и психологии (1918).
154. Цымковская-Гинцбург Цецилия Марковна, врач школы (1898—1919).
155. Чайчинский Франц Мартынович, врач школы (1875).
156. Чернозерская Надежда Степановна, см. Сарап.
157. Черно-Шварц Борис Наумович, преподаватель физиологии и гигиены (1907—1915).
158. Чернышев Константин Васильевич, преподаватель церковнославянского, русского языка в старших классах (1877—1878).
159. Чистова Прасковья Степановна, учитель начальной школы, первая учительница этой школы (1877—1878).
160. Чуди В. Р., преподаватель математики в младших классах (1882—1886).
161. Шинделяр Б. О., преподаватель пения (1881—1883).
162. Шишкова Наталья Михайловна, учитель начальной школы (1899—1904).
163. Шуенинов Николай Петрович, преподаватель гигиены и физиологии (1883—1889).
164. Эдельштейн Зинаида Александровна, учитель начальной школы (1917—1919).
165. Яковлева Екатерина Ивановна, учитель начальной школы (1889—1907), учитель начальной школы и математики в младших классах (1907—1919).

СОДЕРЖАНИЕ

Страница в истории страны	3
Предисловие	5
Глава 1	
П. П. Максимович и его школа	9
Глава 2	
Преподавание литературы	45
Русская художественная литература в средней школе рубежа XIX–XX веков	45
Чтение, стимулирующее творчество	60
«Пассивное» чтение	81
Изучение истории литературы	111
Глава 3	
Учителя и ученики	115
А. П. Павлов	119
Е. П. Свешникова	125
Н. А. Кун	136
М. М. Клевенский	143
Л. В. Кандауров	148
Приложения	
М. И. Грифцова. Воспоминания	159
Учебно-воспитательный персонал	177

Татьяна Анатольевна Ильина

Школа Максимовича

Исследование и материалы

Генеральный директор А.С. Полосков
Технический редактор Т.Ю. Саватеева
Компьютерная вёрстка А.Ю. Карасёвой
Дизайнер И.Ю. Бодалёва

Творческое объединение «Книжный клуб»

Тел. (4822) 41-71-55

E-mail: tverbook@mail.ru, www.tverbook.ru

ISBN 978-5-903830-26-8

Подписано в печать 11.11.2010 г. Формат 70×100/16.
Усл. печ. л. 16,25. Тираж 300 экз. Заказ № 5096.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ОАО «Тверская областная типография».
170100, г. Тверь, Студенческий пер., 28.

